„Проблемы мирового хозяйства“

Серия под редакцией проф. **С. А. ФАЛЬКНЕРА.**

ВЫПУСК III

ГЕРМАН ЛЕВИ

проф. Берлинского Технологического Института

ОСНОВЫ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА АНГЛИИ

Перевод Л. А. ФЕЙГИНОЙ.

Изд-во „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“

МОСКВА—1924

Главлит 20658. Москва. Тир. 4000.
Мосполиграф, 27 типография „Красная Печать“, Остоженка. 10.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие к книге Германа Леви.

Разрабатывая план серии „Проблемы мирового хозяйства", мы включили в него, как было указано в предисловии к 1-му выпуску, два типа работ: одни—посвящены функциональным проблемам всего мирового хозяйства в целом, другие—положению важнейших его частей и концентров.

Настоящий выпуск является первым из числа работ второго типа.

Народное хозяйство Англии для всякого исследователя тенденций мирового развития являет собою совершенно исключительный интерес. Ибо, во-первых, это страна наиболее **раннего** развития промышленного капитализма, которая вплоть до недавнего времени неизменно оставалась в этом отношении „лидером" мировой экономической эволюции. И, во-вторых, промышленный капитализм достиг здесь своего наиболее **полного**, можно сказать, предельного развития (особенно, если взять собственно Англию, без Ирландии).

Именно поэтому, когда **Маркс** поставил себе целью построить замкнутую систему законов функционирования и развития капитализма, то он взял в качестве реального об'екта иследования Англию, как наиболее передовую капиталистическую страну и **тип** капиталистического хозяйства вообще. Именно английская индустрия, и особенно текстильная промышленность, составлявшая ее важнейшее ядро в течение первой половины XIX века, дала ему ключ к пониманию самых интимных пружин и связей капиталистической системы.

Эта **завершенность** промышленной эволюции Англии, использование всех ее производительных сил в направлении индустриального развития лучше всего может быть показана немногими цифрами, характеризующими состав населения Англии в ряду других стран. Все три процесса, которыми характеризуется промышленное развитие—**пролетаризация, индустриализация и урбанизация** населения, получили здесь свое наиболее яркое воплощение.

1. **Пролетаризация.** По подсчетам известного статистика Arthur'a Bowley самодеятельного населения (в смысле наличия самостоятельного дохода) в Англии насчитывалось в 1913 году 20.700.000 чел. при общей численности населения около 46 милл. Это число делилось следующим образом:

1) Получателей заработной платы	15.200.000 чел.
2) Получателей промежуточных доходов ниже 160 ф. ст. в год.	4.310.000 чел.
3) Получателей доходов свыше 160 фун. стерл. в год, обложенных подоходным налогом . .	1.190.000 чел.
Итого: . .	20.700.000 чел.

Если принять во внимание, что вторая рубрика „получателей дохода ниже 160 ф. ст.", т.-е. менее 1500 р. в год или 125 руб. в месяц, захватывает почти всегда лишь скрытые формы той же заработной платы, то подавляющее значение последней по сравнению с другими видами дохода в народном хозяйстве Англии станет совершенно очевидным.

Чистая, непосредственно улавливаемая статистикой, форма заработной платы захватывает 75% всего самодеятельного населения, а вместе со смешанными формами она представляет около 94% населения.

2. **Индустриализация.** Вместе с тем около $^3/_4$ населения Англии уже перед войной были заняты в промышленности и торговле и лишь 8,5%—в сельском хозяйстве.

Первенствующее положение Англии в этом в ряду среди других стран явствует из следующего сопоставления данных, относящихся к 1907—1911 гг.

Страны.	Процент самодеятельного населения занятый:	
	в промышленности и торговле.	в сельском хозяйстве.
1. Англия	73%	8,5%
2. Бельгия	68%	17 %
3. Швейцария	62%	27 %
4. С. Штаты	54%	33 %
5. Германия	52%	35 %
6. Франция	46%	41 %

3. **Урбанизация.** Наконец, и процесс урбанизации показывает, как далеко обогнала Англия другие страны уже с самого начала XIX века.

По исчислениям одного немецкого экономиста процент городского населения составлял:

Страны.	В 1800 году.	В 1890 году.
1. В Англии	21,3%	61,7%
2. В Саксонии	8,9%	34,5%
3. В Пруссии	7,2%	30,0%
4. Во Франции	9,5%	25,9%
5. В Австрии	4,4%	15,8%
6. В Швеции	3,9%	13,7%

Ближайшим последствиями и рефлексами этой руководящей роли Англии в процессе экономического развития явилось, с одной стороны, огромное возрастание ее территориальных владений и могущества, а с другой стороны—быстрый рост ее благосостояния.

Британская империя является величайшим территориальным единством, которое когда-либо существовало в истории.

Тысячелетнее развитие человечества знало целый ряд сменявших друг друга „мировых держав": империя Александра Македонского и Рим—в древности, турецкое владычество в Европе и Азии—в средние века, Испания—в ее эпоху расцвета на заре нового времени (эта первая колониальная держава в современном смысле с огромными заокеанскими владениями в Африке и Америке), наконец Россия, так легко овладевшая в XVII веке северной половиной Азии. Но если сравнить территориальные владения этих мировых держав в период их наибольшей мощи, то окажется, что все они далеко отстают от современной Британской империи (цифры мы сопоставляем по Glockemeier'у):

Владения мировых держав в период их наибольшего расцвета:

Рим (116 г. после Р. Х.)	3.750	тысяч	квадр.	километров.
Турция (1685 г.)	5.750	„	„	„
Испания (1790 г.)	18.000	„	„	„
Россия (1903 г.)	23.400	„	„	„
Британская империя (1920 г)	33.400	„	„	„

И, что особенно интересно: периодом наиболее быстрой территориальной экспансии Англии (в противоположность, напр., России) является как раз время ее капиталистического развития: вторая половина XVIII и весь XIX век.

Территориальная экспансия Англии.

1600 г.	300	тыс.	квадр.	километров.
1650 г.	550	„	„	„
1700 г.	1.000	„	„	„
1750 г.	2.000	„	„	„
1800 г.	11.300	„	„	„
1850 г.	19.800	„	„	„
1900 г.	31.100	„	„	„
1920 г.	33.400	„	„	„

Таким образом, получилась единственная в своем роде картина: маленький островок с едва лишь 40-миллионным населением, по отношению к которому даже его сосед (Ирландия) оказался „доминионом", является обладателем и вершителем судеб более чем 1/5 земного шара с населением св. 400 миллионов человек.

С этим обстоятельством тесно связан другой процес большого значения: это—рост благосостояния населения этой страны. Далеко опередившая другие страны в процессе экономического развития, Англия быстро опередила их и в цифрах национального дохода и национального имущества. Реальная заработная плата английского рабочего превышала таковую крупнейших континентальных стран (Франция, Германия, Бельгия) в 1,5—1,85 раза[1]). А повышенные нормы благосостояния населения приводили в свою очередь к ускорению процесса дальнейшего накопления—этому важнейшему фактору экономического развития.

[1]) Подробные цифры см. в моей работе „Национальные индексы заработной платы". Москва, 1923 год.

Сочетание этих условий привело к **двум последствиям**, которые особенно ярко характеризуют собою положение Англии в ряду других стран.

1) Быстрый темп накопления приводил к тому, что Англия становилась все больше мировым и, по существу, единственным экспортером капиталов, снабжавшим ими все экономически сколько-нибудь привлекательные территории и уголки земного шара. Уже в 70—80 г.г. Англия стала мировым центром накопления, с одной стороны, и мировым банкиром, с другой. Это в свою очередь укрепило ее экономические связи с колониями и доминионами, которые в порядке чисто политического принуждения, при указанном выше колосальном расхождении сил одного маленького острова и его владений, не могли бы удержаться в течение сколько-нибудь долгого времени. С другой стороны, это содействовало выработке того исключительного положения, которое Англия к концу прошлого века стала играть во всех международных отношениях.

2) Не менее существенна и вторая качественная характеристика особого положения Англии, вытекающая из указанных выше условий. Это строй ее социальных отношений. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что в течение всего периода капиталистического развития, Англия, в противоположность континентальным странам, не знала ни одной не только сколько-нибудь законченной революции, но, в сущности, и ни одной попытки ее. История Англии в течение всего XIX века наполнена напряженнейшей социальной борьбой, богатой рядом драматических сочетаний и эпизодов; но все отдельные акты этой борьбы заканчивались до сих пор тем или иным компромиссом, идея которого стала как бы символом всех внутренних отношений этой страны. Мы не будем останавливаться здесь на выяснении всех причин создавших эту своеобразную картину внутренней эволюции; но два момента можно указать с полной определенностью.

Первый был указан еще Марксом в его анализе. рабочего движения в Англии. Отсутствие социалистического движения он об'яснял как известно тем, что английский пролетариат заинтересован в удержании монопольного положения английской индустрии на мировом рынке и мировом владычестве этой страны; ибо английский пролетариат получает в своей высокой заработной плате часть прибылей, извлекаемых английской буржуазией из других стран. Второй момент, получивший недавно довольно точное цифровое выражение, заключается в довольно благоприятных для английского пролетариата нормах раздела национального дохода. По исчислениям известного английского статистика Arthur'a Bowley для 1911 года заработная плата составляла 68% всего национального дохода; по исчислениям другого статистика и финансиста Josiah Stamp'a чистый доход английской индустрии распределялся в 1907 году следующим образом:

Заработная плата рабочих	58%
Жалованье служащих ниже 160 фун. стерлингов в год . .	4%
Жалованье служащих выше 160 фун. стерлингов в год . .	6%
Земельная рента, проценты на капитал и прибыль	32%

Таким образом оплата труда всех видов составляла в общей сумме дохода 68%, нетрудовые доходы 32%. Но нужно принять во

внимание, что весьма значительная доля не трудовых доходов не потребляется, а капитализируется, увеличивая собою основной капитал или, иначе, сумму производительных средств страны, которые и составляют основу ее дальнейшего развития.

В Германии, с ее более низкими нормами благосостояния, а значит и с более низкими нормами накопления, процент капитализации составлял по исчислениям Гельффериха около 20% всего национального дохода. В Англии он несомненно был выше, но если даже принять условно и здесь 20%, то окажется, что часть национального дохода, потребляемая имущими и поставленными в лучшие материальные условия группами, составляет лишь 12%.

Таково было международное и внутреннее положение английского хозяйства накануне войны; после ее окончания эти блестящие показатели во многих отношениях стали еще более значительными. Прежде всего в результате войны Англия приобрела почти все германские колонии и получила в свое бесконтрольное распоряжение большую и наиболее ценную часть Африки. Затем, из числа ее конкурентов был выбит ее главный континентальный соперник, чрезвычайно быстро развивавшаяся за последнее время Германия.

На мировой арене из числа шести европейских и двух внеевропейских „великих держав“ остались только четыре: Англия, С.-А. С. Штаты, Франция и Япония. Но и в числе этих четырех держав две последние занимали явно второстепенное положение. Франция, несмотря на крупные приобретения, была подавлена бременем военных долгов, разрушением ее наиболее богатых индустриальных провинций и тяжелыми финансовыми неурядицами. Япония, связанная в своих выступлениях, теперь больше чем когда-либо, выяснившейся скудостью ее минеральных ресурсов, была недавно отброшена далеко назад грандиозным землетрясением. Таким образом, на мировой арене остались в сущности два и только два соперника за мировую гегемонию.

И все же, оглядывая весь путь экономической эволюции Англии и выделяя условия ее дальнейшего развития, можно с полной определенностью утверждать, что **кульминационный пункт мирового развития этой страны уже пройден, что он лежит где-то посредине между 1914 и 1920 гг.** Больше того, можно констатировать, что блестящее создание Британской империи переживает ныне тяжелый и многообразный по своим проявлениям **кризис** большого значения. По сравнению с этим внутренним, органическим кризисом, раз'едающим самые основы ее мирового значения, пережитый ею в 1920—1923 гг. послевоенный промышленный кризис, о котором у нас столько говорилось и писалось, играет совершенно второстепенную роль. Мы попробуем указать только некоторые наиболее яркие направления и проявления его.

Прежде всего, самый масштаб территориальной экспансии Англии уже к началу XX века явно **превышал ту норму**, при которой хотя бы с известными усилиями могла поддерживаться внутренняя спайка ее частей. С некоторых пор дальнейшее **территориальное развитие Британской империи неизбежно должно было совершаться за счет ослабления ее внутренних связей.** Это à priori можно было признать в высокой степени вероятным при выявлении разительного противоречия между территорией и населением владеющего острова и его разбросанными по всему свету колониями и доминьонами.

Осознание невозможности проведения по отношению к ним чистой политики насилия привело Англию уже довольно давно к выработке совершенно своеобразного типа колониальной политики, к предоставлению внутренней самостоятельности и автономного управления последовательно целому ряду ее владений и притом нередко вскоре после их приобретения (как то было, например, с Южной Африкой). Следующим шагом явился институт имперских конференций, которые стали созываться Англией в составе представителей всех ее владений. Вначале они имели почти исключительно совещательное значение, но чем больше политическая автономия колоний стала подкрепляться созданием здесь самостоятельных хозяйственных центров и своеобразным направлением экономического развития, тем больше возрастал удельный вес голосов представителей английских доминьонов по сравнению с голосами представителей метрополии. Быстрый бросок вперед был совершон в этом направлении после войны, когда особенно рельефно выявилась роль доминьонов. Последняя имперская конференция, на которой получили самостоятельное представительство даже Индия и Ирландия, явилась в сущности свидетелем **завершившейся реорганизации Великобритании из централистического владеющего государства в федеративное об'единение** с далеко не очень прочной связью отдельных территорий.

Но истинная трагедия Англии заключается в том, что ее собственная хозяйственная деятельность и экономическая политика способствовали больше чем что-либо этому процессу разложения Британской империи. Мы имеем в виду здесь прежде всего **экспорт капиталов**. Начавшийся от избыточного накопления их в самой Англии и направлявшийся в места, экономически наиболее выгодного их применения, и прежде всего в колонии, он приводил, с одной стороны, к созданию мощных производственных массивов в этих новых молодых странах и, с другой стороны, к замедлению темпа экономического развития в самой метрополии. Сочетание этих обоих процессов привело уже перед войной к такому поразительному явлению, что национальный доход и национальное имущество в молодых, только недавно начавших развиваться доминьонах (при расчете на душу населения) стали быстро догонять, а местами и превзошли английские нормы, оставив далеко позади континентальные страны Европы. Это видно из следующих цифр, относящихся к последним годам перед войной:

Страны.	Националь-ный доход.	Националь-ное имущ.
	На душу населения (в долларах).	
1. С.-А. С. Штаты	350	2.063
2. Англия	243	1.548
3. Австралия	263	1.548
4. Канада	195	1.460
5. Франция	185	1.475
6. Германия	146	1.187
7. Италия	112	623
8. Австро-Венгрия	102	589

При этом необходимо иметь в виду, что и экономическое развитие С.-А. С. Штатов, стоящих на первом месте и бывших прежде также английской колонией, совершалось и после провозглашения независимости, в течение XIX века главным образом за счет импорта английских капиталов.

При таких соотношениях норм благосостояния очевидно, что экономическое обособление быстро прогрессирующих доминьонов Англии является только вопросом времени. За последние годы этому особенно содействует развитие их связи с С.-А. С. Штатами. Ныне уже не подлежит сомнению, что Канада и Австралия все больше втягиваются в орбиту влияния последних. Поэтому не приходится удивляться тому, что Канада устанавливает самостоятельные дипломатические сношения с С.-А. С. Штатами, обмениваясь послами, что в печати открыто сообщается об американофильских тенденциях нынешнего канадского премьера или даже о том, что премьер Новой Зеландии, отправляясь на недавнюю имперскую конференцию в Лондон, „по дороге" заезжает на предварительное совещание в Вашингтон. На ряду с этим имеется ряд данных о проникновении американского капитала в Южную Африку и даже в Индию.

Что касается английских владений этого второго типа, колоний в собственном смысле слова, населенных цветными расами (Индия, Египет и др.), то здесь Англии приходится встречаться с новыми и притом все возрастающими затруднениями, в лице особенно усилившегося за последнее время националистического движения, идущего под лозунгом полной политической независимости. Растущее вместе с процессом экономического развития этих стран и также не мало ускоренное тем же импортом английских капиталов это националистическое движение весьма рано к чисто политическим лозунгам присоединяет и экономические требования. Под давлением последних Англия нередко оказывается вынужденной соглашаться на установление пошлин, ограждающих эти страны прежде всего от ввоза продуктов английской индустрии. Наиболее разительным примером этого рода является установление пошлин на ввоз текстильных изделий в Индии, этом крупнейшем потребителе английских мануфактурных товаров.

Но этого мало: на ряду с обрисованным процессом ослабления внутренних связей Британской империи и падения мирового владычества Англии, несмотря на все прогрессирующий рост ее территориальной экспансии, уже первое десятилетие XX века совершенно отчетливо выявило картину **замедления темпа экономического развития самой Англии** по сравнению с быстро выдвинувшейся вперед Германией и С.-А. С. Штатами. Причины этого замечательного явления, подвергавшегося в свое время оживленному обсуждению в европейской экономической литературе, можно искать в разных сферах; но не подлежит никакому сомнению, что едва ли ни важнейшим фактором его является намечающееся исчерпание минеральных и сырьевых ресурсов этого старейшего индустриального центра современного мира. Правда, об абсолютном сужении минеральной и сырьевой базы английской промышленности можно говорить в сравнительно редких случаях. Однако **три момента** весьма большого значения можно констатировать с полной определенностью.

Это, во-первых, качественное ухудшение добываемых в Англии руд по сравнению с продуктами горной промышленности других

более „молодых“ стран (Франции, Скандинавии, Испании). Во-вторых, количественная ограниченность возможности дальнейшего расширения добычи минералов, в виду ограниченности запасов и увеличения трудности их реализации. И в-третьих, полное отсутствие некоторых минеральных ресурсов, получивших особенное значение в последнее десятилетие и, прежде всего, нефти.

Эти процессы, медленно и постепенно вырисовывавшиеся уже до войны, были после ее окончания дополнены обнаружившимся в это время сужением мирового рынка сбыта для английских товаров. Такому сужению содействовала и ускорившаяся за время войны индустриализация английских колоний и молодых стран вообще, и снижение покупательной силы европейского континента. При этих условиях становится вполне понятным, почему общий послевоенный кризис сбыта, потрясший мировую промышленность в 1920—1923 гг. с особенной силой разразился именно в Англии, которую указанные только что дополнительные моменты сделали самым болезненным и самым длительным центром промышленного кризиса. Тем не менее нельзя не признать, что медленно и постепенно Англия уже со средины 1921 года, вслед за другими странами, начала его преодолевать [1]). Причины здесь нужно искать, с одной стороны, в начавшемся оживлении спроса на внешних рынках, а с другой стороны (что более важно) во внутренней перестройке английской промышленности для работы в большем проценте, чем ранее, на внутренний рынок. В результате количество полных безработных, достигавшее в средине 1921 года 2 мил. 171 тыс. чел., снизилось к зиме 1923—1924 г. примерно до 1 мил. 200 тыс. чел., а число частичных безработных, составлявшее в то же время 1 мил. 187 тыс., упало до нескольких десятков тысяч человек. Однако и нынешние нормы безработицы нельзя не признать весьма значительными и тяжелыми для страны, даже принимая во внимание, что часть безработных состоит из новых элементов, пролетаризированных войной и ставших впервые к станку для работы на военную промышленность.

Это имело и большие политические последствия. Длительная неразрешенность промышленного кризиса и ряда других проблем, завещанных войной, явилась причиной образования первого в истории Англии рабочего правительства. Об'ективно его положение является чрезвычайно трудным, и если можно думать, что его политика будет содействовать некоторому умиротворению Европы и смягчению ряда острых внутренних социальных проблем современной Англии, то, с другой стороны, нужно отдать себе ясный отчет в том, что в совокупном историческом процессе оно неизбежно должно будет содействовать движению Англии по тому историческому пути, который об'ективно наметился уже ранее в переломе всей кривой ее эволюции, как мировой державы. Ибо наличие рабочего правительства должно будет так или иначе привести к ослаблению мировой империалистической политики Англии, к понижению норм эксплоатации колоний, к ослаблению противодействия их националистическому движению и стремлению к самостоятельности; а это означает не только дальнейшее ослабление внутренних связей великобританского мирового государства, но и

[1]) См. подробно в нашей работе: „Перелом в развитии мирового промышленного кризиса“. Изд. 2-е. Москва, 1923 г.

к уменьшению суммы ценностей, притекающих в старую Англию со всех концов света.

Однако не следует думать, что описанные выше тенденции и процессы должны привести в сколько-нибудь близком будущем к падению мировой роли Англии. Это дело длительного периода времени, в течение которого они могут встретить противодействие некоторых контр-тенденций. И не подлежит сомнению, что в течение ближайших полутора-двух десятилетий, т.-е. того периода, за который почти никогда не выходит человеческое предвидение, Англия будет, как и теперь, одним из двух важнейших мировых центров и борцов за мировое преобладание. По своей внутренней структуре она будет, вероятно, все более превращаться в тип высоко квалифицированного хозяйства, специализировавшегося на выработке наиболее утонченных и сложных изделий высшего качества. Но, несмотря на это качественное превосходство всего направления хозяйственной деятельности Англии, ее удельный вес в мировом хозяйстве будет постепенно падать по сравнению с достигнутыми в недавнем прошлом нормами.

* * *

Предлагаемая вниманию русского читателя книга Германа Леви, несмотря на некоторые недостатки, является в сущности лучшей работой о современном хозяйстве Англии. Известный, как автор целого ряда специальных работ о различных элементах английского хозяйства, в частности, о ее аграрной эволюции, о картелях и трестах, о торговой политике и о социологическом облике английского народа, часть коих переведена и на английский язык, Леви в настоящей книге подводит в известном смысле итоги всех своих предыдущих исследований.

Многолетняя предшествующая работа над специальными проблемами английской истории и действительности и глубокое знание самых интимных связей между различными элементами английского хозяйства, которые неизбежно ускользают от внимания экономиста, подходящего к изучению вопроса в целом, без предварительной специальной проработки отдельных составных частей его, являются благодарной почвой, на которой автор имеет возможность строить свои обобщения. Вместе с тем книга отмечена постоянным стремлением к динамическому анализу и выявлению тенденций развития.

Но на ряду с этими бесспорными достоинствами, благодаря которым книга не только заинтересовывает, но местами и увлекает, врезываясь в память далеко не частой сжатостью изложения и насыщенностью материалом, нельзя пройти мимо некоторых недостатков ее, связанных, как это в большинстве случаев бывает в работах такого рода, по преимуществу с исходными положениями автора. По существу автор склонен считать себя гораздо больше социологом, чем экономистом; и несмотря на это ценность работы заключается именно в его экономическом анализе и материалах, а отнюдь не в социологических построениях. Особенно в первых двух главах внимание русского читателя не может не поразить наивность некорых основных социологических представлений Леви, которую мы не считали нужным отмечать каждый раз отдельно в примечаниях под текстом.

Сюда относится прежде всего его представление о происхождении капитализма и роли религиозных концепций и, далее, вообще его переоценка суб'ективно-организационных условий экономического развития.

Работами представителей т.-наз. „исторической социологии", к которым автор причисляет и себя, доказано лишь то обстоятельство, что в религиозных учениях англиканских сект XVI—XVII в.в. было весьма отчетливо формулировано новое отношение к хозяйственным процессам вообще и к предпринимательской деятельности в особенности; и далее, что именно это новое отношение, в противоположность представлениям средневекового католицизма, являвшегося несомненным тормозом на пути капиталистического развития, создавало весьма благоприятную обстановку для капиталистической предприимчивости и содействовало закреплению морально-правовых норм, необходимых для последней.

Но почему возникли эти новые религиозные секты с их новым отношением к хозяйственной деятельности и почему они возникли именно в это время и именно в данной обстановке? Такого вопроса работы Лавеле, Макса Вебера, Трельтча и самого Леви не только не разрешили, но даже и не поставили. Ибо те об'ективные хозяйственные процессы, которыми они были обусловлены и которые вызывали к жизни новые формы хозяйственной деятельности и предприимчивости, подчиняя себе имевшиеся до этого социальные отношения и правовые нормы, эти об'ективные факторы религиозной реформации лежали целиком вне поля зрения указанной группы исследователей.

Мы не будем останавливаться на некоторых других дефектах работы, имеющих второстепенное значение и, в частности, на недостаточнной разработанности материалов военного хозяйства Англии или отсутствии данных о ее финансовой системе; как ни существенны новообразования военного периода, они, как самостоятельные об'екты исследования, составляют в настоящее время уже историческую тему. С другой стороны, автор заканчивает свою работу, примерно, концом 1920 года, так что тяжелый кризис английской промышленности и торговли 1921—1923 гг. остается вне сферы его изложения. Но это может быть и лучше, ибо в работе, посвященной выяснению основных динамических процессов большой мощности и длительного значения, рассмотрение одного хоть и очень болезненного зигзага послевоенного периода неизбежно должно было бы затушевать основное построение.

Кризису 1920—23 гг. и в русской литературе посвящено немало работ, и в настоящее время можно с уверенностью сказать, что Англия, прошедшая кульминационный пункт развития послевоенного кризиса в средине 1921 года, в начале 1924 г. находится недалеко, от того же уровня, что и накануне его в 1920 году, т.-е. в то время на котором заканчивает свое изложение настоящая книга.

С. А. Фалькнер.

ОТДЕЛ I.

Основы хозяйственного развития Англии.

Глава I.

Территория и народный характер.

Литература: **A. Hettner**, Englands Weltherrschaft. 1915.—**Eduard Meyer**, England. 1915.—**Gustav Schmoller**, Grundriss der Volkwirtschaftslehre, 1908. S. 157 ff.—**v. Schulze—Gaevernitz**, Britischer Imperialismus und englischer Freihandel. 1906 и новое издание.—**Hermann Levy**, Soziologische Studien über das englische Volk. 1920.—**J. E. Th. Rogers**, The industrial and commercial History of England. 1892—**Smiles**, The Hugenots. 1889.—**Hermann Levy**, Die Grundlagen des ökonomischen Liberalismus in der Geschichte der englischen Volkswirtschaft. 1912.—Sir **W. Temple**, Observations upon the United Provinces of the Netherlands. 1693—**Matthew Arnold**, Culture ard Anarchy. 1869 —**C. F. G. Masterman**, The Condition of England 1911.—**Laveleye**, Protestantism and Catholicism in their bearing upon the Liberty and Prosperity of Nations 1875—**J. St. Rowntree**, Quakerism. 1859.—**E. Troeltsch**, Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen, 1912.—**Max Weber**, Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Archiv für Sozialwissenschaft 1905/06. Bd. XX und XXI.

Особенности положения британских островов, которые географы обозначают обыкновенно как ближайшие к континенту на северо-западе Европы, создали вместе с особенностями характера их населения, хозяйственные условия, на которых в значительной степени доныне покоится экономическое преобладание Великобритании.

Географическое положение Англии, выдвинутой перед западно-европейским континентом и отделенной от него морем, но все же примыкающей к нему географически, оказалось решающим фактором того обстоятельства, что Англии два раза в течение своей новейшей истории удалось избежать войны, главной разрушительницы экономического благополучия. Благодаря островному положению, английская территория, английские фабрики и английское сельское хозяйство избежали разрушительного действия войны, хотя Наполеон и грозил ей в 1806 г. континентальной блокадой, препятствовавшей экспорту английских и импорту иностранных товаров. Так же в мировой войне, если не считать воздушных налетов, Англия, несмотря на экономические последствия подводной войны, была охранена своим положением на море от разрушения ее производительных сил.

Но на ряду с этими предохранительными преимуществами своего положения, Англия многим обязана особенностям своей территории

и в отношении положительного развития. Как известно, возникновение современного капитализма в значительной степени определялось возможностью сбыта на большие расстояния. Пока средства передвижения по суше были еще несовершенны, только те товары могли в большом количестве перевозиться на далекие расстояния, которые, в силу своей редкости, обладали особой ценностью или же могли быть перевозимы при помощи исключительно дешевых транспортных средств. Так как в предыдущие столетия водный транспорт был по сравнению с сухопутным еще дешевле, чем теперь, то Англия, понятно, имела в своем экспорте преимущества перед странами, в которых, как в Германии, центры производства были отделены длинными территориальными путями от больших рынков сбыта. В качестве примера из истории экономического развития Англии можно указать на вывоз угля, который, не будучи ценным продуктом, уже в XVII веке стал важной вывозной статьей северо-восточной Англии; на этом основании сэр **Вильям Петти** мог заявить в своей „Политической арифметике“, что французы не могут жить без Англии так же, как рыба без воды. Угольная флотилия регулярно ходила уже в то время из Ньюкестля на Тайне к северо-западному берегу Франции.

Этому благоприятному для Англии положению содействовало то, что английские берега изобилуют глубокими бухтами, реками и каналообразными заливами, которые предоставляют морским судам удобный доступ внутрь страны, в противоположность, например, Франции, прямолинейные берега которой представляют собой недоступные плоскости или кручи без бухт. „При сравнении значения Англии и Франции на море,—говорит **Альфред Хеттнер** в своей выдающейся книге об Англии,—часто не обращали достаточного внимания на это различие и меньшее значение Франции приписывали не столько природе страны, сколько национальному характеру“.

Однако не только удобные границы, но и внутренние экономические преимущества особенно благоприятствовали Англии. В течение столетий она считалась самой богатой углем страной, и в этом отношении она имела то преимущество, что на ее территории угольные залежи не были сосредоточены в немногих определенных пунктах (вспомним Германию с ее Верхней Силезией и Рейнской областью, или Соединенные Штаты с Зап. Пенсильванией!). Ее уголь залегал одинаково удобно в экономическом и техническом отношениях почти по всей территории островной державы: и на северо-восточном побережьи, и в Кумберлэнде, и в Шотландии, и в Уэллсе, а также и на юге. Этим разрешался, несмотря на примитивность средств передвижения, угольный вопрос для рано возникшей промышленности, так как при дешевизне доставки не было нужды в более дешевом топливе. При этом недостаток лесов, подвергавшихся неупорядоченному истреблению, был менее чувствителен, чем это могло бы быть в других странах.

Не менее богата была Англия рудами. Залежи меди, свинца и олова в Корнуэлле и Девоншайре, сохранившиеся теперь только как историческое воспоминание, имели еще в конце XVIII века выдающееся значение. Господство Англии в железо-рудной промышленности было подорвано только с ростом добычи высоко-ценной скандинавской и испанской железной руды и с введением в железоделательную промышленность метода Томаса, который сделал воз-

можной разработку более дешевой фосфорической руды. Английская добыча железной руды стояла в течение всего XIX века на первом месте. Только Англию мог иметь в виду немецкий поэт, когда он писал:

„Где железо растет в шахтах земли,
Там растут и владения человека".

Пригодность английской почвы и ее применимость для сельского хозяйства потерпели важные перемены экономического характера, так как вообще продукты земли больше зависят от деятельности человека, чем скрытый в недрах ее неизменный запас минералов. Вообше говоря, английский климат и свойства почвы больше благоприятствуют луговому хозяйству, чем пахотному. Постоянные природные условия больше соответствуют луговому и скотоводческому хозяйству, хотя от одного века или даже десятилетия к другому то обширные луга распахивались, то, наоборот, большие пространства пахотной земли превращались в пастбища, в зависимости от коньюнктуры цен и производственных отношений. Это особенно подтверждается, если передвигаться от все еще земледельческого востока и северо-востока с их большими пахотными пространствами к северо-западу и юго-западу острова, в сплошь покрытый лугами Уэллс. Статистически также устанавливается, что по мере приближения к Западу количество пастбищ увеличивается.

В кратком очерке английской территории нельзя опустить и того особенного значения, которое имеет влажность климата еще и теперь для текстильных фабрик Манчестера и его округа, создавая им преимущество, недостижимое никакими искусственными средствами и обусловливающее собою господство английской тонкой пряжи. Этим мы ограничимся в перечислении условий, об'ясняющих чисто-территориальные преимущества английского хозяйства.

Выводы же об особенностях **английского национального характера,** созданных островным положением страны, представляют собой, хотя и часто применяемую, но непригодную для обобщений аналогию. К ней прибегал на ряду с другими и **Густав Шмоллер**, которому, впрочем, надо поставить в заслугу то, что он в своем очерке учения о народном хозяйстве один из первых сделал попытку рассматривать не общий тип хозяйствующего человека, а учитывая этнографические различия. Но и он начинает свое описание с островных особенностей английского характера. Так он говорит, между прочим: „Островное положение и самобытное политическое и экономическое развитие обусловили собою твердый, замкнутый национальный характер англичан. В нем господствуют уверенная решимость, трезвая активность, здоровая сила воли. Гордый и безразличный к другим, идет англичанин к своей цели. Медленно, с достоинством, коротко и холодно выполняет он свой труд, политические обязанности, жизненный долг; он ждет пока весь мир и отдельные нуждающиеся в нем люди обратятся к нему, насилует и подавляет слабейшие расы и классы, но дома, в семье и общине, он благороден, верен долгу, великодушен". Если, напротив, попробовать глубже рассмотреть хозяйственные навыки жизни англичанина, то придется отметить две совершенно разнородные особенности, которые сразу бросаются в глаза всем посетителям английских островов. Вспомним, например, „Путевые картины" **Генриха Гейне,** в которых он талантливо противопоставляет

английскую тупоголовость и благородство, распутные нравы и пуританизм.

Эта двойственность и поныне существует в „merry old England" (веселой старой Англии) с ее типами Фальстафа и Пиквикка, с одной стороны, и со строгими нравами населения, преданного только труду, делам и в известных пределах спорту—с другой. Очень важно исследовать историческое происхождение этой двойственности национального характера.

Несомненно, в начале XVII века в Англии преобладал еще указанный выше тип „merry old England". Это относится в то время даже к высшим кругам английского общества. Вот что говорит **Маколей** в своей „Английской истории" о помещике—дворянине того времени: „Многие землевладельцы получали воспитание, ничем не отличавшееся от того, которое получала их домашняя челядь; наследник имения проводил детство и молодость в своем поместьи, подчас с опекунами, которые были не лучше конюхов и лесничих. Его основным и самым серьезным занятием была забота о своих владениях, он исследовал пробы зерна, осматривал поросят и в ярмарочный день заключал за кружкой пива сделки с торговцами быками или хмелем. Его развлечения заключались в сельских увеселениях; наслаждения его не были утончены, его клятвы, грубые шутки, простонародные ругательства носили ясный отпечаток его провинции. Редко приходилось такому дворянину бросить взгляд на мир, и то, что он видел, больше содействовало затемнению, чем просвещению его сознания".

В противоположность этому типу „merry old England" и на ряду с ним с средины XVII века выступает новый английский „homo oeconomicus". Характерно то, что английские писатели всегда изображают этот новый хозяйственный тип на фоне других национальностей. Вспомним, например, сэра **Вильяма Темпля**, описывающего англичанам голландского хозяина, выделяющегося своей трезвостью, прямотой и честностью и в особенности „общераспространенной склонностью к торговой деятельности". Скоро самим англичанам представилась возможность познакомиться с этим типом нового человека, так как со времен королевы Елизаветы, в особенности же с Кромвелля, Англия стала приютом для большого числа протестантов, покидавших по религиозным причинам свою родину. Эти эмигранты выделялись, по единодушным показаниям английских источников, своим трудолюбием, плоды которого не расточались в неумеренных и грубых развлечениях, мотовстве и т. п. „Честен, как гугенот", стало пословицей, по сообщению позднейшего историка этих эмигрантов—**Смайльса**.

То, что еще в XVII веке англичане с удивлением наблюдали у голландцев, французов и фламандцев, они в течение XVIII века так основательно усвоили сами, что другим нациям это стало казаться их основным свойством. Скандинавский писатель **фон Таубе** сообщает в своих путевых письмах в 1770 г. следующее: „Здесь имеются, как и везде, лицемеры, обманщики, скупцы и коварные люди, но большинство населения честно и прямодушно. Не желая обижать ни одной нации, скажу, что в опасности или в тяжелом положении, вынужденный довериться незнакомцу, я предпочел бы англичанина". Дальше автор описывает, как с этой честностью соединяется какая-то купеческая сдержанность, боязнь торжествен-

ных заверений и слов, как в Англии не любят запросов и уступок и других подобных приемов, но что там принята система „твердой цены“; даже еврейские торговцы, пользующиеся в других странах столь дурной славой, вынуждены в Англии придерживаться строгих деловых принципов и всеми способами пытаются приспособиться к английским торговым нравам.

С XVII века в житейских обычаях англичанина произошел своеобразный процесс, превративший его в идеальный хозяйственный тип эпохи новейшего капитализма. Этот процесс в известной мере этически воздействовал на природу англичанина, смягчив его склонность к разгулу. Ведь нельзя забывать, что и в XVIII веке в Англии, на ряду с хозяйственной дисциплиной, в высших классах существовала небывалая легкость и распущенность нравов, обрисованная вполне ясно в произведениях **Хогарта** или **Бэнбюри**. Нравственное очищение английской жизни с XVII века способствовало, однако, некоторому смягчению этого явления. Это этическое усовершенствование основывается, как несомненно доказано исторической социологией, на известных религиозных течениях. Они обозначаются общим именем „**пуританизма**“, включающим все те секты и подсекты, которые отпали от первоначальной государственной церкви и исходили из чисто-кальвинистических взглядов на религию, мораль и этику. Англичане же во все времена проявляли такую сильную зависимость своей обыденной деятельности от религиозной мысли, что этот пуританизм воздействовал на характер нового англичанина далеко за пределами религиозной сферы. К тому же несомненно установлено, что эти пуританские взгляды с самого начала были усвоены как раз экономически самыми деятельными классами, преимущественно средним классом, в то время как высшее дворянство и высшее общество всегда было, как и теперь, весьма склонно к католицизму государственной церкви.

В чем же проявляется влияние этих пуританских учений, которых значение для внешних житейских обычаев англичан описал сначала **Лавелэ** в своем сочинении о влиянии католицизма на экономическую жизнь, а немного позднее **Мэтью Арнольд, Макс Вебер, Эрнст Трелч** и другие? На это можно ответить в немногих словах: пуританизм или вообще религиозность нонконформистской Англии основывается на первоначальном учении Кальвина о предопределении, согласно которому все люди изначально прокляты Богом. Через особое избранничество и призвание отдельные люди освобождаются от этого проклятия, через предопределение они достигают благодати, которая отделяет их от отверженных. Но это учение о предопределении отнюдь не означает, что отдельный избранный может беззаботно и без усилия приобщиться благодати. Наоборот, как очень подробно показано у **Трелча**, именно мысль о том, что отдельный человек может обладать абсолютной благодатью, заставляла считать его орудием наложенного на него призвания; это побуждало осуществлять его приобщение к благодати через труд и борьбу или стремиться к тому, чтобы обеспечить это приобщение делами, как целью (а не средством) пребывания в боге. Отдельный человек считал, что он приобщен к богу не „благодаря“ своей жизни, а „своей жизнью“, не per vocationem, но in vocatione. Из религиозного взгляда на предназначение проистекало то исключительное значение, которое придавалось призванию и его следствиям,

как видимому проявлению избранничества. Если католическая церковь и даже близкий к ней кальвинизм английской государственной церкви рассматривали экономическую деятельность и связанные с ней склонности как более или менее необходимое зло, ослабляющее религиозное напряжение отдельного человека, то иначе обстояло дело с пуританизмом. Он освятил хозяйственную деятельность человека религиозным уважением, конечно, при условии подчинения ее нормам чести и благопристойности.

Труд, заработок, умножение благосостояния стали явными знаками божественной благодати. **Роунтри** (Rowntree), представитель известной нонконформистской семьи, говорит в своем сочинении о квакерах в 1859 г.: „Истинное благочестие благоприятствует успехам купца, так как оно обеспечивает его безопасность и воспитывает в нем осторожность и предусмотрительность, необходимые для того, чтобы пользоваться в торговом мире доверием, которое содействует постоянному приращению капитала“, (ср. „Quakerism“. Лондон, 1859 г.). Истинную находку для исследования хозяйственной этики на религиозной основе представляет собой известное „Christian Directory“ **Бакстера**, заключающее главным образом ответы на вопросы сочленов по общине. Там, например, говорится: „Работай, чтобы приобрести богатство для бога“; или в другом месте: „Когда бог указывает вам путь, на котором вы честно можете больше заработать, чем на другом, а вы его отвергаете и избираете менее доходный путь, то вы противоречите целям вашего призвания (Calling)“.

Это религиозно-этическое обоснование понятия профессии (призвания) и труда имело, естественно, исключительное значение для всего экономического обихода англичанина и прежде всего в своих отрицательных устремлениях. Здесь пуританизм сознательно боролся со всякой нехозяйственной деятельностью английского народа. С величайшей строгостью относился он к излишнему увлечению спортом, в особенности к тому спортивному разгулу, который приобрел такую дурную славу во время управления англиканского короля Карла I и его советников (особенно излюблеными были отвратительные медвежья охота и петушиные бои). Характерно отрицательное отношение к обычаю устраивать масляничное гуляние одного раннего английского сочинения, считающего, что бессмысленно устраивать такое шумное развлечение от работы, когда, наоборот, работа с соответствующим ей нормальным и здоровым отдохновением является не обузой, а величайшим счастьем.

Этой точкой зрения объясняется и современное своеобразное отношение англичанина к искусству, в котором он видит в общем приятное развлечение, увеселение и отдых, но не самоцель человеческой деятельности. Уже упомянутый **Роунтри** пишет в своем сочинении о квакерстве: „Проблемы искусства были лишены своего глубокого значения, а притягательная сила науки и свободной литературы мало признавалась в первое столетие существования Общества Друзей. На место всего этого должны были стать торговые знания, путешествия в дальние страны и пр.“.

Положительным следствием пуританской этики призвания является на ряду с защитой этих хозяйственных уклонов выработка твердых экономических принципов. Пуританская хозяйственная этика связывает религиозность с деловой порядочностью. Харак-

терно частое появление в XVIII веке книг, озаглавленных: „Религиозный ткач“ или „Религиозный купец“ и т. п. Одним из пропагандистов необходимости прочно связать хозяйственную жизнь религиозными принципами, приспособив с другой стороны религиозность к материальным житейским потребностям, был и **Д. Дефое**. В связи с этими идеями проповедуется: порядочность и честность в деле, точное и правдивое ведение торговых книг, с другой стороны недоверие к иноземцам и вообще тот принцип, что больше всего следует доверять самому себе. Последний принцип глубоко коренится в подлинных учениях кальвинизма, ставящих индивидуума и его совесть в непосредственные отношения к его богу.

Целый ряд новых исследований доказал, что та часть английского населения, которая в XVII и XVIII веке больше всего содействовала капиталистическому прогрессу английских островов, принадлежала к нонконформистам или пуританам. Знаменитый английский экономист-историк **Роджерс** пишет, например, что огромные суммы, собранные после лондонского пожара в конце XVII века, принадлежали главным образом пуританам. „Это они скопили деньги, на которые не только был восстановлен город, но и благодаря которым стала возможна революция“. Среди исторических деятелей Английского банка много знаменитых диссентеров и наибольшую конкуренцию голландской Ост-индской кампании составило Общество лондонских нонконформистов. Другой английский историк-экономист, **Эшли**, показал, как много диссентерство содействовало обогащению Бирмингама. С другой стороны, показательно также и то, что в старых сочинениях постоянно отмечалось, что ядро торгово-промышленного класса составляли пуритане. Так, писатель **Вуд** говорит в 1719 г. в своем „Рассуждении о торговле“: „Те, которые отпадают от государственной церкви, принадлежат преимущественно к низшим классам: это — механики, ремесленники, фабриканты“. Он считал, что их число в торговле и ремесле столь велико, что предсказывал величайшие убытки земельным собственникам из высшего духовенства, которое было настроено враждебно к низшему классу, если бы они были так неразумны, что стали бы противодействовать диссентерам. „Пуританство, — пишет тот же **Роджерс**,—было преимущественно движением среднего класса, именно купечества в городах и крестьянства в деревне“. Этот генезис современного английского среднего класса очень важен и для понимания теперешней структуры английского общества.

В Германии, правда, существует **среднее сословие** с большей частью очень определенными экономическими интересами и даже партийно-политическими симпатиями; но в Германии не существует **среднего класса**, столь однородного, как в Англии. В Англии нет того разнообразия в путях возникновения и развития среднего класса, какое мы видим в Германии. Это—обширная и однородная часть населения, отграниченная снизу от трудящегося пролетариата, а сверху от земельной аристократии и высшего городского общества. Такое **тройное деление общества** настолько характерно для Англии, что оно постоянно отмечается во всех социологических сочинениях. Мы видим это уже в романах **Бенжамэна Дизраэли**, потом приблизительно через четверть века в политических сочинениях **Мэтью Арнольда**, разделяющего английское население на „варваров“, „филистеров“ и „чернь“. То же тройное деление мы находим

в новом сочинении известного англичанина **Мастермана**, который в своей книге, написанной в 1911 г., называет высший класс „покорителями“, средний класс—„пригорожанами“, а рабочий класс—„массой“. Средний класс он изображает следующими словами: „Он представляет собой типичный продукт Англии и Америки, наций, которые больше всего содействовали тому, чтобы к ремеслу и сельскому хозяйству присоединились промышленность, торговля и финансы“.

Разница между английским и немецким средним классом заключается в том, что последний придерживается старых традиций и видит свою цель в сохранении хотя бы чисто цеховыми средствами своего изжитого уклада; английский же средний класс всецело связан с процессом капиталистического развития и не только вовлекается в него, но считает главной целью отдельного человека переход из среднего в высший класс, так. назыв. „Общество“ (Society). Показательно, однако, то, что все вышеупомянутые и многие другие писатели, как, напр., Оскар Уайльд, указывают в эпитетах, которыми они характеризуют средний класс Англии, на его филистерство, мещанство, мелкобуржуазную ограниченность. В этом опять можно видеть связь промышленной жизни с житейским обиходом пуританизма. Жизнь английского среднего класса протекает трудолюбиво, бережливо, чистоплотно и пристойно, но она вместе с тем необычайно банальна, бледна и безрадостна. Даже английские писатели постоянно отмечают безрадостность такого существования, описывая как эти люди ездят по будням в переполненных поездах в Сити, день за днем в один и тот же час и ту же минуту заполняют собой море одинаковых улиц с одинаковыми домами, которые представляют по немецким понятиям весьма значительный, но в высшей степени однообразный и потому монотонный комфорг. Они описывают развлечения скучного английского воскресенья, ханжеское посещение церкви, летом отдых на $1^1/_2$ дня в конце недели (weak-end) или экскурсия в Швейцарию, организуемая компанией Кука на 8—14 дней, а зимой общепринятое посещение спектаклей, которые „нужно видеть“; и на ряду с этим поистине чрезвычайный интерес ко всевозможным видам спорта, в котором средний класс, правда, мало понимает, но зато старается казаться интересующимся им.

Послушаем, что говорит уже упомянутый англичанин **Мастерман**, как мало кто знающий свою страну: „Многие писатели, хорошо знакомые с подгородным и провинциальным средним классом Англии, пытались правдоподобно и благожелательно изобразить его, как прямое выражение определенной цивилизации. Но, несмотря на все их усилия, данное ими изображение оставляет впечатление какого-то из’яна. Это не столько недостаток индивидуальной удовлетворенности этого класса, или возможностей физического и умственного совершенствования, сколько недостаток интересов и идеалов. Освобожденная от дьявола нужды, их душа осталась пуста, как бы выворочена и опустошена в ожидании других хозяев. Бедный интеллигентными силами, лишенный юмора в своей повседневной жизни, средний класс имеет только одно тщеславие—жажду обогащения и под’ема по социальной лестнице. Оторванный от здорового физического труда и от работы на чистом воздухе, поглощенный в течение целого дня переполненными народом конторами, постоянно высчитывающий или пишущий письма, каждый индивид является лишь

единицей из большого числа, перенесенных из действительной жизни в искусственную атмосферу Сити. Для них мир ограничивается восторгами, вызываемыми каким-нибудь оплаченным спортсменом, остроумием премированной загадки или безграничной фривольностью и невежеством мира варьете и желтой журналистики. При самых лучших намерениях приходишь в конце концов к безнадежному результату, к возмущению против существования, которое, несмотря на всю свою энергию и удовлетворенность, потеряло каким-то образом тот вкус, ту прелесть, тот внутренний жар переживания, который один придает цену человеческой жизни".

Английская буржуазная этика профессии, нашедшая свое самое сильное социологическое выражение в только что изображенной структуре среднего класса, была, конечно, в предыдущие столетия гораздо плодотворнее в смысле выработки хозяйственного деятеля, чем теперь, когда религиозный момент в значительной степени отпал. Слияние религии с обыденными хозяйственными вопросами, на ряду с пренебрежением к метафизическим, надмирным и чисто-философским проблемам, препятствовало в Англии уклонению хозяйственного деятеля от его материальных задач к не—экономическим проблемам, как это было, напр., во Франции к концу XVIII века. Спокойное занятие вопросами этики и морали было во всяком случае гораздо легче переносимо хозяйственной деятельностью, чем страстная борьба из-за вопросов естественного права, первобытной свободы человека и полномочий государства.

Одновременно пуританская индивидуалистическая хозяйственная этика естественно влияла и на **вопросы воспитания**, имеющие исключительно важное значение для роста производительности. Между тем как, с одной стороны, в Англии до сих пор с поразительным консерватизмом держатся за устарелую схоластически-гуманистическую образовательную систему, там, с другой стороны, издавна господствует, поскольку это не касается указанных наук, принцип возможно свободной системы обучения, способствующей трудолюбию, деловому духу и преуспеванию в жизни. Тут также нет обремененности метафизическими проблемами, погружения в научные абстракции, но только—ранняя подготовка человека к вопросам, связанным с его будущей профессией, т.-е. к деловым вопросам, в первую очередь. Показательно, что в меморандуме 1916 г., в составлении которого приняли участие 36 наиболее выдающихся ученых, установлено, что ни один единственный представитель естественных наук не привлечен к работе 35 главных public schools (общественных школ) Англии. Очень интересный взгляд на педагогические принципы **Локка** высказывает **Виндельбанд**: „В основе их лежит идея свободного воспитания, и все современные требования независимости, учения за игрой, свободных физических упражнений, наглядных приемов теоретического обучения, внимания к индивидуальным особенностям, собраны в здоровых Локковских «Мыслях о Воспитании»".

Отсюда проистекала длительная вражда англичан к техническим и даже к высшим торговым школам, которым они предпочитают практическое обучение на фабрике или в конторе в соревновании с другими. Систематическому обучению противопоставляется, как лучший учитель, индивидуальный практический опыт. На этом основании Лорд **Хальдан**, хороший знаток как Англии, так и Германии, сказал в одной речи студентам: „Англичанин действует согласно

своему представлению, немец—согласно своему понятию. Англичанин реже немца имеет в голове абстрактный принцип или какой-либо план, еще до того, как он приступает к делу. Отчасти это есть результат только привычки, отчасти же это соответствует его житейскому обыкновению. Во всяком случае это является результатом свойственного ему индивидуализма, и опыт показал нам, что это часто бывает источником его силы. Но временами это становится слабостью. Его путь часто бывает обставлен препятствиями, которые он может быть мог бы предусмотреть. Сначала взвесить, потом решиться—столь ценное правило, которым нельзя пренебрегать на практике. Если в нашей жизни, полной непредусматриваемых случайностей, оно и ослабляет иногда творческую силу, то все же люди, придерживающиеся этого правила, знают по крайней мере, где они стоят, если и не всегда знают, куда стремятся".

Этой структурой и выучкой англичанина об'ясняются в значительной степени его удивительные экономические успехи в заокеанских странах в течение новейшей истории. Именно в эти нецивилизованные страны англичанин принес те свойства, которые необходимы колонизатору: полное присутствие духа в тяжелом положении, железную волю насадить учреждения своего отечества в нецивилизованную страну и неслыханное упорство в преследовании этих целей. Только эти свойства об'ясняют энглизирование всех заокеанских земель, где обосновывались англичане или где они путем протектората проводили свое влияние.

Это же об'ясняет нам, как доказательство от противного, **сильное понижение в последние десятилетия влияния англичан на мировое хозяйство.** Происходило это потому, что по мере роста цивилизации и уменьшения числа варварских стран, заокеанские земли развивали свой собственный национальный характер и экономические особенности, так что преимущества экономического властителя должны были уступить преимуществам купца, лучше применяющегося к существующим условиям. Английская же воспитательная система не в такой степени научала приспособлятся к требованиям мирового хозяйства, в какой она развивала индивидуальные способности, присутствие духа и колонизационный талант. Самое пренебрежение к иностранным языкам, не нужным для завоевателя колоний, вредило английской внешней торговле в течение последних 40—50 лет. Приходилось, как прямо указывают официальные сообщения последних лет, напр., 1918 года, прибегать к посредникам, владеющим туземным языком, в то время как другие нации, изучающие языки, напр. немцы, могли вести свои дела в заокеанских странах без такого посредничества. В известном докладе о „Торговой и промышленной политике после войны" ясно отмечалось, что, напр., в Китае немцы перенесли свою торговлю внутрь страны, в то время как англичане вынуждены вести ее только на побережьи и пользоваться туземными посредниками для связи с внутренним рынком. Английские официальные донесения часто жалуются также на то, что английские фабриканты не умеют применяться к требованиям зарубежных стран на известные сорта товаров. Пока английский товар господствовал на заокеанских рынках, можно было диктовать условия. Но это изменилось в тот момент, когда другие нации выступили в качестве конкурентов на дальних рынках. Известный английский писатель Даусон пишет в своей книге об „Эволюции современной Германии":

„Немецкий купец не ждет, пока иностранец хорошо изучит его язык; он, напротив, обращается к нему на его родном языке (хотя иногда и с весьма странным акцентом), применяется к его системе весов, к его денежной системе и т. д., и если переписка не дает желаемых результатов, то он сам едет туда, или посылает кого-нибудь, кто за границей заключает за него сделку".

Таким образом, приходится признать, что и однородная, исторически стройно развивавшаяся экономическая структура английского характера не всегда отвечает потребностям хозяйственной деятельности. Здесь также не может существовать абсолютных критериев относительно необходимых для хозяйствующего суб'екта качеств. Они зависят скорее от требований времени, от характера и развития сбыта, от мировых производственных отношений. Во времена первоначального капиталистического развития, когда свобода и индивидуальный дух были необходимы для порождения грядущих отношений, англичане проявили необычайную деятельность. Они были великими изобретателями в то время, когда изобретение было скорее делом эксперимента и практического нащупывания, чем систематического изучения. Они дали великих новаторов, напр., в текстильной промышленности—Картрайта, в железной промышленности—Бессемера и Томаса—Гилкриста, они дали Уатта и Стефенсона, они построили первые пароходы, превратили деревянные корабли в современных стальных гигантов. Но когда закончился первый век этих неслыханных переворотов и встала задача организовать и систематически использовать нововведения, тогда начались для англичан затруднения, которые они по своим склонностям, выучке и дисциплине не вполне смогли преодолеть. Этим об'ясняются то и дело повторявшиеся перед войной жалобы лучших английских хозяйственников на то, что английские методы устарели, и призыв к организационному и даже теоретическому обновлению.

Война, отбросившая на десятилетия назад все мировое хозяйство и вызвавшая прежде всего неслыханную дезорганизацию, отодвинула, конечно, на задний план вопросы английского хозяйственно-педагогического обновления. Они могут возникнуть и возникнут только, когда будет уничтожена современная всемирная хозяйственная разруха и между народами восстановится то соревнование, какое существовало до мировой войны. Ибо ни то, что англичане внесли положительного в современную экономику, ни то, что согласно их собственному признанию, является существенным недостатком их хозяйственного облика, не поколеблено основательно и надолго толчками и временными потрясениями мирохозяйственного развития.

Глава II.

Возникновение современного богатства.

Литература **Hermann Levy**, Monopole, Kartelle und Trusts, dargestellt an der Entwicklung in Grossbritanien. 1912.—**Cunningham**, The Growth of english Industry. 1907.—**Unwin**, Industrial Organisation. 1904.—**Macaulay**, Critical and Historical Essays. 1852.—**H. Hyde Price**, The english Patents of Monopoly. 1906.—Sócial England, ed. Traill, Vol IV, 1903.—**Tucker**, A brief Essay on Trade. 1753.—Кроме того, указанные в главе I, труды **Rogers**, **Smiles**, **Temple**, **Levy**.

Принято относить начальный момент развития национального богатства Англии нового времени к великой эпохе королевы Елизаветы. Не подлежит сомнению, что эта эпоха, имевшая большое культурное значение, была особенно плодотворна для национального укрепления и об'единения Англии; но в экономическом отношении она не имела существенного значения. До XVII века Англия остается страной, прилагающей свой труд на ряду с сельским хозяйством и домашним производством к промышленности и торговле, производству фабрикатов и экспорту; но она еще далеко недостаточно развила их даже при наследниках Елизаветы—Иакове и Карле I. Сочинения начала XVII в., как «A Treatise on Commerce» (1601) **Уилера** и серьезные историко-статистические исследования **Роджерса**, доказывают, что в то время вывозились еще главным образом сырье (шерсть, металлы) и полуфабрикаты (некрашеные материи); в отношении же готовых фабрикатов, как, напр., крашеные сукна, материи, медные и деревянные изделия, кружева и т. д., страна находилась в полной зависимости от ввоза из Фландрии, Германии, Италии и северных стран. Этим об'ясняется происхождение при Стюартах многочисленных, большей частью бесплодных „проектов" крупных магнатов и придворных фаворитов развития этих отраслей промышленности в Англии или замены их соответствующими новыми изобретениями (патенты). В числе других уже писатель Бен-Джонсон насмехается над этим в своем произведении „The Devil is an Ass" 1616 г.

Настоящий под'ем современного хозяйства Англии,—значит преимущественно промышленного, работающего на мировой рынок, поскольку последний уже существовал в то время,—начинается лишь с середины XVII в., после того как автокритический режим Стюартов сменился эрой Кромвелля. **Роджерс**, который говорит, что „не было периода в английской истории, когда англичане были бы более бедны и менее предприимчивы, чем в последние 50 лет XVI и в первые 40 лет XVII вв.", отмечает при протекторате Кромвелля „первые проявления английской промышленной и торговой активности".

Причины этого не могут быть сведены к какой-нибудь единообразной схеме. Тут речь может итти только о целой совокупности факторов. Очерченные выше, вполне развившиеся теперь хозяйственные склонности англичанина еще не развернулись к началу XVII в. Но без этого трудового упорства было невозможно столь желанное развитие обрабатывающей промышленности. Поэтому иммигранты, с их совершенно иным складом, и вызывали такое общее удивление.

Они в двух отношениях обогатили ту эпоху, внеся в нее, с одной стороны, совершенно иначе сложившийся, описанный выше хозяйственный дух, а с другой стороны, водворив ряд принесенных с собой действительно полезных навыков и знаний. Если при режиме Карла I и его духовного советника архиепископа Лауда (Laud), преследовались иноверцы, то при Кромвелле была провозглашена терпимость даже по отношению к евреям, которым впервые после ряда веков было разрешено жить в Англии. В Колчестере, Кентэрбэри, Соутгэмптоне, Мейдстоне образовались целые общины протестанских иммигрантов, превращавших то или иное место в „торгово-промышленный центр" нации, о чем **Мэнли** (Manley) писал в 1669 г. **Смайльс** (Smiles) называл их позднее „пионерами квалифици-

рованного труда". Очень многие отрасли фабричного производства, считающиеся еще теперь чисто английскими, обязаны своим происхождением этим пришельцам. Таковы, напр., окраска шерстяных сукон, введенная одним фламандцем, набивка ситцев, введенная одним французским изгнанником, фабрикация шелка, установленная сначала в Кентэрбэри, производство листового стекла, керамическая промышленность, основанная, как сообщил позднее **Жозиа Веджвуд** (Josiah Wedgwood), голландцами, производство часов с маятниками, фабрикация тонких сортов бумаги и т. д. Сельскому хозяйству тоже была принесена польза, так как голландцы впервые испробовали современный дренаж (осушку) на сырой почве и болотах Линкольншайра.

На ряду с этими отраслями промышленности, которые насадили иностранцы, к концу века появился целый ряд производств, возникших по английской инициативе, так как пробудившийся импульс к экономической деятельности вызвал теперь во всей Англии жажду творчества. Старейшая промышленная отрасль островов — добыча олова, постоянно сокращавшаяся со времен Елизаветы, стала при республике сильно расти, а начало быстро развивающейся в XVIII в. добычи меди восходит к концу XVII в.

Но рост деловитости англичанина в XVII в., конечно, не является единственной причиной, об'ясняющей экономический под'ем именно со времен Кромвелля.

Сюда примыкают политические и политико-экономические условия. Падение режима Стюартов (который не мог уже расцвести с прежней силой после реставрации и под властью Карла и Якова II), означало серьезное успокоение всей хозяйственной жизни, во-первых, благодаря устранению длительного преследования и устрашений самых способных деловых людей, именно пуритан, и во-вторых, благодаря освобождению от всех уз, которые эгоистическая политика короны наложила на хозяйство страны Что касается первого условия, то надо вспомнить, что с казнью Карла I в 1649 г. были устранены пользовавшиеся столь дурной славой исключительные суды, прежде всего Звездная Палата и Суд Высокой Комиссии (Court of High Commission), которые могли назначать аресты, многолетнее заключение и казнь, не считаясь с общим правом и постановлениями парламента. Так как эти суды вмешивались и в экономическую жизнь, в особенности когда дело касалось противников англиканского строя, то только с их устранением выдворились в народном хозяйстве Англии спокойствие и правовой порядок. Почти такое же значение имел успех веротерпимости, закрепленной, наконец, в акте о терпимости 1689 г. До тех пор религиозные преследования препятствовали каждому отдельному лицу в его деятельности, угрожали его имуществу и его семье и в реакционные или переходные эпохи, как при позднейших Стюартах, изгоняли здоровые элементы из страны. Между тем именно нонконформисты, как к концу XVII в. доказывал сэр **Вильям Петти** (Petty), были во всех странах, а в особенности в Англии, самым продуктивным в экономическом отношении и самым зажиточным элементом. При этом нельзя упускать из виду, какую большую роль вероисповедание тогда играло еще в жизни индивида; ведь большинство было готово безоговорочно пожертвовать для поддержания и проведения своего религиозного идеала своими чисто экономическими интересами, своим

существованием и своей деятельностью. Ясно, что значила при этих условиях свобода вероисповедания. Проницательные англичане, как **Вильям Темпль** (Temple), достаточно убедительно раз'ясняли это своим соотечественникам на примере Голландии.

Весь дух либерализма, проникающий Кромвеллевскую эру, и прежде всего равенство всех граждан перед государством и государственными учреждениями, находились в известной связи с падением существовавших раньше правовых ограничений. В результате этого уже в XVIII в. Англия могла считаться „самой свободной страной" во всем мире. Интересно сравнение, приводимое **Жозиа Тэкером** (Josiah Tucker) именно с этой точки зрения гражданского равенства между Англией и Францией около середины XVIII в. „Преимущество Англии перед Францией,—пишет он,—заключается в том, что все ее население могло бы заниматься торговлей, не навлекая этим никакого презрения на свои семьи. Призвание купца считается столь же почетным, как и офицера, и никому не нужно, разбогатев, бросать торговлю, чтобы пользоваться уважением в качестве джентльмена". Во Франции, наоборот, „презирают буржуа, т.-е. купца или торговца. Последний старается, разбогатев, оставить свою постыдную деятельность, при которой богатство не может предохранить его от оскорблений и презрения. Поэтому его тщеславие заключается в том, чтобы поднять свою семью в дворянское сословие; при первой возможности он бросает свое дело и подготовляет своих сыновей к военной службе, или же покупает себе государственную или судебную должность, дающую ему дворянство". Если припомнить в этой связи, что свобода печати, в завоевании которой, согласно **Маколею**, большое участие принял **Мильтон**, тоже была делом Кромвеллевского либерализма, то станет понятным, какие могучие освобождающие силы развились в эти несколько десятилетий потрясений. Они должны были, конечно, непосредственно влиять на общественную жизнь вообще и косвенно на все развитие и атмосферу хозяйства.

Но существовала и непосредственная причина, связывавшая развитие хозяйства с водворением экономического либерализма. С укреплением парламента и с победой его в вопросах права над прерогативами короны и близкой к ней государственной церкви, пал **институт монополий**, особенно развившихся при Карле I. Нужда в деньгах, постоянно испытываемая Карлом, побудила его выдавать „прожектерам", как их называли, привилегии на монопольную эксплоатацию целых отраслей промышленности, а при случае даже самому принимать в них финансовое участие. Отчасти это сводилось к выдаче привилегий уже существующим предприятиям, при чем страдающей стороной являлись в таком случае цехи, отчасти—к монопольной организации горного дела, при чем корона старалась использовать свои старые права собственности и выкупа; наконец, иногда к выдаче патентов на новые изобретения и способы производства, по большей части, придворным лицам; патенты эти подавляли уже укрепившиеся производства. Рука об руку с этой системой монополий шла торговая политика высоких покровительственных пошлин, ограничение в интересах обладателей монополий ввоза дешевых предметов и вздорожание, вследствие этого, многих необходимых для народных масс товаров. Эта система разорения одних и покровительства другим возбуждала величайшее недовольство широких

народных масс. Парламент безрезультатно протестовал против монополий уже в 1597 и 1601 г.г. и позже, в 1624 г., в Анти-монопольном Статуте. При Карле монополии достигли такого распространения, что в 1640 г. член нижней палаты, сэр **Колпеппер** (J. Colepepper), мог сказать в своей приобревшей известность речи о монополистах: „Эти люди засели, как лягушки в Египте, в наших домах, и у нас не осталось уже свободного места от них. Они едят наш суп, пробуют с наших тарелок и греются у нашего огня (угольная монополия!); мы находим их в горшке для краски, в умывальном тазу (патент на мыло) и в коробке с пудрой; они разделяют общество слуги в его каморке, и они покрыли нас с головы до ног своими знаками и печатями".

Таким образом, уничтожение после падения Карла всех монополий и изгнание 21 февраля 1641 г. монополистов из парламента представляло собой решительную политико-экономическую перемену. После временной реакции в этом вопросе при позднейших Стюартах, Bill of Rights в 1689 г. окончательно устранил возможность введения монополий и помешал в XVIII в. фактическому существованию подобных организаций в возникающей капиталистической промышленности. В последующее время продолжали существовать только местные монополии, покоившиеся на правах цехов или корпораций и не имевшие ничего общего с крупными национальными промышленными и горными монополиями Стюартов, либо такие, которые были разрешены парламентским законом. Продолжительная же борьба против прежнего подавления хозяйства монополиями вызвала в английском народе столь сильное, сохранившееся до сих пор чувство против всякого особого покровительства отдельным промышленникам, что парламент никогда уже не мог предоставлять сколько-нибудь значительные привилегии монопольного характера.

Легко представить себе, какое значение имело это достижение. Благодаря ему Англия в значительной степени приобрела свободу промышленности, которая в других странах не вышла еще из периода принудительной организации. Правда, и в Англии еще существовали цехи, имевшие сами по себе монопольный характер; но они не поглощали только что возникавшую раннюю капиталистическую промышленность и не регулировали единообразно целых промышленных отраслей, ибо деятельность их была территориально ограничена. К этому надо прибавить то, что в XVIII в. экономическое влияние английских цехов уже само по себе очень ослабело. Установившаяся, благодаря уничтожению системы монополий и вследствие неограниченной ничем конкуренции, свободная организация промышленности (именовавшаяся в XVII в. „free trade"), являлась предпосылкой современного капитализма в Англии. В то время, как во Франции до середины XVIII в. сохранились „королевские фабрики" или „мануфактуры", когда в Германии до рубежа нового столетия удержались „концессионная система" и „привилегированное купечество", а в горной промышленности еще в XIX в. существовала даже монопольная организация на основе регалий и с применением так-наз. „дирекционного принципа", английская промышленность могла свободно развиваться уже с конца XVII в.

Конечно, в то время, когда завоевывалась свобода промышленности, английский капитализм только зарождался. Он возник

сначала только в горном деле и в производствах, испытывавших затруднения, в которых капиталисты сумели превратить мелких цеховых ремесленников в более или менее зависимых от себя наемных рабочих. Капитализм овладел также всеми только что возникшими или улучшенными в техническом отношении отраслями, как, напр., стекольной промышленностью, проволочным производством, добычей квасцов и т. п., которые сразу повелись на капиталистической основе их основателями или обладателями новых методов на их мануфактурах или заводах. Для остальных отраслей промышленности, главным образом для текстильного производства, организованного отчасти ремесленным способом, отчасти еще сохранившего связь с сельским хозяйством, капиталистический переворот начался вместе с промышленной революцией в середине XVIII в. Он быстро расширился с заменой ручного труда машинным и с применением в промышленных производствах силы пара. Поле для индивидуального творчества оказалось в Англии свободным в период между 1750 и 1800 г. г., который принес с собою великие механические и технические изобретения: Аркрайта (Arkwright), Харгревса (Hargreawes) и Кромптона (Crompton) в прядильном деле, Джона Кейа (John Kay) в ткацком производстве, паровую машину Джемса Уатта (James Watt—1768—92 г. г.) и расширение коксовых доменных печей (начало уже в 1709 г.), также как усовершенствования во всем железоделательном производстве. Никто не мог уже больше помешать привилегиями или монополиями возникновению здоровых конкурирующих предприятий; никакая меркантилистическая бюрократия, существовавшая в рейнских странах вплоть до XIX века и препятствовавшая там учреждению акционерных обществ, не могла противодействовать созданию новых предприятий. Старый закон королевы Елизаветы об ученичестве, хотя и существовавший еще на бумаге, не давал больше цехам никаких практических возможностей ради старых способов производства серьезно препятствовать возникновению мануфактур и фабрик с их необученными понедельными рабочими.

Благодаря этому на много раньше и при совсем других условиях завоеванная „промышленная свобода" раннего капитализма стала краеугольным камнем для быстрого роста крупной английской промышленности XVIII в., применявшей совершенно новые технические методы и производственные формы.

„Промышленная свобода" была, однако, только одним из проявлений хозяйственно-политического освобождения, сделавшего Англию в XVIII в. более подготовленной и способной к развитию современного хозяйства, чем какое бы то ни было другое культурное государство. Сюда надо прибавить все остальные ранние достижения островного государства и, прежде всего, раннее об'единение внутренней хозяйственной территории, в форме торгово-политического единства, не знавшего более никаких внутренних таможенных границ, никаких городских акцизов и застав. „Соединенное королевство" Англии, Шотландии и Ирландии достигло уже в XVIII в. того таможенного единства, первые камни которого в Германии **Фридрих Лист** клал лишь вначале XIX в., тогда как вполне достигнута эта желанная цель была лишь с об'единением Германии в противоположность существовавшему до того мелко-государственному дроблению. Вспомним также, что английское сельское хозяй-

ство XVIII в. не знало уже никаких крепостных или зависимых отношений, но только свободных крестьян или капиталистов-арендаторов, в чем и заключались основания для самостоятельного развития производительных сил отдельного хозяина. Ради этого Фридрих Великий и заботился—только с частичным успехом—об освобождении крепостных и уничтожении крупного землевладения.

Конечно, нельзя определить, какое значение для роста собственно национального богатства Англии имел этот прогрессивный внутренний строй, связанный с вышеочерченным современно-деловым homo oeconomicus („экономическим человеком"). Это невозможно уже потому, что независимо от недостатка какой бы то ни было статистики, на ряду с источниками быстро растущей внутренней продуктивности, появился **прирост богатства от внешней торговли**, в особенности благодаря постоянному увеличению колониальных владений. В то время как в начале XVII в. еще только начиналось развитие английских колониальных обществ, и самое учреждение и деятельность Остиндской Компании грозили рухнуть под давлением голландской конкуренции, с середины XVII в. возникает и затем стремительно развивается наибольшая **колониальная экспансия**, какую только видело новое время. Назовем некоторые важные этапы ее: приобретение в 1650 г. принадлежавшего Голландии острова Св. Елены, приобретение Ямайки в 1655 г., водворение пуритан в Массачузетсе, означавшее начало английского господства на восточном побережьи Америки, Утрехтский мир в 1713 г., по которому Франция должна была уступить Англии Новую Шотландию, Нью-Фаундленд и землю вокруг Гудзоновского залива, а Испания—Сент-Кристофер и Гибралтар, уступка Англии Канады в 1761 г., отказ Франции от своих колоний в Индии в 1763 г. и вместе с этим начало неограниченного господства британцев в Восточной Азии, наконец, в 80-х годах укрепление англичан в Сиерра-Леоне на западном побережьи Африки, заливе Ботани (Botany Bay) на восточном побережьи Австралии и Пенанге. Этот процесс идет быстро вперед: Цейлон, часть Гвияны, Тринидад, Мальта, Капская земля, остров Маврикия находятся к концу XVIII или к началу XIX века уже под английским господством. С ростом колониального достояния стремительно растет и **английский флот**. Решающее значение имеют и тут последние десятилетия XVII века. Только с 1660 по 1688 г. тоннаж английских судов вырос с 95.000 до 190.000 т. В 1803 г. Англия имела уже больше 20.000 судов.

Как известно, эти успехи судоходства и колониальной экспансии были достигнуты не либеральными экономическими методами, отмечающими собой внутреннюю хозяйственную жизнь Англии со времени Кромвелля. Наоборот, в области судоходства до XIX века действовал „**Навигационный акт**" 1651 г., окончательно отмененный только в 1854 г. Этот закон обеспечивал английскому судоходству монополию как в океанском, так и в береговом плавании, разрешая ввоз колониальных продуктов только на английских судах, ввоз же европейских товаров—на английских судах или на судах тех стран, где эти товары произведены, с целью лишения других стран возможности посреднической торговли; рыболовство же и береговая торговля были предоставлены исключительно английским судам. Эта система колониальной торговой монополии действовала и в самих колониях, обеспечивая метрополии исключительные выго-

ды, с одной стороны, от вывоза колониальных продуктов и, с другой стороны, от извлечения дохода из колониального потребления. Колонии были принуждены сбывать свои продукты исключительно метрополии, которая или сама их перерабатывала или же при вторичном вывозе их обеспечивала свои доходы от этого посредничества вывозными пошлинами, между тем как, с другой стороны, ввоз не английских товаров в колонии оставался под запретом. Эта система удержалась в своих принципиальных основаниях до XIX века, именно до введения в 1846 г. свободной торговли; если она продолжала существовать и не в очерченных выше грубых формах, то все же она сохранилась в виде **дифференциального таможенного тарифа**, который принудительно влиял на торговлю метрополии с колониями. Важнейшая и, главное, доходнейшая колония, нынешние Американские Соединенные Штаты, была, правда, в 1783 г. потеряна Британской империей отчасти вследствие торгово-политического деспотизма последней; в этом заключалось предостережение, не пошатнувшее, однако, общей системы в отношении других колониальных владений Англии, так же как колониальная торговая монополия не пала вследствие доказательств **Адамом Смитом** ее вреда.

Часто подчеркивается, что свободное теперь и автономное в торговом отношении развитие многих английских колоний увеличило их богатство и продуктивность значительно скорее, чем это могло бы быть достигнуто системой искусственных монополий, и что благодаря этому в конечном итоге и метрополия извлекла более значительные выгоды из своих владений и протекторатов. Это может быть признано верным; но все же для времени возникновения английского национального богатства сохраняет свое значение тот факт, что и при автократически-эгоистическом управлении колониями в XVII и XVIII в.в. они дали неизмеримый фонд прямых и косвенных экономических выгод метрополии, которой они отдавали сырье, металлы, пряности и многое другое. Этим они увеличивали способность метрополии к конкуренции на мировом рынке с другими странами, которые могли получать эти товары только из Англии; они создавали рынок сбыта для различных английских товаров, служили резервуаром для эмиграции и косвенно поддерживали английское торговое посредничество и судоходство. Все это были преимущества, которые не могли быть уничтожены самой плохой системой экономической политики

Итак, к концу XVIII века британские острова могли считаться самой свободной, самой передовой по хозяйству, технике, судоходству и торговле, а также, вероятно, самой богатой страной в мире. Это обстоятельство часто откровенно отмечается в современных иностранных сочинениях, хотя иногда с нелюбезными замечаниями по адресу „народа лавочников“ (Shopkeeper). Особенно поражал иностранного посетителя XVIII века Лондон, превратившийся в первый мировой город и уже в то время, как и теперь, озадачивавший своим своеобразным коммерческим отпечатком. Автор „Статей для изучения Великобритании в 1779 г.“ пишет с изумлением: „Улицы Лондона ежедневно так полны народом, и мысли многих бегущих по улицам так заняты делами, что иностранцу должно казаться странным постоянно видеть такую толпу в движении. Кто видит толкотню на лондонских улицах, многолюдство на больших дорогах и торопливость, с какой каждый следует по своему пути, тот должен

был бы подумать, что не может существовать более деловой и беспокойной нации, чем английская". **Такими же** были и большие провинциальные города. Когда **Хэттон** (Hutton), летописец Бирмингама, в 1741 г. впервые вошел в город, его, как он сообщает, поразило самое место, „но еще больше население. Это были люди, каких я не видел никогда! Проворство, которым они обладали, казалось мне раньше невозможным. Каждый их шаг по улице был полон живости". Это было написано еще в то время, когда не существовало железных дорог и автомобилей, городских и подземных железных дорог, широких проспектов и современных контор, похожих на дворцы. Микрокосм городского трудолюбия и напряженности уже был налицо, впереди был только технический рост и развитие его в макрокосм современных мировых центров. Последние же всегда являлись сконцентрированным проявлением британской мировой мощи.

Глава III.

Экономические идеи.

Литература **Georg Jellinek**, Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte. 1904.—**Windelband**, Geschichte der neueren Philosophie, 1907.—**Kennedy**, English Taxation 1640—1799. 1903.—**A. Held**, Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. 1881.—**W. Hasbach**, Untersuchungen über Adam Smith. 1891.—**Y. Schulze-Gaevernitz**, Carlyle. 1907. — Кроме того прежде названные труды: **M. Arnold**, **Troeltsch**, **Levy** (ökonomischer Liberalismus), **Weber und Schulze-Gaevernitz** (Britischer Imperalismus).

Время английского экономического роста, о котором уже можно говорить со времени протектората Кромвелля, имеет, как и все эпохи, великие в отношении какой-нибудь отрасли человеческого творчества, и свою историю идей.

Экономическая идея, которая с этих пор уже в течение столетий образует основу английской экономической мысли, первоначально выросла **из трех течений**, которые имели раньше только косвенное отношение к хозяйственной жизни. При этом вообще надо постоянно иметь в виду, что в течение всего XVII века экономический элемент английского государства всегда отступает на задний план по сравнению с вопросами политики, права, государственного строя и вероисповедания. Этой основной экономической идеей является **стремление к возможно беспрепятственному хозяйственному развитию индивидуума**. Она прежде всего вырастает из течений, во-первых, правового, во-вторых, религиозного и, в-третьих, философского характера.

Несомненно, что борьба против гнета духовенства в XVIII в., освобождение личности от вероисповедной тирании создали не только политическую и государственно-правовую независимость англичанина (что было доказано уже **Еллинеком**), но и его раннюю экономическую свободу.

Но как оба принципа, „конгрегаций" в церковной сфере и „народного суверенитета" в области политической, произошли из борьбы личности с правительственными ограничениями, так параллельно с ними развивалась и идея экономической свободы. Сюда надо прибавить, что индивидуализму был особенно благоприятен именно истинный кальвинизм с его подчеркиванием личной ответственности, с его освящением успеха в работе и профессии, как знака личного

избранничества. Таким образом, индепенденты и пуритане являются в общем носителями новейшей английской экономической идеологии. Популярное понятие личной свободы, означавшее в начале XVIII в. главным образом невмешательство государства в сферу религии, постепенно распространяется в значительной мере на экономические и экономико-политические вопросы. Оно объясняет рано развившееся у английского народа отрицательное отношение к монополиям, способность к экономическому соревнованию, борьбу с цехами; вместе с тем оно об'ясняет и долго непрекращавшуюся борьбу против рабочих союзов, которые также считались помехой для индивидуальной свободы, пока, после введения в 1824 г. свободы союзов, не было сделано необходимого вывода о том, что добровольное об'единение индивидов подчинено этому же понятию свободы выбора.

В той же мере, в какой, исходя из пуританской этики призвания, старались освободить индивида от всех уз, считали возможным доверить сознанию личной ответственности и судьбу индивида. Поэтому пуританская экономика была в современном смысле явно антисоциальна. Бедность рассматривалась как символ отверженности богом в той же мере, в какой законная прибыль и богатство считались знаком божьего милосердия. Пуританин действовал в отношении бедных и безработных с неумолимой жестокостью. „Божественный закон,—писал однажды **Самуэль Хартлиб**, друг и товарищ по убеждениям Мильтона,—предписывает: кто не работает, да не ест. Действительным наказанием для лентяев должно бы было быть, чтобы им не давали есть, пока они не работают". Вместо организованного при Стюартах и их духовных советниках попечения о бедных, основанного на знаменитом законе Елизаветы о бедных 1601 г., осталось при Кромвелле только призрение сирот, вдов и калек, для остальных же была установлена система работных домов. Последние должны были при помощи отпугивавших своей тяжестью условий жизни вернуть мнимых „бездельников" к добровольной работе. Из тех же воззрений проистекали возражения против повышения заработной платы, относительно которой придерживались той теории, что высокая заработная плата вызывает у беднейших классов только ненужное мотовство и жажду наслаждений. Учение это, оправдывающееся, может быть, относительно известных, крайне отсталых в культурном отношении хозяйственных областей, не применимо к тем слоям населения, которых уже коснулся современный капитализм. В течение же всего XVIII в. верили тому, что высокая заработная плата понижает трудолюбие, и потому боролись против нее, так как экономическая мысль была целиком занята возможно большим увеличением продуктивности человеческого труда.

Но если тогда боролись с „роскошью" беднейших классов, то, с другой стороны, приветствовали быстро растущее богатство средних и высших классов.

Непосредственно из этических принципов того времени и также из признания продуктивной хозяйственной деятельности результатом божественного благословения следовало признание растущей зажиточности имущих слоев населения особым благом. Философия XVIII в. поддерживала это мнение. В особенности **Юм** в своих „Политических рассуждениях" в средине XVIII в., различая путем казуистики „невинную" и „порочную" роскошь, все же признавал

в конечном результате, что каждая вызванная роскошью трата снова создает работу, в то время как без ненужных трат исчезает охота к труду. **Виндельбанд** также об'ясняет при изложении системы эгоизма (selfish system) и проистекающих из нее учений: „Это создавало удобную мораль. Так как именно в высших слоях общества охотно читали и обсуждали эти учения, то тем более являлось желание оправдать в форме философской системы те радости жизни, которыми они здесь наслаждались“.

Таким путем было возможно привести к гармоническому единству принципы старой пуританской простоты и бережливости и все увеличивающиеся роскошь и изнеженность широких кругов, рассматривая эту роскошь именно как экономическую, естественную и непреодолимую необходимость. Это воззрение не было ослаблено и тем, что в течение XVIII в. все увеличивались налоги на роскошь. Наоборот, как недавно доказал **Кеннеди** в своей очень основательной работе, именно для этих налогов оказались решающими предпринимательски-индивидуалистические взгляды законодателя. Это были — отрицательное отношение к прямым налогам, которые могли бы коснуться имущих, опасения, что налоги на предметы первой необходимости привели бы к повышению заработной платы и, следовательно, издержек производства и, наконец, мнение, что налоги на роскошь всегда факультативны, т.-е., что каждый в отдельности может избежать их, сокращая свои траты, что придает им характер налоговой системы, соответствующей индивидуальной свободе. Мы видим, как ярко выступали во всех областях экономической жизни основные идеи возможно полного освобождения личности, как политика и законодательство направлены к ее возвышению, что наложило свой отпечаток на экономику всего периода.

Чистая философия была тоже близка к этим идеям, отчасти стремясь в своих учениях приспособиться к потребностям времени, отчасти же стараясь за пределами их воздействовать на этот процесс. Уже у **Гоббса** мы видим появление теории эгоизма, этой квинтэссенции индивидуализма, ставшей на место телеологического подхода к вещам, какой мы видим у **Бэкона**. Государство рассматривается как автоматически действующий механизм. „Его элементами являются люди, из которых каждый стремится осуществить свой эгоизм; само государство—только система, в которой силы человеческого эгоизма взаимно поддерживают и носят друг друга“ (**Виндельбанд**). Как различны ни были делавшиеся отсюда выводы,— у **Локка**, напр., они были совершенно иные, чем у **Гоббса**,—рассматривалось ли это состояние с точки зрения оптимистической или пессимистической, как борьба всех против всех, все же исходным пунктом как государственно-правовых, так и экономических построений оставались эгоистические стремления. Вместо средневековой католической мысли о том, что отдельный человек входит составной частицей в мировой организм, направляемый божественными целями, которым он должен систематически подчиняться, повсюду выступает теперь чисто натуралистически причинный взгляд на индивида, как на „живую машину“, которая должна действовать беспрепятственно по естественному закону „разумного эгоизма“ (reasonable selfinterest). Вмешательство со стороны государства, как это выражено у **Локка**, распространяется только на охрану жизни, свободы, физической неприкосновенности личности и неприкосновенности собственности.

В остальном же свободная игра „естественных сил“ должна создать благодетельное для всех граждан состояние.

Это учение, равнодушно устранявшее действительную цель мирового порядка и вместо нее делавшее основным ядром житейской мудрости состояние всеобщего „блаженства“, которое измерялось степенью благополучия (ср. **Виндельбанд**), имело огромное влияние на всю английскую мысль до настоящего времени. Рассматривая эгоистические стремления человека (поскольку они отвечали требованиям морали) как исходный пункт, а последствия этого разумного эгоизма—как сущность намеченного благополучия для индивида, общества и всего народа, открывали этим широкий и удобный путь тому утилитаризму, который и теперь еще свойственен английскому народу.

Из этого учения о блаженстве выросли в XVIII веке, с одной стороны, эстетический эпикуреизм, которого главой был **Шефтсбюри**, и с другой—эвдемонизм, или утилитаризм, особенно прославившийся в учении **Бентама** и его последователей.

Интересно то, что стремление к собственности и наслаждениям в пределах, оправдываемых моралью, правом и нравственностью, опиралось на два разнородные сами по себе направления, пуританское, с одной стороны, и морально-философское, с другой. Совершенно правильно критикует **Виндельбанд** этот утилитаризм чистой философии и философии хозяйства, указывая на то, что он ограничивается исключительно поощрением счастья и избежанием несчастья: „его демократическое заступничество за ближнего достигается отказом от ценностей, представляющих высшие жизненные блага, которые не достигаются сменой радостей и страданий, всей этой мелкой борьбой удовольствий, этим торгом страстей“.

До сегодняшнего дня англичане содействовали этому опошляющему влиянию чисто экономической мысли и оценки мира. Известный писатель, политический деятель и педагог, **Мэтью Арнольд**, написал в 70-х и 80-х годах XIX века целый ряд работ, из которых всего известнее стала „Культура и анархия“. Он об'ясняет в них духовную структуру английского среднего класса именно этими пуританскими и утилитаристическими влияниями и подвергает ее социологический облик резкой критике. Он пытается освободить понятие материального благополучия (Prosperity) от его английской переоценки, придать ему более глубокий смысл, чем это стало модой, особенно в период расцвета манчестерского либерализма. Следующий отрывок характерен для его хода мысли. „Наш уголь, говорят тысячи людей, есть действительная основа нашего национального величия. Когда уголь изменит нам, наступит конец величию Англии. Но что такое величие?—спрашивает нас культура.—Если бы Англия была завтра поглощена морем, то что в большей степени свидетельствовало бы через 100 лет о прошлом величии—Англия последних 20 лет или Англия Елизаветы, того времени изумительного духовного напряжения, когда наш уголь и основанная на нем промышленность были еще так мало развиты?“

Из системы моральной философии XVIII века и создаваемой ею экономической картины мира возникла **английская политическая экономия**, положившая начало политической экономии вообще и в качестве таковой получившая эпитет классической политической экономии. Ее основатель, **Адам Смит**, сам вышел, как это показы-

вает его первая работа о „Моральных чувствах“ (Moral sentiments) 1759 г., из рядов английских моралистов. Его работа по политической экономии 1776 г. „Исследование о природе и причинах богатства народов“ (Inqiury into the Nature and Causes of the Wealth of Nations), кратко называемая „Богатством народов“, не может быть понята без этого фона, так как иначе она должна казаться чисто теоретическим изучением экономических явлений того времени. В действительности же она представляет собой применение современных ей философских учений к экономической области, однако в гораздо более тонкой и, главное, систематической разработке, чем это было до тех пор в так называемых политических арифметиках, как, напр., у **Петти** (Petty), **Чайльда** (Child), **Тэкера** (Tucker) или **Джемса Стюарта** (sir James Stewart). Исходными пунктами уже в самом начале работы являются учение о конкуренции, как о стимуле всякого экономического прогресса и роста производительности труда, разумно ограниченный личный интерес, как пружина хозяйственного и социального механизма, об'ясняющая стремление к труду и бережливости, образование капиталов, разделение труда и обмен. Стремление к наибольшей прибыли является господствующим принципом всех народов и людей без различия, так как вообще автор исходит от совершенно абстрактного, единообразного, не дифференцированного благодаря историческим или социологическим различиям „человека“. Свободная игра сил, опять абстрактно понимаемое „естественное“ состояние человека вернее всего гарантирует экономический успех каждого в отдельности, а также наибольшее счастье целого, потому что оно понимается просто как сумма отдельных частей, что вытекает из механически атомистического миросозерцания. Поэтому, примыкая отчасти к хорошо известным ему учениям французских физиократов, **Адам Смит** требует во всех областях наибольшей свободы, государственного невмешательства, устранения всех сохранившихся еще ограничений, наложенных бюрократически-меркантилистическим экономическим строем, как, напр., закон Елизаветы об ученичестве или местные цехи.

Но то, что было действительно относительно суммы индивидов в государстве, должно было быть не менее выгодно и в применении к самим государствам. Таким образом, оставался только один шаг до распространения принципа свободной конкуренции на сношения государств друг с другом и до требования, на ряду с внутренней „free trade“, свободы внешней торговли и торговли с колониями. Уже **Юм**, убежденный, что разумный эгоизм индивидуального хозяйства приводит к естественному благополучию общества, проповедывал, что благо каждой отдельной страны соответствует интересам всех других стран, что, напр., англичане должны бы были радоваться успехам Франции не только „как люди“, но и как англичане. **Адам Смит** придал этим мыслям рельефность, достигнутую, повидимому, эмпирическим путем, так как он доказывал в своем учении о свободной торговле, что каждая страна должна производить только то, что она может производить дешевле других стран, и должна в интересах своих потребителей, а значит и своих производительных сил ввозить из других стран более дешевые товары. При этом его борьба против меркантилистического учения о торговом балансе, против ложного представления о необходимости так называемого активного или „благоприятного“ торгового баланса,

его аргументы против переоценки значения золотого запаса и денег, его энергичная полемика против неестественности колониальной торговой политики Англии, его детальная критика высоких ввозных пошлин, вывозных премий и запретов вывоза обнаруживали гениальную остроту мысли, вполне вознаграждающую за философскую слабость основ либерального учения с его неопределенными понятиями „естественности“ и „свободной игры сил“.

„Исследование о богатстве народов“ образует фундамент для дальнейшего развития политической экономии, которая принимает государственно-правовые и социально-философские основания этой работы как непреложно данные и само собой разумеющиеся и обращает все свое внимание в сторону народного хозяйства новейшего времени. Сюда принадлежит прежде всего **Давид Рикардо**, если не говорить о менее значительных исследователях, как **Мак-Куллох,** и считать **Роберта Мальтуса** с его вопросами народонаселения индивидуальным явлением. В „Principles of Political Economy“ (Основы политической экономии, 1817) **Рикардо** развивается приобревшее затем широкую известность учение о земельной и дифференциальной ренте и содержится зерно усвоенных позднее социально-политическими теориями воззрений на труд, заработную плату и капитал; в то же время они сильно заострили учение **Адама Смита** о свободной торговле, предлагая ограничить товарообмен только самыми дешевыми товарами каждой страны. После Рикардо начинается действительный расцвет политической экономии; к теоретикам, прежде всего к глубокомысленному **Джону Стюарту Миллю** (Principles of Political Economy, 1847) и позднейшему **Джевонсу** (Political Economy, 1877) присоединяются практики всевозможных областей и экономисты, которым острая борьба за свободную торговлю или покровительственные пошлины давала повод для политико-экономических исследований. Первая многотомная „История цен“ пишется **Томасом Туком** (Thomas Tooke) и **Вильямом Ньюмарчем** (William Newmarch) в 1838—57 г.г. **Жорж Портер** (George R. Porter) пишет в 1836—43 г.г. свой „Progress of the Nation“ (Прогресс нации), первую значительную статистическую работу о росте английского богатства. Крупные предприниматели также приступают к большим исследованиям, как, напр., лорд **Брассей** (Lord Brassey), использовавший свой опыт крупного инженера во всех частях света в „Work and Wages“ (Труд и заработная плата) 1872 г. и сопроводивший его особой теорией заработной платы.

Вместе с тем уже рано возникает социалистическая и социально-реформаторская литература, которая является в большей степени реакцией против явных крайностей системы laissez—faire на социальной почве, чем в корне революционной экономической системой, как было позднее в Германии при Марксе. Сюда относятся, с одной стороны, представители христианского социально-реформаторского направления, которое сознательно боролось против манчестерского либерализма и утилитаристического учения Бентама, как **Карлейль, Кингслей** и практический социальный политик лорд **Шефтсбюри**; с другой же стороны,—некоторые сочинения, родственные современному социализму как учению о распределении, напр., **Роберта Оуэна** (R. Owen) The new moral world (Новый нравственный мир) 1820 г. The Principles of Distribution of wealth (Принципы распределения богатства)—**Вильяма Томпсона** (W. Thompson) 1824 г. и значительно более позднее сочинение **Кэри** (H. Ch. Carey) Principles of social science (Принципы

социальной науки) 1858—59 г. Так как в Англии сфера распространения социалистических или даже немецких социал-демократических идей была ограничена узким кругом лиц, далеких от настоящего рабочего движения, которое само видело центральный пункт своей задачи в идее рабочих обществ и союзов, то естественно, что политико-экономическая литература была бедна представителями настоящего радикального социализма. Исключение составляют некоторые представители основанного в 1890 г. Фабианского общества (Fabian society), преследующего более радикальные цели, как, напр., социалисты супруги Сидней и Беатриче **Уебб**. Но и их сочинения, напр., „Industrial Democracy“ (Промышленная демократия) 1897 г. или „Local government“ (Местное управление) 1906—08 гг., выступают только в защиту основательной реорганизации социальной жизни в интересах рабочих, на основе демократического самоуправления, но не требуют революционизирования хозяйственного аппарата с устранением его капиталистических тенденций.

Что касается современной теоретической политической экономии Англии, то она давно уже не стоит на высоте своих основателей, которые создали в „классической“ политической экономии, хотя и безусловно одностороннее, в значительной части фиктивное, из произвольных предпосылок абстрагированное учение, но которые все же дали толчок к систематическому изучению каждого отдельного экономического феномена, к изучению, правда, происходившему в начале в абстрактной изолированной форме. Основные понятия политической экономии **Альфреда Маршалла** (Alfred Marshall, 1890) являются не больше как полным, но эклектическим изложением признанных или спорных хозяйственных явлений и экономических теорий, лишенных всякой новизны. Из Германии было заимствовано изучение истории хозяйства, использованное классической политической экономией в высшей степени наглядно. **Джемс Роджерс** (James Th. Rogers), **Вильям Кэннингэм** (William Cunningham), **В. Эшли** (W. G. Ashley) и на ряду с ними некоторые прилежные историки-монографисты дали ценные исследования, в то время как две другие, более молодые отрасли учения о народном хозяйстве, теоретическое учение о предельной полезности (австрийского и американского происхождения) и социология, едва ли нашли в Англии одного самостоятельного представителя [1]).

Таким образом и теперь еще можно сказать, что великая эпоха английской политической экономии приходится на время с конца XVIII и до последней трети XIX в., когда она об'ясняла и содействовала экономическим успехам расцветающего капитализма и здоровой структуре народного хозяйства, основанного на свободном разделении труда, равноправии и, по возможности, беспрепятственном развитии конкуренции.

---

[1]) Оценку современной английской экономики, даваемую Леви, нельзя не признать весьма . односторонней. Хотя не подлежит сомнению, что в последней четверти XIX и в начале XX века центром экономической мысли стала Германия, а затем Америка, но это отнюдь не дает основания отрицать всякое значение за английской экономикой. И в частности нельзя забывать, что как раз одним из основателей школы предельной полезности явился, *Stanley Jevons*, по стопам которого пошла затем и американская экономическая литература. Пропуск этого факта у Леви является очевидным lapsus'ом.

Примечание редакции.

Когда же это развитие достигло в Англии в 90-х годах своего завершения, и возникли проблемы организационного характера, социального распределения, социальной политики и социального страхования, общепредпринимательских организаций и все больше требовавшейся во всех областях государственной регулировки, к которым опять присоединился лозунг изменений в либеральной торговой политике, то можно было считать законченной эру существовавшей до того политико-экономической мысли; в качестве специфически английской школы она почти целое столетие являлась учителем мира в области народного хозяйства.

ОТДЕЛ II.

Англия, как торговая держава.

Глава IV.

Возникновение и уничтожение английских покровительственных пошлин.

Литература: **G. R. Porter**, The Progress of the Nation. 1851.—**Th. Tookea W. Newmarch**, A History of Prices. 1838. **Deutsch**. Die Geschichte und Bestimmung der Preise. 1862.—**J. E. Th. Rogers**, Work and Wages. 1885.—**J. Anderson**, An Enquiry inte the Nature of the Corn Laws 1777, переведено Drei Schriften über Korngesezte und Grundrente. 1893.—**Hermann Levy**, Die Not der englischen Landwirte zur Zeit der hohen Getreidezölle. 1902.—**W. Hasbach**, Die englischen Landarbeiter. 1894.—**R. E. Prothere**, The Pioneers and Progress of English Farming. 1888.—**Harriett Martineau**, History of England. 1845.—**Dunkley**, The Charter of the Nations. 1854.—**F. Engels**, Die Lage der arbeitenden Klassen in England. 1845.

Установление свободной торговли, за которую Адам Смит еще за 70 лет до этого боролся всеми доступными ему средствами убеждения, является для всего хозяйственного развития Англии важнейшим этапом по пути прогресса. В этом не могут возбудить сомнения ни теории покровительственных пошлин, ни правильные сами по себе утверждения, что торговая политика имеет лишь второстепенное значение для развития основных сил страны и что она представляет собой лишь его частичное слагаемое. Если даже считать, как **Зомбарт**, что экономическая политика в противоположность непосредственной силе капитализма имеет только „задерживающее“ или „поощряющее“ влияние, то все же в его пределах направление, какое приняла английская торговая политика, переход от покровительственных пошлин к абсолютно-свободной торговле, косвенно имело решающее влияние на различные, не связанные ранее с торговлей отрасли хозяйства, как, напр., аграрная политика или организация промышленности.

Вряд ли существует в истории хозяйства нового времени эволюция, более разносторонняя и драматичная, чем история возникновения и уничтожения английских покровительственных пошлин. Их прошлое восходит ко временам континентальной блокады, которую Наполеон установил против Англии в 1806 г., не подозревая, что влияние этого мероприятия на экономическое положение Англии выйдет далеко за намеченные им пределы. Англия вступила с конца XVIII в. в период, который мы теперь называем переходом от

преимущественно аграрного к преимущественно индустриальному государству. В 1811 г. уже только 35,2% всех великобританских семей было связано с сельским хозяйством и 44,4% с торговлей и промышленностью. Постоянный рост больших городов, быстро усиливающееся „бегство из деревни", горько оплакиваемое аграрными писателями, а также социально-политическими мыслителями (вспомним Goldlsmith'a „Deserted Village" 1770 г.), поставили скоро широкие слои населения в зависимость от снабжения иностранным продовольствием, которая сначала стала ощущаться во время плохих урожаев в самой Англии. Война с Францией помешала, однако, с 90-х годов подвозу хлеба извне, и когда в действие вступила блокада Наполеона, совпавшая к несчастью Англии с рядом неурожаев внутри страны, то пришлось пережить неслыханное доселе повышение цен всех сельскохозяйственных продуктов, уже сильно подорожавших с конца века. Особенно возросла при этом в цене пшеница, которая уже в то время являлась единственным средством удовлетворения потребности английского народа в хлебе.

Последствия этого были двоякие: во-первых, непрерывно возрастающая запашка плохой земли, считавшейся при более низких ценах нерентабельной, возделывание, хотя и дорого стоящее, пустошей, лугов и болотных пространств, превращение плохих пастбищ в пашню и дорогая мелиорация уже обрабатываемых земель в целях увеличения валового дохода и, во-вторых, огромный рост арендных цен. При этом нужно указать, что в Англии имелись лишь остатки прежнего крестьянства, большая же часть земли возделывалась, как крупная земельная собственность, путем сдачи в аренду. Земледелие, приобретение земли, аренда имения стали под влиянием все продолжающегося роста цен лучшим помещением капитала, к которому обратились лица всех слоев населения, так как промышленность падала вследствие затруднений в экспорте. Арендные цены выросли по сравнению с 70-ми годами XVIII в. часто в 4 или 5 раз, в среднем же на 100—200%. В то время как большая часть населения бедствовала вследствие недостатка продовольствия и часто должна была обращаться к скудным суррогатам, дома же для призрения бедных переполнялись и громадные суммы тратились на особое вспомоществование (Allowance System), все земельные собственники, своевременно обеспечившие себя земельной рентой, благоденствовали. Эта зажиточность получателей земельной ренты находилась в кричащем противоречии с положением массы потребителей, о чем мы читаем, кроме многих специальных сочинений, между прочим, и в острой сатире Байрона „Бронзовый век". Только с падением Наполеона в 1813 г. и скоро последовавшим за этим окончанием континентальной блокады картина начала изменяться.

„Угрожавший" теперь аграрным интересам ввоз зернового хлеба стал сразу опасен для высоты рент и для доходности капиталов, вложенных в землю под влиянием роста цен. Оставался только один путь сохранения рентабельности сделанных затрат, упавшей при увеличившихся расходах эксплоатации худших земель и не предназначенных для пашни пастбищ: именно, искусственное сохранение существовавших во время французской войны отношений путем введения соразмерно высоких покровительственных пошлин. Борьба за последние разгорелась в 1815 г. Ни к чему не привели ни многочисленные протесты против них больших городов, ни то, что

талантливые экономисты, как, напр., **Давид Рикардо** в своем памфлете о „Corn Laws" („О хлебных законах"), доказывали сомнительную пользу искусственной дороговизны и охраны дифференциальной земельной ренты; не привела ни к чему и приобревшая большое значение и ставшая известной записка манчестерских купцов 1822 г. („манчестерцы"). Все это сопротивление было уничтожено сильной политической властью, какой обладали лэндлоры в обеих палатах парламента. Даже те, которые не были в силу арендного дохода заинтересованы в пошлинах, убеждались аргументами о катастрофе, переживаемой английским сельским хозяйством, об опасностях, создаваемых этим для снабжения в будущей войне островной державы, и о необходимом поэтому сохранении наличного количества земли, обрабатываемой под хлебные злаки и кормовые растения. Так был проведен сильно оспаривавшийся „хлебный закон" 1815 г., подвергшийся в 20-х и 30-х годах некоторым изменениям—главным образом в так называемой скользящей скале пошлин, изменявшей последние в соответствии с высотой цен внутри страны.

Результаты от их мероприятий не соответствовали ожиданиям. Время высоких хлебных пошлин не было периодом благополучия даже для сельского хозяйства. Наоборот, не менее пяти комиссий парламентского характера было создано в это время для исследования вопроса, почему английские сельские хозяева постоянно бедствовали, несмотря на установленные для них покровительственные пошлины. Многочисленные обследования экспертов пришли к следующему результату: покровительственные пошлины могли действительно удержать цены на желательной высоте только в годы неурожаев. В такие годы положение сельских хозяев было относительно благоприятно. В годы же хороших урожаев внутри страны предложение хлеба собственного производства понижало цены на много ниже уровня цен наполеоновской эпохи, которые имелось в виду удержать пошлинами; этим искажалась цель законодателя и тех, кому он покровительствовал.

Но если действие пошлин было неблагоприятно даже для тех кругов, для которых они были введены, то они действовали прямо катастрофически на другие стороны английского народного хозяйства. Время высоких хлебных цен и плохих урожаев регулярно совпадало с периодами острых промышленных и торговых кризисов, подробности о которых можно найти в уже названной статистической работе Портера и в целом ряде других сочинений того времени. Годы 1817—18, 1825, 1829—32 и 1839—45 являются в хозяйственной истории Англии нового времени годами общеизвестных кризисов, которые позже уже не возобновлялись с той же остротой. Связь между тяжелым состоянием промышленности и хлебными пошлинами надо искать прежде всего в том, что вздорожание продовольствия при недостаточно повышающейся одновременно заработной плате,—о чем также свидетельствует статистика последней,— естественно вызывало сокращение потребления промышленных товаров. Ослабленная же покупательная способность масс тотчас проявлялась в сокращении промышленной деятельности, в задержках сбыта, в безработице и обнищании. К этому прибавлялось то, что и заграничный спрос не возмещал ограниченного внутреннего потребления. После уничтожения континентальной блокады в западноевропейских странах не без оснований боялись, что за „нашествием

французских войск“ последует „нашествие английских товаров“. Когда же англичане, со своей стороны, закрыли таможенными ограничениями сбыт иностранному продовольствию и сырью, то страны с юной промышленностью, как, напр., Германия, ответили на эту торговую политику соответствующими пошлинами на английские товары. Скоро в Англии оправдалось старое положение, высказанное **Кенэ** (Quesney) и правильно оцененное **Адамом Смитом**, что никакая страна не может долго продавать, если она не покупает. Ограниченная в своем сбыте на иностранных рынках, Англия временно должна была оплачивать необходимый ей ввоз золотом вместо товаров, в то время как ее промышленность страдала от сокращения производства.

Положение рабочих было угрожающим. Мы имеем точнейшее его описание **Энгельсом** в 1845 г. („Положение рабочего класса в Германии“) и англичанином **Лаингом** (Laing, „National Distress“ 1844 г.), хотя социалист Энгельс и приписывает изображаемое им бедствие скорее действию капиталистической системы хозяйства, чем хлебным пошлинам. **Гарриет Мартино**, историческая писательница, **Спенсер Уэлпол** (Spencer Walpole), **Брентано** и другие собрали в специальных исследованиях обширный материал о тогдашнем положении рабочего класса. Если даже принять во внимание, что еще не контролируемая в то время работа детей и отсутствие охраны труда в рудниках и на фабриках много способствовали увеличению бедствий, то остается еще достаточно явлений, об'ясняемых нуждой в продовольствии, которая создавалась таможенной политикой; она приводила к ужаснейшим бедствиям того времени, эпидемиям, голодовкам и связанным с ними проявлениям морального вырождения.

Тем непонятнее кажется то, что английские рабочие долго относились безразлично и даже отрицательно к движению, направленному против хлебных пошлин. Оно выросло именно не из низших слоев общества, а из кругов некоторых фабрикантов, основавших к концу 30-х годов „Лигу борьбы против хлебного закона“ (Anti-Corn-Law League) и вынужденных прежде всего вести борьбу как раз с оппозицией из рабочих. Среди рабочих глубоко укрепилось убеждение, что высокие цены на продовольствие означают высокую заработную плату, а низкие цены — понижение уровня заработной платы. Это представление подкреплялось дедуктивными теориями классической политической экономии, именно учением о фонде заработной платы и взглядом о единообразном согласовании заработной платы и прожиточного минимума, который был позднее формулирован, как „железный закон заработной платы“.

Таким образом, рабочие усмотрели сначала в движении, направленном против хлебных пошлин, предпринимательскую агитацию в целях увеличения капиталистической прибыли. И только в 40-х годах, когда нужда все возрастала, а заработная плата все больше и явственней не соответствовала ценам на продовольствие, лига, блестяще организованная и с идейным воодушевлением руководимая Ричардом Кобденом и Джоном Брайтом, приобрела сторонников в широких народных массах. Она приобрела, однако, своего самого влиятельного сторонника в лице премьер-министра сэра Роберта Пиля, который был еще в 1842 г. выбран ториями для поддержания хлебных пошлин, а в 1845 г. вследствие грозившего неурожая ирландского картофеля, ставшего последним средством пропитания

голодающего населения, счел невозможным дальше защищать хлебные пошлины. Переворот в торгово-политических взглядах Пиля сохранил значение большого политического события английской истории нового времени. В 1846 г. Англия перешла к системе полнейшей свободы торговли. В отношении колоний это выразилось, как уже указано, в том, что были устранены все дифференциальные таможенные тарифы и колонии приобрели автономию в вопросах торговой политики.

Как известно, отдаленные последствия введения свободной торговли сказались на всей торговой политике Западной Европы. Энергично руководимое Кобденом движение привело к обмену мнений между ним и Наполеоном III и к вступлению Франции на путь свободной торговли, которая стала влиять и на соседние государства. Только в 70-х годах появилось опять новое движение в пользу покровительственных пошлин, которое должно быть отнесено на счет увеличившейся конкуренции заокеанского хлеба; но оно не имело в Англии никакой почвы. Тяжелый опыт тридцатилетнего периода высоких покровительственных пошлин создал там общенародное настроение в пользу свободной торговли, которое уже не могло исчезнуть. В связи с общим ростом английского богатства и благодаря непрерывному улучшению социальных условий это настроение продолжало укрепляться там в такой мере, что лишало почвы прежде всего всякие изменения торгово-политической системы.

Глава V.

Британский под'ем.

Литература: Statesman's Yearbook. 1916.—Statistical Abstract for the United Kingdom. 1917.—**V. Schulze-Gaevernitz**, Britischer Imperialismus.—**Yastrow**, Der englische Reichtum und seine Quellen, in „Das englische Gesicht“ 1915.—**A. L. Bowley**, Wages in the United Kingdom. 1900.—**C. v. Tyszka**, Das weltwirtschaftliche Problem der modernen Industriestaaten. 1916. (Русский перевод в I выпуске настоящей серии).

Нельзя точно установить в количественных терминах, какова была специфическая роль введения свободной торговли для быстрого расцвета английского народного хозяйства с 1846 г. Но неправильно, конечно, приписывать его исключительно торгово-политической системе. Осторожнее и правильнее будет ограничиваться утверждением, что столь могучий подъем во всех отраслях хозяйственной жизни Англии с середины XIX века произошел во всяком случае при господстве много оспаривавшейся системы свободной торговли, которая, следовательно, имела в целом неопровержимый успех, независимо от того, какое специальное и непосредственное влияние она оказывала на отдельные отрасли хозяйства.

В последние годы перед мировой войной английская внешняя торговля, из расчета на душу населения, снова значительно увеличилась, так что можно было сказать, что каждый английский гражданин принимал все большее участие в ввозе и вывозе. В 1907 г. на каждого человека приходилось 9 ф. 14 ш. и 10 пенсов вывезенных ценностей, в 1913 г.—уже 11 ф. 9 ш. 10 п. Ввоз нетто давал следующие цифры: 12 ф. 13 ш. 3 п. и 14 ф. 8 ш. 5 п., ввоз же брутто: 14 ф. 15 ш. 4 п. и 16 ф. 17 ш. 4 пенса. Можно дать следующую картину английского ввоза и вывоза по отдельным боль-

шим статьям. Продовольствие и сырье для промышленности составляют главную статью **ввоза.** Из продовольствия на первом плане стоит в 1913 г. пшеница и пшеничная мука, которых было ввезено на сумму более 50 миллионов фунтов стерл.; из Северной Америки и Канады, России, Аргентины, Австралии и Индии непрерывным потоком шел в английские гавани зерновой хлеб, меняя в течение года места своей отправки в зависимости от времени урожая. К этому присоединялись сало и мороженое мясо из Австралии, Голландии и Дании, масло и фрукты (преимущественно апельсины, бананы, изюм и сушеные плоды); важную статью составлял ввоз чая и сахара, которых Англия вообще не производит и вряд ли будет когда-нибудь производить. Из ввезенного сырья самое существенное составляли: хлопок (на 70 миллионов ф.), лес всех сортов, прежде всего крепежный лес из Скандинавии, Канады, Финляндии, Западной Франции, затем овечья шерсть, каучук, масляничные семена, железная руда из Испании и Швеции, керосин, почти исключительно из Америки, лен и джут.

В вывозе господствующее место занимает текстильная промышленность: в 1913 г. вывозится почти на 100 мил. ф. штучных товаров хлопчатобумажной промышленности; сюда присоединяются пряжа, шерстяные товары, тонкие ткани, галантерейные товары. Железоделательная и сталелитейная промышленность дали вывозу 54,2 мил. ф.; исключение из общего правила преобладающего вывоза фабрикатов составляет уголь, вывезенный в 1913 г. не менее, чем на 50,7 мил. ф. Рядом с этим было большое число экспортных товаров, цифры которых далеко отстают от указанных величин, но которые в целом все же значительно увеличивают собой британский вывоз, как, например, машины, моторы, автомобили, напитки, кожаные товары, бумага и т. д.

В предстоящем изложении состояния английской промышленности и сельского хозяйства будет случай отметить особое влияние на них свободной торговли, их под'ем при ней или приспособление к ней. Могущественное развитие подлинной области торговой политики, именно **внешней торговли**, является прежде всего важнейшим показателем быстрого хозяйственного под'ема Англии во второй половине XIX в. Ведь об'ем внешней торговли являлся одновременно и измерителем роста покупательной способности масс, выражающейся в количестве ввозимого продовольствия; увеличивающаяся же емкость английской перерабатывающей промышленности относительно заокеанского сырья была, с другой стороны (если иметь в виду вывозную сторону торгового баланса), показательна для господствующего положения Англии как поставщика мирового рынка и торгового посредника.

Годовой ввоз в Англию поднялся с середины XIX в. приблизительно с 122 миллионов ф. не менее как до 611 миллионов ф. в среднем за 1910—14 годы (ввоз нетто); вывоз же, составлявший в 1848 г. только 52,8 мил. ф., поднялся в 1910—14 гг. в среднем до 474 мил. ф. Отдельные вывозные статьи ярко иллюстрируют под'ем, непосредственно связанный с введением свободной торговли, которая подняла покупательную способность масс населения внутри страны и вместе с тем сделала другие страны, поставлявшие продовольствие и сырье, ревностными потребителями английских фабрикатов. Хлопчатобумажных товаров было вывезено в период с 1823

по 1842 г. всего 10.184.000 ярдов, тогда как в двадцатилетие 1843—62 гг. было экспортировано 33.076.000 ярдов. Общая ценность вывезенных текстильных товаров (бумажных, шерстяных и льняных), составлявшая к концу 20-х годов 25 мил., поднялась к концу 50-х годов до 70-ти и в последние годы перед мировой войной до 166 миллионов ф. Число хлопчатобумажных веретен поднялось в период с 1856 до 1909 г. с 28 миллионов веретен до 55,6 мил. веретен. Экспорт машин, дававший в 1850 г. только 1.042.000 ф., составлял уже в 1870 г. почти 6, а в 1911 г.—свыше 30 мил. ф. Подобные примеры можно привести и для многих других вывозных статей.

Торговый баланс Англии, как и всех богатых стран, сильно пассивен. В 1913 г. излишек ввоза, т.-е. разница между ценностью нетто—ввозом и вывозом отечественных товаров, составляла около 135 миллионов ф. Эта пассивность торгового баланса все же никоим образом не означала особенной зависимости Англии от заграницы и не заключала в себе какой-либо финансовой угрозы. Однако эта нормальная пассивность торгового баланса превратилась во время мировой войны в черезвычайную, достигшую высоты 10—16 миллиардов марок в год, что было вызвано вздорожанием предметов ввоза и сократившимся по военным условиям вывозом. Если бы это превратилось в длительное явление также и в мирное время, то английскому народному хозяйству грозили бы тяжелые опасности. Но, как кажется, нормальный торговый баланс восстанавливается сравнительно быстро. Пассивность, существовшая до войны, означает только то, что торговый баланс не является сам по себе единственной мерой притекающих к английскому народному хозяйству ценностей, но требует дополнения посредством так называемого „invisible exports", невидимого экспорта, который находит свое отражение в расчетном балансе.

Поэтому английская политическая экономия внимательно изучала отдельные статьи **платежного баланса**. Прежде всего надо вспомнить громадные услуги, оказываемые во всем мире **английским торговым флотом** другим нациям, услуги, которые эти нации оплачивают в различной форме, целесообразнее же всего посредством экспорта в Англию и оплатой Англии чеками, которыми она со своей стороны платит своим поставщикам. Только в самых общих чертах может быть, конечно, установлено, в какой мере в каждой отдельной части ввоза имеется оплаченная английская услуга по морской перевозке. Английское судоходство также сделало большие успехи со времени введения свободной торговли. Техника стального судна, ставшего на место деревянного и железного, замена парусных судов пароходами,—обстоятельства, подкосившие первоначально хорошо развитое кораблестроение Соединенных Штатов,—нашли в Англии деятельного пионера; последний, на ряду с высокими достоинствами моряка, имел в своем распоряжении лучшие предпосылки для дальнейшего роста нового судоходства, уголь, близко расположенный к побережью, и издавна развившуюся железную промышленность. В результате английский торговый флот в 1913 г. исчисляется в 12,6 миллионов зарегистрированных нетто тонн и составляет свыше 41% мирового торгового флота; эта картина несколько нарушена только после мировой войны вследствие бурного строительства торгового флота в Соединенных Штатах во время войны.

Обладание во всем свете многочисленными угольными станциями, политическое и дипломатическое господство над важнейшими морскими проливами облегчило английскому судоходству постоянное расширение сферы его доминирующего положения (сравн. очень поучительное, основанное на географических и политических знаниях, описание у Хеттнера, между прочим в его главе „Судоходство и морское владычество"). Если Англия встретила в последние десятилетия перед мировой войной немаловажную конкуренцию в так называемых линейных рейсах со стороны немецкого торгового мореплавания, которое грозило нанести большой удар ее монопольному положению до тех пор, то, с другой стороны, она до сих пор не имела настоящей конкуренции в так назыв. трампнном судоходстве, т.-е. не связанном определенными рейсами (tramp—бродяга), и в зафрахтовании судов на срок. И как раз этот вид судоходства казался в последние годы более соответствующим английскому деловому духу, чем линейное судоходство, предполагающее основательную реорганизацию всего дела. Распространенный по всему земному шару английский торговый флот несет свою службу в большинстве случаев, не возвращаясь когда-либо в отечество, а идя из одной чужой страны в другую, из колонии в колонию. Но чистый доход от этого дела притекает в той или иной форме в английские судоходные общества в Ливерпуле или Соутгэмптоне, Кардиффе или Дублине, или же к отдельным судовладельцам, и обогащает таким образом годовой расчетный баланс. В официальной английской синей книге от 1903 г. высчитано, что чистый доход Англии от одних только морских фрахтов составляет 90 милл. ф. ст. в год, в то время как общий излишек ее ввоза достигал с 1893 по 1902 гг. 161 милл. ф. ст.

Однако судоходство является только одним из слагаемых ее невидимого экспорта. К нему надо прибавить прежде всего **проценты и дивиденды, получаемые Англией от ее капиталов, помещенных за границей**. Уже **Луи Малле** (Sir Louis Mallet) оценивал этот приход в 100 милл. ф. годовых в 1883—84 г. **Роберт Жиффен** (Sir Robert Jiffen), известнейший современный статистик Англии, дал в 1898 г. более осторожную оценку в 90 милл. ф., Фабианское же общество в 1901—2 г. определяло его в 118 милл. В то время как британский национальный доход почти удвоился в период с 1865 по 1898 гг., „доход из-за границы" в этот промежуток возрос в 9 раз. Таков приток процентов по иностранным ценным бумагам, выплачиваемых Англии.

В-третьих, огромное значение для янглийского платежного баланса имеет то обстоятельство, что английский (преимущественно лондонский) банковский мир и фондовая биржа обслуживают весь свет, между тем как деятельность этих кредитных учреждений нигде не отмечается как особые услуги загранице. Лондон является центром **денежного и валютного рынка всего мира**. „В каком бы месте света,—пишет профессор **Ястров**,—ни понадобились свободные деньги для какого-либо предприятия, за этим обращаются в Лондон, если только нет особых причин, заставляющих предпочесть другой центр. Низкая процентная ставка лондонского денежного рынка является тем исходным пунктом, от которого посредник ведет свой расчет, в зависимости от кредитоспособности отдельных стран и предприятий". В этой связи **Шульце Геверниц** напоминает, что хотя действительная монополия акцепта и нарушается марковыми и франковыми

векселями (перед мировой войной, теперь же долларовыми векселями), но Лондон все же предпочитается в качестве места акцепта, вследствие чего он получает из-за границы огромные доходы. Особенно безраздельно господствует фунт стерлингов там, где страны с менее устойчивой валютой вступают в сношения с Европой. Так, например, китаец, продающий чай в Россию или Америку, южноамериканец, продающий в Европу шерсть или кофе, итальянец, продающий серу в заокеанские страны, расплачиваются векселями в английской валюте. Via Лондон вознаграждали Соединенные Штаты Испанию за Кубу. Via Лондон уплачивал Китай военные убытки Японии, которая получала свои депозиты на Лондон большей частью также в виде купленных в Англии (невидимый экспорт!) броненосцев.

К этой важной статье английского платежного баланса прибавляются, **в-четвертых**, ряд доходов от заграничных дел английского купечества, пребывающего вне Англии, прибыли заграничных филиалов больших английских торговых, промышленных и страховых предприятий, предпринимательская прибыль и комиссионные доходы, наконец, доход с известных всему миру английских аукционов, поскольку они предпринимаются за чужой счет. Недаром Англия, и в особенности Лондон, Манчестер и Ливерпуль, стали местами **мировых аукционов** для многих значительных колониальных продуктов и сырья. Это обстоятельство тесно связано со значением английского судоходства, с благоприятным географическим положением Англии, с ее первоначально господствующим положением как покупателя заморского сырья и продовольствия и с ее устойчивой денежной системой. Отсюда также притекают в карманы британских купцов большие комиссионные доходы.

Рядом с этими огромными суммами, притекающими из вышеуказанных источников и питающими платежный баланс Англии, доходы, приносимые путешественниками, представляются гораздо менее значительными, хотя, конечно, расходы стольких иностранных деловых посетителей приносят английскому денежному мешку в течение года не малые суммы. По степени важности нужно в конце упомянуть еще о **морских кабелях**, на которые Англия сумела укрепить за собою некое подобие монополии и пользование которыми, поскольку в нем нуждаются иностранцы, также обогощает ее платежный баланс. Благодаря тому, что Англия всегда первая появлялась в заокеанских странах, английские кабельные общества могли выговорить себе условие, чтобы на ряду с их кабелями не прокладывались никакие другие. Англия, благодаря своему географическому положению, естественно является исходным пунктом транс—антлантического кабеля, для которого она пользуется рассеянными по всему свету собственными владениями, в том числе совсем мелкими островами, частью она пользуется территорией дружеских и зависимых от нее государств, как Португалия, на Азорских островах, Мадейре, и Зеленом мысе. Поэтому кабельная сеть Англии в 208.000 километров длины в 1898 г. увеличилась к 1913-му г. до 257.800 килом. В этом году Англия владела еще 50% мировой кабельной сети, что означало, однако, по сравнению с 1898 г. довольно значительный регресс, об'ясняющийся приобщением к этому делу Германии и Америки, из которых последняя имела уже 19% общей сети.

Итак, мы имеем целый ряд причин, которые об'ясняют, почему торговый баланс Англии должен быть сильно пассивен и показывают, как эта пассивность с избытком покрывается тем, что Великобритания является **мировым кредитором**, ежегодно в различных формах продающим свои услуги загранице и превращающим ее в своего должника.

Хотя, как было уже сказано выше, ни торговля, ни платежный баланс не могут быть единственными показателями **национального богатства** и его роста, но все же они являются столь мощными его факторами, что можно в этой последовательности связать рост дохода с благоприятным платежным балансом. Если взять исходным пунктом 1861 г., то по данным Inland Revenue Department'а (Департамента внутренних доходов), доход Соединенного королевства составлял в этом году 311,8 мил. ф., в первый год нового столетия он поднялся до 866,9 мил. ф., так что на голову населения вместо 10,7 ф. приходилось теперь 20,9 ф. В 1913 г. эта цифра равнялась 1161,1 мил. ф. В этой связи интересен также рост вкладов в сберегательных кассах. **Вклады в сберегательные кассы** почтового ведомства составляли в 1901 г. 140,3 мил. ф. и возросли к 1914 г. до 190,3 мил.; в то время как в 1901 г. на каждого вкладчика приходилось 15 фун. 19 шил. 16 пенсов, эта цифра составляла в 1914 г. 20 ф. 9 шил. 8 п. Таким образом, открывается чрезвычайно благоприятная общая картина роста английского благосостояния с середины истекшего столетия, находящаяся в разительном противоречии с так называемыми „голодными" сороковыми годами (hungry forties), которые предшествовали введению свободной торговли.

Если социальное положение широких масс английского народа никоим образом нельзя считать достигнувшим к началу мировой войны желательного уровня, то все же оно было значительно лучше, чем во время высоких хлебных пошлин и вызванных ими последствий. Как знаменитый статистик **Боули** (Bowley), так и известный в качестве аграрного статистика **А. Вильсон—Фокс** (A. Wilson—Fox) в своем докладе королевскому статистическому обществу (Royal statistical society) в 1902 г., доказали, что с 40-х годов как в деревне, так и в городах заработная плата проявляла тенденцию к быстрому росту, тогда как цены на продовольствие и важнейшие предметы потребления благодаря свободному ввозу более или менее быстро падали. Постоянно растущая поэтому покупательная сила масс отражалась, как мы уже видели, до самого последнего времени в увеличивающейся сумме импорта на единицу населения, хотя нужно иметь в виду, что часто ввоз мог заменять собственное отечественное производство или же притекал просто для переработки и обратного вывоза. Все же цифры **растущей заработной платы и уменьшающейся стоимости жизни** ясно указывают на улучшение условий жизни пролетариата. Можно считать твердо установленным как официальными английскими исследованиями в начале нового столетия, так и многочисленными частными проверками, что в начале мировой войны английский рабочий питался лучше рабочих всех других стран. Житейский обиход английского рабочего, который привык 2 раза в день есть мясо, а по утрам к тому же и сало, в больших количествах употреблял в пищу птицу, лучший пшеничный хлеб, молоко и сливки, масло и варенье или мармелад, яйца и превосходный сыр, свежие фрукты всех сортов и времен года, походил гораздо более на обиход имущих кругов континента, чем на питание хотя бы немецких или французских рабочих; последние

могли возместить обременение их бюджета продовольственными пошлинами часто только большей умеренностью или более экономным ведением хозяйства, а также большими способностями домашних хозяек, чем в Англии.

Достойно также внимания заметное **уменьшение числа бедных** в Англии в течение второй половины XIX в. Число бедных, пользующихся общественным призрением, упало с 1.054.000 в 1861 г. до 979.000 в 1901 г. и составляло в 1913 г. только 783.916 чел. В 1861 г. эта цифра равнялась 36 на 1 тысячу населения, понизившись в 1901 г. до 24, в 1913 г. до 21,5. Таким образом и здесь видно длящееся улучшение положения.

Источник обрисованного здесь под'ема Англии, как торговой державы, покоился и покоится еще на плечах ее крупно-индустриального производства. Как ни была велика и велика еще теперь роль Англии в качестве торгового посредника, кредитора и владычицы трансокеанской торговли, из этих источников можно было, правда, накопить финансовые обязательства и депозиты, но нельзя было прокормить все увеличивающееся население, в особенности когда поставлять эмигрантов заокеанским странам стали человеческие резервуары восточной и южной Европы. Индустриализация Англии уже настолько продвинулась вперед,что только в Англии в тесном смысле и в Уэльсе во время последней переписи 1911 г., из 28,5 мил. человек в возрасте свыше 10 лет—9,4 мил. были заняты в промышленности, 2,2 мил. в торговле и лишь 1,2 мил. в сельском хозяйстве; это заставляло и постоянно заставляет нас вновь уделять серьезнейшее внимание предпосылкам и возможностям английской промышленности и ее экспансии.

ОТДЕЛ III.

Английское индустриальное государство и его проблемы.

Глава VI.

Развитие и значение английской крупной индустрии.

Литература: **Hermann Levy**, Monopole, Kartelle und Trusts.—Statesman's Jearbook, за разные годы Отчеты Tariff Commission, 1905.—Final Report of the Committee on Commercial and Industrial Policy after the War 1918—**Tyszka. a. a. O.**

Из потребных английской промышленности видов сырья на британских островах добываются только два—уголь и железная руда; только они по своему количеству и ценности имеют действительно важное значение для дальнейшей переработки. Культивировавшиеся прежде другие отрасли металлического производства, как добыча меди, производство цинка, добыча олова (в Корнуэлле) и свинца, Англия должна была уступить в течение последнего столетия иным, частью заокеанским странам. Уголь же и железная руда занимают, напротив, и теперь еще господствующее положение в английском хозяйстве.

Правда, как доказал в 1903 г. на заседании английского статистического общества знаменитый угольный магнат Д. А. Томас

(с начала мировой войны лорд Rhondda), экспорт английского угля потерял значительный рынок сбыта за границей, вследствие увеличившейся собственной добычи заокеанских стран (Индия, Япония) и конкуренции поставщиков других (Северная Америка); но все же цифры его добычи возрастали вплоть до начала войны. Все еще существуют заграничные рынки, как Италия, Испания и южная Америка, на которых английский уголь, по крайней мере до известной предельной цены, занимает монопольное положение. Таким образом, вполне об'яснимо, что добыча угля в Великобритании могла подняться с 219 мил. тонн в 1901 г. до 287 мил. тонн в 1913 г. Мировая война, правда, опять сильно понизила добычу, благодаря производившимся мобилизациям, задержкам в вывозе, недостатку тоннажа и т. д., так что в 1919 г. эта цифра упала до 229 мил. тонн.

В мировом масштабе английская добыча угля 1913 г. занимала, второе место, ее перегнали Соединенные Штаты (с 517 мил. тонн) и не совсем догнала немецкая добыча, все же поднявшаяся с 73 мил. тонн в 1885 г. до 278 мил. тон в 1913 г. Из 135,2 мил. фунтов. стерл., которым по официальной оценке в 1907 г. равнялась великобританская добыча минералов, 120,5 мил. падали на один только уголь.

Английская **железорудная промышленность** развивалась в течение последних 20-ти лет перед мировой войной медленно и с большим перерывом. Но даже в то время, когда Германиия, Франция и Северная Америка оспаривали ее положение, она все-таки занимала в мировой продукции четвертое место, давая в 1913 г. 16,2 мил. тонн против 35,9—в Германии, 21,5—во Франции и 62,9 мил. тонн. в Соединенных Штатах. По сравнению с господствующим положением, которое еще в течение второй половины XIX века Англия занимала в железоделательной и сталелитейной промышленности, это отставание не лишено значения. Причину его нужно искать исключительно в том, что Англия предпочитает ввозить богатые руды Испании и Швеции, содержащие мало фосфора, и переплавлять их бессемеровским способом и процессом Сименс—Мартэна, чем применять процесс Томаса, при помощи которого было бы возможно употреблять для выработки чугуна менее ценные руды, еще имеющиеся в Англии. В результате из официально вычисленного потребления Англией в 1907 г. железной руды, равнявшегося приблизительно 23 милл. тонн., не менее 7,6 милл. происходили из чужих рудников. Так как качество ввозной руды значительно лучше, чем английской, то это вполне соответствует тому показанию специалистов, что 50% чугунной продукции перед войной производилось из заграничной руды. Во время войны явилась для Англии необходимость по возможности поднять производство железа из собственной руды. Именно в программе, которую развивал и должен был осуществить Ллойд-Джорж, с целью противодействия подводной войне, предполагалось возможное увеличение отечественной добычи руды. Но это не дало ожидаемых результатов. Добыча руды, составлявшая в 1918 г. 14,6 милл. тонн, оказалась ниже даже, чем в начале войны.

Но попятное движение в железоделательной промышленности не ограничилось добычей руды. **В чугуно и сталелитейном производстве** Англия тоже отстала от Германии и Америки. Если американское производство чугуна дало с 1880 по 1913 г. увеличение с 3,8 до 30,8 милл. тонн, а германское (включая Люксембург)—с 2,7 до 19,3 милл. тонн, то английские цифры составляли 7,8 и 10,6 милл.

тонн, что означало падение с 42,5% мировой продукции до 13,2%. В недавнем официальном докладе 1918 г., посвященном „Торговой и индустриальной политике после войны“, составители (среди подписавших его были, между прочими, лорд Рондда (Lord Rhondda), лорд Бальфур, сэр Альфред Бутс (Sir Alfred Booth) и многие выдающиеся специалисты из хозяйственного мира) пришли на основе своих констатирований к следующему результату. Они считают, что причины преобладания Германии надо искать, во-первых, в молодости ее железоделательной промышленности, которая именно поэтому могла быть построена на более современных началах; во-вторых, в ее организационных преимуществах. „Американское и немецкое железное и стальное производство“,—буквально говорится, в этом заслуживающем внимания докладе—„возникло сравнительно недавно; оно целиком организовано на крупно-индустриальной основе, в то время как мелкие преприятия, руководимые отдельными предпринимателями, там почти неизвестны. Индивидуализм, свойственный британскому характеру, часто заставлял железоделательных и сталелитейных предпринимателей предпочитать сохранение личного контроля над маленькими и сравнительно непригодными производствами, об'единению своих духовных и материальных сил для блага целого. Промышленность же Германии и Америки построена на исключительно широкой производственной основе и там предпочитают производство больших количеств одинакового качества разнообразию сортов. Там созданы большие технические сооружения, приспособленные специально для дешевой фабрикации. Напротив, экспансия у нас, в Англии, ограничивалась только модернизацией и расширением уже имеющихся производств“. Далее они ссылаются на то, что в 1915 г. выплавка чугуна колебалась между 33 и 65.000 тонн на доменную печь, в то время как в Америке эти цифры достигают 80—135.000 тонн.

Положение английской железоделательной промышленности характеризуется не только сравнительной отсталостью в добыче сырья и производстве полуфабрикатов; достойно быть отмеченным, что даже на английском рынке не господствует исключительно английское производство. Это тем более удивительно, что цифры вывоза последнего времени не показывают падения британского экспорта чугуна, брускового железа и различных других полуфабрикатов, в то время как, с другой стороны, ввоз стального литья, железных болванок и брусков обнаруживает значительное увеличение, и общий ввоз железных и стальных изделий составлял в 1913 г. не менее 2,2 милл. тонн против 0,92 милл. тонн в 1901 г. Об'яснение этому надо искать в своеобразных обстоятельствах, ставших с некоторого времени характерными для страны абсолютно свободной торговли: это то, что она могла сохранять на известной высоте некоторые высококвалифицированные производства и поддерживать их способность к экспорту, в то время как более дешевые сорта тех же производственных отраслей она предоставляла в большей или меньшей степени заграничной конкуренции, так что теперь довольно часто можно найти в голых статистических данных указание на вывоз и одновременный ввоз очень похожих или кажущихся похожими товаров. Впрочем, ввоз дешевой немецкой и американской стали в полуобработанном виде, конечно, настолько же содействовал дальнейшей переработке ее в Англии, насколько этим ввозом

наносился ущерб первичным английским производствам. Одно сообщение английского торгового ведомства от 1903 г. ясно подчеркивало, что ввоз дешевой сырцовой стали поставил в неприятное положение соответствующее производство в Англии. „Напротив,—говорилось далее,—фабриканты, которые потребляли и перерабатывали дальше сырцовую сталь, считали избыток дешевой стали благословением для своего дела, и в известные времена они, конечно, испытывали бы затруднения, если бы не могли рассчитывать на иностранный подвоз для поддержания своих производств на полном ходу".

То же самое подтвердили через год некоторые показания, сделанные Чемберлэновской тарифной комиссией. Многие сталелитейные предприниматели прямо протестовали против установления таможенного покровительства сырью, так как оно не соответствовало бы их интересам. Известный сталелитейный предприниматель Чарльз Макларен (Sir Charles Maclaren) писал в 1905 г. в техническом приложении к Times'y: „Надо признать, что наше корабле и машиностроение в значительной степени воспользовалось возможностью ввозить дешевый материал, которым Германия, конкурирующая с нашими товарами, всегда готова снабдить нас. Производство стали в Шеффильде и Мидллбороу, без сомнения, страдает от этого, но, с другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что судовладельцы и кораблестроители, включая фабрикантов пароходных машин, от этого выигрывают". Важная отрасль английской стальной промышленности, производство белой жести в Уэллсе, также извлекает от ввоза дешевых болванок из Германии и Америки все возрастающие выгоды, при всяком случае отмечавшиеся заинтересованной стороной.

Конечно, не может быть установлено, насколько английское **судостроение** обязано своим, до начала мировой войны никем не оспаривавшимся господством, между прочим, и ввозу дешевых материалов (в 1912—13 г. 43% употребленной стали были иностранного происхождения), но во всяком случае для сокращения издержек производства при соревновании с другими странами он имел большое значение. В истории новейшего английского **судостроения** достойно быть отмеченным, что оно вступило в период нового под'ема с 80-х годов, т.-е. в то время, когда коренные отрасли промышленности Англии уже достигли высшей точки своего развития и даже отчасти перешагнули через нее. По Шульце-Геверницу не менее 90% мирового пароходного строительства к концу 80-х и началу 90-х годов падает на английские верфи. Английский паровой флот вырастал тогда в среднем на четверть миллиона тонн в год. Вместе с тем Англия выстраивала около 100.000 тонн для других стран, покупавших кроме того около 50—70.000 тонн в год старого английского пароходного состава. В начале XX века, когда германская кораблестроительная промышленность сделала уже большие успехи, половина или больше из 1—1½ милл. зарегистрированных брутто тонн, на которые ежегодно увеличивался внеанглийский торговый флот, (если не считать замены утраченных и бракованных судов) происходили все еще с английских верфей. Наконец, в 1913 г. Англия со своим строительством 1,9 милл. регистровых брутто тонн (считая только торговые суда свыше 100 тонн), составлявших 58% мирового судостроения, все еще стояла на первом месте. Вывоз составлял в 1913 г., после различных колебаний предыдущих лет, все еще

482.590 судов, цифра, превзойденная за весь период с 1901 по 1913 г. только однажды —в 1907 г.

Мировая война, однако, довольно существенно изменила картину. Соединенные Штаты использовали высокие фрахты и потребность в военном транспорте для выработки судостроительной программы, которая, кажется, скоро приведет к тому, что Соединенные Штаты можно будет считать равными Англии по числу принадлежащих им верфей и величине судостроительства. Уже теперь они обладают тоннажем не в 3 милл. (как в 1914 г.), а в 14 милл., которые служат океанскому сообщению, а весь флот их в четыре раза больше довоенного флота Германии. То же самое относится к расширению верфей в Японии. Если в Соединенных Штатах в 1913 г. спустили на воду только 276.000 реестровых брутто тонн, то в 1918 г. эта цифра превысила 3.000.000 тонн. Япония выстроила вместо 64.000 тонн уже около 500.000 тонн. Хотя в 1918 г. Германия почти совсем сошла на нет в качестве судостроителя, Великобритания поставила из общей суммы спущенных на воду 5,4 милл. реестровых брутто тонн только лишь 3,1 милл. тонн!

Только через несколько лет, конечно, будет видно, как разовьется это соревнование с давно установившейся английской кораблестроительной промышленностью. Если с недавнего времени английское законодательство придерживается той точки зрения, что ввоз дешевой заграничной стали должен быть сокращен для охраны сталелитейных заводов, то оно во всяком случае становится тем самым в противоречие с интересами английской судостроительной промышленности: это противоречие будет делаться тем ярче, чем скорее стальная промышленность мира снова оправится от своей военной дезорганизации. Поэтому указанное официальное сообщение от 1918 г. и присоединяет к вопросу о бросовом экспорте (дэмпинге) и борьбе против него путем повышения пошлин следующее замечание: „для судостроения, также как для судовладельца важно, чтобы им была дана возможность покупать сталь и железо также дешево, как покупают их заграничные конкуренты“. В этом заключается ясное оправдание столь поносимого дэмпинга немецких железных болванок и корабельной жести перед войной, который происходил, следовательно, не ко вреду английской индустрии, если рассматривать ее не с точки зрения отдельных заинтересованных кругов, а в аспекте общего удешевления производства в интересах общества! То же самое правильно относительно уэллского производства белой жести, которое также должно было во время войны уступить свое первенство Соединенным Штатам и дальнейшее благополучие которого не в последней степени будет зависеть от обеспечения дешевыми полуфабрикатами.

С **машиностроительной промышленностью** дело обстояло так же, как и с судостроением. Мы имеем тут дело с отраслью железной индустрии, про которую можно сказать, что она представляет собою высшую ступень последней. Здесь тоже совершился переход от добычи сырья и выработки полуфабрикатов к интенсивнейшей дальнейшей переработке. Здесь мы также видим Великобританию, достигшую перед мировой войной, несмотря на иностранную конкуренцию, величайшего успеха. Ценность вывезенных машин всех родов поднялась с 17,8 милл. ф. в 1901 г. не менее как до 37 милл. ф. в 1913 г.; между ними наибольшее значение имели локомотивы,

сельскохозяйственные машины, двигатели внутреннего сгорания, паровые турбины, швейные машины и особенно текстильные машины, которых одних было вывезено на 8,2 милл.

На ряду с железоделательной и сталелитейной промышленностью, которую вместе с добычей угля, добычей железной руды, судо- и машиностроением можно назвать единым индустриальным комплексом Великобритании, стоит со своими ветвями и разветвлениями пожалуй самая старая ныне английская промышленная отрасль—**текстильная промышленность.** Она охватывает выделку пряжи, ткачество, высокоценное английское беление и окрашивание, набивку ситцев, выработку шерстяных изделий и галантерейных товаров, сравнительно незначительную шелковую промышленность и различные более или менее важные примыкающие к ним и специальные отрасли.

Про историю текстильной промышленности в Англии и развитие ее вывоза самое существенное мы уже сказали. Могучий под'ем ее находит свое воплощение в теперешнем производстве внутри страны. Общая сумма капитала, помещенного в английскую текстильную промышленность, оценивается в 250 милл. ф.; по меньшей мере 5 милл. человек находят в ней в нормальное время средства существования. Количество потребляемого английской текстильной промышленностью сырья (хлопок, шерсть, лен), равнявшееся в период 1829—31 г. г. ок. 586 милл. английских фунтов в год, поднялось в 1911—13 г. г. в среднем до 2.880 милл. фунтов ежегодно! Другим показателем блестящего развития по крайней мере одной ветви текстильного хозяйства Англии является количество веретен. Оно равнялось в 1856 г. ок. 28 милл. штук, в 1890 г. около 43 милл., непосредственно перед началом мировой войны почти 56 милл. С таким числом веретен Англия не только стояла на много впереди всех стран, но даже превосходила еще на несколько миллионов число веретен Северной Америки, Германии и Франции, взятых вместе. Далее, по статистике 1905 г. Великобритания обладала 704.000 ткацких станков, в то время как Германия имела в это время около 211.000, Америка же 600.000.

Неудивительно, что эти цифры, рассматриваемые в их совокупности, считались неоспоримым показателем устойчивого и цветущего положения английской текстильной промышленности перед войной. Лишь недавно это было выражено в уже приводившемся сообщении от 1918 г. Там говорится про хлопчатобумажную промышленность следующее: „Все сообщенные нам мнения специалистов утверждают, что мощность британского хлопчатобумажного дела, как в отношении пряжи, так и тканей, на оспариваемых у него рынках почти не ослаблена, хотя в торговле происходят существенные перемены". Про шерстяную промышленность говорилось, что перед войной она достигла „небывало высокого уровня", и что за более тонкими фабрикатами утвердилось их положение „на отечественных и колониальных рынках", в то время как в других странах их конкуренции препятствуют тамошние покровительственные пошлины. Про льняную промышленность говорилось, что, „рассматривая эту промышленность как целое" надо сказать, что на отечественном рынке „очень мало чувствуется иностранная конкуренция". Относительно производства чулок из простой и тонкой шерсти было установлено, что на отечественных рынках „нет почти

никакой иностранной конкуренции", во всяком случае нет ее для „better quality goods (для товаров лучшего качества). Напротив, очень сильная конкуренция, особенно со стороны Франции и Германии, чувствовалась в шелковой промышленности, а равно и в джутовой, в которой все увеличивалась индийская конкуренция товаров дешевого качества, так что главные фабрики в Дэнди „обратились к дорогим производствам, с которыми Калькутта конкурировать не может".

Как общее положение английской текстильной промышленности перед войной, так и специальные ее особенности, характерны для всей английской крупной индустрии и ее дальнейшего развития. В общем на ее примере выяснилось, что промышленность, построенная подобно этой на опыте целых поколений работников и давшая высокоценные продукты, не легко может быть побеждена даже способными новичками, особенно если принять во внимание, что производству Англии заранее содействовали некоторые природные преимущества, прежде всего, например, в производстве пряжи — влажный климат. В частности, именно эта отрасль промышленности представляет собой пример высоко-развитого, с точки зрения качества, производства, которое всюду, где оживляется конкуренция, преодолевает появляющиеся на рынке угрозы переходом к выработке особо квалифицированных фабрикатов. Вместе с тем, здесь нужно напомнить, что именно ввоз дешевых изделий этой же ветви промышленности повысил покупательную способность масс внутри страны в отношении более дорогого, тонкого товара, выработка которого, будучи недоступной для конкурентов, осталась в английских руках; в то же время покровительственным пошлинам иностранных рынков, против которых ничего нельзя было поделать, противопоставлялось лишь постоянное улучшение собственных экспортных товаров как для рынков конкурирующих стран, так и для нейтральных.

Там, где не происходило это превращение или приспособление к потребностям времени, там английские промышленники оказывались в стесненном положении, тогда как их соседи сохраняли способность конкурировать. Так, вышеназванное официальное исследование 1918 г. устанавливает, например, что кружевное производство Плауена и Бармена (Германия) вытеснило английский товар благодаря „более частым нововведениям и большему разнообразию в стиле и рисунке", в то время как в производстве бумажных чулок и перчаток, не говоря о некоторых особых приемах окраски, успех Германии „покоился на организации производства, приспособлявшего различные машины для выработки одного единственного предмета, так что мелкий английский производитель" становился неспособен к конкуренции. К этому доклад добавляет следующее: „В этой отрасли промышленности бросается в глаза тот факт, что во время войны ввоз чулочного товара из Германии еще в большем масштабе был заменен импортом из Соединенных Штатов и Японии". Это является доказательством того, что основой конкуренции являются не столь заподозренные приемы немецкого бросового экспорта, но слабость британских фабрикантов! Таким образом, теперь вообще больше, чем когда бы то ни было, Великобритании придется направить свои усилия в сторону улучшения собственного производства. Дело в том, что война, сильно сократившая способность

конкуренции Германии, самого опасного ее соперника, оказалась полезной для заокеанских стран, так как отчасти военные обстоятельства стимулировали тамошнее производство для стран Согласия, отчасти же падение английского вывоза во время войны и повышение морских фрахтов действовали, как могучий покровительственный таможенный тариф на тамошние, еще молодые производства. Приведенный выше пример с выработкой чулок оказался в еще большей степени применим ко всей хлопчатобумажной промышленности, которая встречает теперь на нейтральных рынках усилившуюся конкуренцию Индии, Соединенных Штатов и Японии, сумевших за время с 1914 года значительно расширить свою текстильную промышленность.

Проявляющаяся в обоих, детально обрисованных здесь, основных комплексах промышленности тенденция улучшения качества производства, приведшая к тому, что товары той же ветви отчасти вывозились, отчасти ввозились, распространялась и на другие менее значительные, чем названные до сих пор отрасли промышленности. Так, например, перед войной **цемент** одновременно ввозился и вывозился. Вывозился хороший портландский цемент знаменитых округов на Темзе и Медвае, в Кенте и Эссексе, являющихся месторождениями английской извести. Ввозился так называемый естественный цемент, более дешевый и менее ценный продукт, который по качеству совершенно не мог конкурировать с английским товаром. Также, например, **кабельное производство** (т.-е. выработка всевозможных проводов, кабелей для токов высокого напряжения, телефонных и телеграфных кабелей и т. д.), вследствие совершенно определенных преимуществ английского товара, удовлетворяющего потребностям тропических стран, занимает прочное положение в электротехнической промышленности, другие отрасли которой сильно страдают от иностранной конкуренции. В качестве последнего примера приведем производство **обоев**. В то время, как, с одной стороны, в этой области перед войной существовал оживленный импорт, дорогие обои, наоборот, вывозились. Количественное значение вывоза определяется тем, что, например, в 1908 г. Англия ввезла из Германии 19.000 центнеров обоев, ценой в 37.000 ф. ст., в то время как весь экспорт, равнявшийся 83.000 центнеров, превосходил импорт круглым счетом в четыре раза по количеству и в 6 раз по стоимости.

Однако имеется, или имелся раньше ряд отраслей промышленности, про которые нельзя говорить об относительном или абсолютном процветании на основе приспособления к рынку или удачного преодоления иностранной конкуренции. Сюда относится прежде всего **электротехническая промышленность**, за исключением вышеупомянутого производства кабелей и проводов. Доклад 1918 г. тоже характеризует положение этой крупно-индустриальной отрасли как „очень далекое от благополучия“. Указывается на то, что перед войной все производство этой промышленности в Англии составляло 22,5 милл. ф. ст.; вывоз равнялся 7,5 милл. Соответствующие цифры для Германии равнялись 60 милл. и 15 милл. ф. ст. При этом большинство крупных предприятий электротехнической промышленности Англии находилось под иностранным контролем. В качестве причин указывают на целый ряд обстоятельств, подробное рассмотрение которых здесь завело бы нас слишком далеко, как, например, пре-

пятствия английского законодательства в этой области, техническая отсталость, относительно недостаточная производительность труда в предприятиях, недостаток согласованности между промышленностью и банковским капиталом (как в Германии). Во всяком случае, бросается в глаза то, что в современной Англии непрочны и не рентабельны именно новые отрасли промышленности, в которых играют роль научные и технические усовершенствования.

То же и в **химической промышленности**. Здесь также вывоз Германии ровно в 2 раза превосходил британский вывоз. Иностранная конкуренция давала себя знать не только на нейтральных рынках, но была очень значительна и в самой Англии. С откровенностью, заслуживающей признания, и оставляя все делаемые не по существу нападки на немецкие деловые методы и приемы сбыта, названный официальный доклад 1918 г. объясняет: „Господствующее положение Германии в этих промышленных отраслях и ее достойный внимания успех в последние годы были отчасти обусловлены ее природным преимуществом, ибо она владела важнейшими в мире калийными залежами, но главным образом они об'ясняются упорством и основательностью, с которыми научные знания и исследования соединялись с деловыми способностями для создания этой обширной химической промышленности Германии“.

Во время войны, и отчасти опять-таки благодаря ее специальным требованиям, химическая промышленность в Англии сильно расширилась. Увеличилось производство серной кислоты, побочные продукты коксовальных печей стали оцениваться выше и целый ряд до тех пор специфически германских отраслей, как, напр., фабрикация красок, был введен в английскую промышленность. О результатах пока можно сказать немного. Об успехах производства анилиновых красок не дали благоприятного отзыва ни пользующиеся ими текстильные фабрики, ни потребители. Косвенно, по вопросу о вывозных пошлинах, подлежащих введению в Германии, премьер Ллойд-Джорж, говоря, что Англия обеспечит себе нужные ей германские краски, признал этим необходимость импорта из Германии. Доклад 1918 г. также раз'яснял, что возникшую во время войны химическую промышленность Англии нельзя будет сохранить, когда снова установится свободный ввоз из Германии.

Таким образом, разнообразные выгоды, которые война, благодаря устранению немецкой конкуренции, сулила прежде всего английским фабрикантам, кажутся непрочными и непродолжительными. Тут американская конкуренция, там Япония и Индия заняли места, принадлежавшие перед войной немецкой конкуренции. После войны серьезнейшей заботой английской фабричной промышленности должно было стать именно отвоевание прежнего положения путем сокращения издержек производства, т.-е. восстановление импорта дешевого сырья и полуфабрикатов; между тем тяжелое положение немецкого экспорта и политические и экономические мероприятия его врагов помешали восстановлению той основы, на которой развилась большая часть английской промышленности. Официальный доклад 1918 г., которому мы обязаны ясным пониманием условий британской промышленности, правильно различал в ней перед мировой войной две большие группы: с одной стороны, процветающие старые **стапельные** производства, о которых мы уже говорили здесь, именно добыча угля, текстильная промышленность, отрасли железо-

делательной промышленности, судостроение и, с другой стороны „новые отрасли промышленного производства". В общих чертах в отсталости последних повинны: во-первых, некоторые природные преимущества конкурирующих стран (обладание сырьем), затем также их сравнительно низкая заработная плата, но, в-третьих, главным образом—„их небольшие издержки организованного в широком масштабе производства, основанного на специализации и стандартизации и на изобретательном созидании нового спроса на потребляющих рынках".

Этим затрагивается вопрос об организации английской промышленности и связанных с ней проблемах.

Глава VII.

Организация английской крупной индустрии.

Литература: **Macrosty**, The Trust Movement in British Industry, 1907.—**Chapman and Lord Brassey**, Work and Wages. 1904.—**R. Liefmann**, Kartelle und Trusts, 1920.—**Hermann Levy**, Monopole, Kartelle und Trusts—Tariff Commission, различные опыты.—**Brodnitz**, Betriebskonzentration und Kleinbetrieb in der englischen Industrie. Conrads Jahrbücher, 1909.—**A. Toynbee**, Industrial Revolution in England. 1884.

Развитие крупного производства и крупных предприятий промышленного характера, как и связанное с ним возникновение современных предпринимательских об'единений или трестирование, многократно отмечалось англичанами, как симптом прогресса; приостановка же этого процесса в Англии считалась показателем организационных недостатков.

При этом ссылаются не только на низкие издержки производства больших промышленных предприятий, но прежде всего на возможности целесообразной организации, создаваемые комбинацией многих производств и предприятий в одно законченное промышленное целое. Это прежде всего означает закрытие худших заводов в целях расширения производства на заводах, работающих дешевле, сокращение издержек благодаря об'единенным действиям, создание единой политики производства и сбыта и удешевленной пропаганды, об'емлющей все об'единение, более дешевое снабжение сырьем, благодаря присоединению собственного производства его, и. т, д.

Действительно, поразительно то, что старейшее из современных промышленных государств развивало крупное производство и создавало концерны (с монопольным характером, или без него) гораздо менее интенсивно, чем другие страны. Считалось, что индивидуалистический хозяйственный дух британского предпринимателя, о возникновении которого мы говорили в предыдущих главах, является основанием для этой особенности. Но как ни сильны еще и теперь известные индивидуалистические инстинкты британского предпринимателя, едва ли можно предположить, что он упустил бы действительно удобный случай увеличить доходы об'единением производств и предприятий; мы в самом деле имеем как в новейшей хозяйственной истории Англии, так и в современном ее развитии некоторые вполне естественные примеры таких об'единений.

Что касается концентрации производства, выражающейся в том, что продукция определенной промышленной отрасли ограничивается сокращенным числом придприятий, то для об'яснения ее сравнительно

медленного развития в Англии надо, пожалуй, выдвинуть причину, указанную в часто цитировавшемся тут докладе особого комитета: это то, что конкурирующие промышленности других стран моложе и потому могли сразу начать с крупно-производственной формы, тогда как уже многие годы существующие английские производства сначала приспособлялись перестройками и пристройками и потому, конечно, гораздо более медленным темпом применялись к успехам техники. Далее нужно отметить, что именно специализация многих отраслей английской промышленности, вызванная иностранной конкуренцией, и их развитие в сторону улучшения качества фабрикатов противодействовали возникновению менее утонченных крупных предприятий; последние, естественно, возникали в чистом виде чаще всего там, где возможно было массовое производство, в особенности на начальных стадиях его: это доказывается опытом Соединенных Штатов, ставших, благодаря стандартизации производства, при сравнительно мало развитой выработке высоких сортов, типичной страной крупной промышленности.

В английской текстильной промышленности особенно проявляется еще и теперь дробление производства. При всяком повышении коньюнктуры сообщается о возникновении новых фабрик, которые при обратном движении коньюнктуры увеличивают перепроизводство. В своей монографии 1907 г. **Клафам** (Clapham) сообщает относительно организации шерстяной промышленности, что в ней даже часто встречаются фабрики, принадлежащие нескольким фабрикантам, и фирмы, начинающие с маленькими средствами. Мелкий предприниматель снимает несколько помещений или же один этаж на шерсто-прядильной фабрике. Часто можно найти в одном ткацком производстве станки, принадлежащие двум различным предпринимателям и приводимые в движение машинами, не принадлежащими ни одному из них. В шерстопрядильнях также преобладает еще старое семейное предприятие среднего об'ема. Здесь вообще лишь в последнее время основаны акционерные общества более крупного масштаба. Когда в 1906 году состоялось собрание деятелей шерстопрядилен только лишь Брадфордского округа для обсуждения организационных дел, на него явилось 106 одних только представителей шерстопрядильных фирм.

Но неправильно было бы считать, что движение в сторону концентрации производства еще не началось в Англии. Только пределы, в которых оно развивается, и размеры его меньше, чем, например, в Северной Америке или Германии. Приведем несколько примеров английской концентрации производства. Так, производство чугуна в 1865 г. составляло около 6,3 милл. тонн и распределялось между 629 предприятиями. В 1913 году было выплавлено 10,2 милл. тонн чугуна, однако всего в 338 доменных печах. Производство белой жести в Англии было в 80-х годах приблизительно такое же, как в 1906 году, именно около 650.000 тонн. Число заводов, напротив, уменьшилось с 96 до 74, число так называемых mills, т.-е. технических производств (цехов), которых каждый завод имеет несколько, упало с 524 в 1891 г. до 453 в 1906 г. В английской бумажной промышленности производство поднялось с 43.000 тонн в 1841 г. до 773.000 в 1903 г., число же предприятий уменьшилось с 500 до 282.

Следовательно, сама по себе концентрация производства шла в различных отраслях и английской промышленности, но она наблю-

дается только в единичных случаях и протекает со сравнительно малой интенсивностью, сказывающейся в том, что в концентрированных отраслях промышленности все еще имеется множество отдельных предприятий; поэтому **комбинация** производств — это второе проявление современного индустриального капитализма—развивалась слабее, чем в других странах. Надо принять во внимание, что, например, число имеющихся в предприятиях доменных печей составляло в Германии в 1913 г. 313, при производстве в 16,7 милл тонн, в то время как в Англии в 1907 г. в 369 доменных печах было выплавлено 10 милл. тонн.

Чтобы понять, насколько многочисленность производств и предприятий препятствует комбинированию их, надо только вспомнить, что ради описанного выше сокращения организационных и хозяйственных расходов к ней приступают в общем только во вторую очередь. Оба рода комбинаций производств, **горизонтальная**, соединяющая в одно предприятие однородные производства, как и **вертикальная**, сливающая в одном предприятии различные стадии производства одного конечного фабриката, основываются на возможном создании монополии. Желание достигнуть об'единением производств монопольного влияния на цены и являлось всегда решающим в образовании таких концернов. Оно сказывалось как в том, что просто надеялись слиянием в одно целое как можно большего числа производств монополизировать какую-либо отрасль промышленности, так и в том, что надеялись ограничить возможность конкуренции со стороны новых предприятий и этим также контролировать цены фабрикатов путем присоединения к фабрикам, производства сырья, которое поддавалось монополизации.

То, что многочисленность предприятий сама по себе препятствует монополизации, понятно без раз'яснений. Такой случай мы имеем в английской **каменноугольной** промышленности. Особенность заключается здесь в том, что с XVIII в. до 40-х годов XIX в. существовала своеобразная монопольная организация, которая всем своим соглашением и даже в отдельных его параграфах вполне походила на новейшие договоры промышленных картелей. Однако эта монопольная организация английского горного дела, называемая „Limitation of Vend“ (ограничение сбыта), основывалась на совершенно особых обстоятельствах, именно на монопольном положении, которым долгое время—до появления железных дорог—пользовался для своего сбыта северный английский уголь, перевозившийся каботажным путем в Лондон и его окрестности. В целях использования этого положения шахтовладельцы округов Ньюкэстля, Сэндерленда и Стоктона об'единились для определения размеров сбыта и производства, в то время как особая организация угольной торговли в Лондоне, работавшая в тесном единении с картелем, заботилась о сохранении высоких цен на рынке. Эта, предупредившая современные картели, организация распалась, когда усовершенствование и удешевление техники сообщения сделали возможным подвоз угля из различных рудничных округов в Лондон и другие места. Этому соответствует и теперешнее положение. Залежи угля распространены по всей Англии, и хотя английский уголь, как таковой, пользуется монополией на отечественном рынке и может не бояться иностранного ввоза, монопольное использование этого положения было в новейшее время невозможно. Прежде всего было бы необыкновенно

трудно согласовать при помощи картеля интересы стольких рудничных округов, как округа Ньюкэстля и Дэрхама, Иоркшайра и Линкольншайра, Уэллса и Лэнкашайра, Шотландии и Страффордшайра и где бы еще ни добывался в Англии уголь. Основанием для этого мог бы служить только единый округ добычи. Во-вторых, этому препятствует самое число рудников. Когда известный **Джорж Эллиот** излагал в 1893 г. в „Times'е“ вызвавший тогда интерес план трестирования английских рудников, выяснилось, что пришлось бы слить приблизительно 3400 отдельных рудников, что, конечно, было невозможно. И теперь еще, как недавно показал **Манрости**, концентрация английской каменноугольной промышленности мало подвинулась вперед. Поэтому возможность об'единения в этой области пока отпадает.

Между тем именно картелирование или трестирование отраслей, производящих сырье, многократно создавало в Германии и Америке вертикальные комбинации в крупной индустрии; перерабатывающие же отрасли промышленности бывали вынуждены сами стать производителями своего сырья и полуфабрикатов, или вынуждались к этому трестами последних, чтобы избежать полного подчинения требованиям поставщиков сырья. Благодаря духу свободной конкуренции, английская каменноугольная промышленность избежала монополизации, которая в других странах находила в этой отрасли самое широкое применение.

Вторая важная отрасль производства сырья, **добыча железной руды**, была также недоступна для монопольной организации, как путем горизонтальной комбинации производства, так и путем вертикальной—включением в „смешанные комбинаты“. Для первой здесь a priori не было, в противоположность каменноугольной промышленности, никакой возможности монополизации, так как английская железорудная промышленность испытывает все увеличивающуюся конкуренцию испанской и шведской руды. Впрочем, уже в начале нового столетия можно было констатировать, что многие большие железоделательные и сталелитейные заводы имеют собственные железные рудники. Но ни в Клевелэндском округе, ни где-либо в другом месте это явление не развилось даже приблизительно так, как в Германии или Америке. Известный издатель специального журнала „Iron and Coal Trades Review“ мог заявить еще в 1903 г., что „большинство производителей чугуна принуждены покупать все свои материалы“. Подобное же явление мы находим в упомянутом уже производстве уэллской белой жести. Здесь тоже шансы „чистого“ производства белой жести, покупающего болванки, вместо того, чтобы самому вырабатывать их, были перед мировой войной не хуже, чем они могли бы быть у смешанного производства, которому собственная выработка, может быть, помешала бы закупать дешевый иностранный материал. Ясно, что возможность добыть дешевые полуфабрикаты, не обладая собственным сырьем, помогает сохранить меньший размер предприятия, чем это могло бы быть в противном случае. Нужно обратить внимание на то, что процесс слияния предприятий исходил не только от производств готовых фабрикатов, но что, наоборот, в странах с монополизируемым сырьем монопольное обладание им вызывало соединение перерабатывающих заводов в общие концерны, сначала сплошь и рядом в борьбе с монополией на сырье, потом же для постоянного совместного использования последней.

Разнообразнейшие обстоятельства содействовали, таким образом, замедлению концентрации и комбинации производств железной и стальной индустрии, которая именно представляет собой столь важную область новейшего крупного производства и крупных предприятий. В **текстильной** же промышленности абсолютно невозможна монополизация сырья, так как хлопок, шерсть, лен и т. д. поставляются мировым рынком в любых количествах и о монопольном ограничении их поставки каким бы то ни было крупным концерном здесь совершенно не может быть речи. То обстоятельство, что все же именно в данной области в Англии, как еще будет показано, часто происходило слияние предприятий, доказывает только, что монополизация сырья является лишь одним из условий, содействующих новейшей концентрации предприятий. Однако отсутствие в Англии этого условия имело большое значение для дальнейшего увеличения размеров производства и предприятий. Кратко можно сказать, что свободная торговля препятствовала развитию концентрации, а вместе с тем трестированию и картелированию, тем, что, во-первых, благодаря свободному доступу к мировому рынку, она исключала в целом ряде промышленных отраслей возможность монопольного установления цен; во-вторых, она делала излишней или менее необходимой вертикальную комбинацию производств, именно вследствие этого облегчения ввоза заграничного сырья и полуфабрикатов (вспомним также, что говорилось выше об английском судостроительстве); этим свободная торговля непосредственно противодействовала процессу слияния производств.

Явное противодействие, оказанное системой свободной торговли монопольной организации английской промышленности, долгое время заставляло считать Англию страной, не имеющей картелей и трестов. На основании этого свободная торговля многократно рекомендовалась в Германии, например, бывшим министром д-ром **Готхейном**, как единственное средство борьбы с образованием монополий в крупной индустрии. Этот взгляд был необоснован и опрометчив. В Англии тоже имеются картели и тресты, ибо там, как мы мимоходом указали, существовал уже в первой половине XIX века прототип новейшего угольного картеля. Ошибка теоретического воззрения, долгое время не усматривавшего возможности действенного образования в Англии монополии, заключается в том, что таможенное покровительство никоим образом не является единственной предпосылкой монопольного положения какой-либо отрасли промышленности. С другой стороны, защита от иностранной конкуренциии может—однако не всегда—содействовать монополизации внутреннего рынка. Например, английская каменноугольная промышленность, несмотря на естественное покровительство фрахтов, которым она пользуется и которое могло бы сделать понятным образование монополии на внешних рынках, не имеет картелей, так как нет для этого других предпосылок, как, напр., относительно малое число предприятий и сосредоточение производства в определенном округе; с другой стороны, имеются промышленные отрасли, в которых оказалась возможной монополия внутри страны и без таможенного покровительства.

Сюда относится прежде всего **текстильная** промышленность, во многих отраслях которой Англия до сегодняшнего дня может не бояться конкуренции. В ней также существовал соблазн монопольного

влияния на цены. Известнейший трест в английской текстильной промышленности представлен всемирно-известной фирмой швейных ниток J. and P. Coats. В нем проявляется типичный процесс развития от горизонтальной комбинации производств к окончательной монопольной организации. В виде отдельного предприятия эта фирма так развилась с 1826 до 1890 г., что ее акционерный капитал уже в то время равнялся $5^3/_4$ милл. ф. Четыре других фирмы, также с большим производством, об'единились с этой фирмой в 1895/96 г. г., после того как они уже задолго до того составляли с фирмой Coats синдикат. В 1897 г. 20 меньших фирм, не вошедших в этот концерн, об'единились в Sewing Cotton Company, в которой все же Coats скоро принял решающее участие. Он участвовал также в американском тресте швейных ниток. Так возник английский нитяной трест интернационального характера, ибо не только в Америке, но и в Испании, Канаде, России и других странах он имел и имеет значительные филиальные производства.

Из других трестов английской текстильной промышленности назовем: прежде всего Cotton Spinners and Doublers Association, об'единение прядильщиков тонкой бумаги и сучильщиков, которое возникло в 1898 г. в результате слияния 31 предприятия и после последующих присоединений владеет почти всем производством Великобритании в этой отрасли. В нем соединились две предпосылки монопольной организации: а) обеспеченность от иностранной конкуренции, которая, как гласило в проспекте этого могучего предприятия, должна быть приписана, во-первых, „климатическим преимуществам Великобритании", во-вторых—„большому опыту и необыкновенной тщательности, которые требуются для прядения и сучения тончайших номеров, так что оно может производиться только там, где рабочие ловки и даже тренированы"; в) вторым моментом, облегчившим образование монополий, была здесь относительно развитая концентрация производства, способствовавшая об'единению. В отношении беления преимущество об'единившихся заводов в окрестностях Манчестера заключалось в трудности для вновь возникающих предприятий обеспечить себе соответствующее снабжение водой, так что уже наличные заводы имели монопольное преимущество, между тем как самое беление было тесно связано с местом крашения. В Брэдфордском красильном деле важнейшие фирмы, владевшие 90% всей продукции, также об'единились в могущественный союз. Основание треста красильщиков бумаги и шерсти, окрашивающих, однако, только пряжу (а не материи) для всевозможных производств, было менее плодотворно, чем вышеназванные предприятия. Напротив, ситценабивной трест, возникший благодаря значительной концентрации производства, занимает важное монопольное положение в английской текстильной промышленности. Во всех текстильных трестах интересно то, что они имеют в виду только производство готовых фабрикатов и тончайших сортов, которые принято считать непригодными для образования монополий, вследствие их сильной дифференциации и качественных особенностей. В германской текстильной промышленности действительно было довольно мало развито трестирование и картелирование. Английский пример показывает, что и в этой области неуместны обобщения. Английская текстильная промышленность зависит в производстве своих дорогих фабрикатов от наличности класса рабочих, тренированных многими десятилетиями, которых

„новые“ конкуренты не могут так просто себе создать; далее, отдельные фабрики занимают вследствие особой известности их продукции господствующее положение; это препятствует здесь—независимо от местных предпосылок—умножению предприятий, которые обычно встречаются чаще всего на стадии добычи сырья, т.-е. на противоположном к фабрикации полюсе.

Все же мы находим отдельные монопольные организации и на первоначальной стадии производства, именно **соляной трест**, Salt Union, основанный уже в 1888 г. 64-мя фирмами, представлявшими 90% всей продукции. Тут также дело касается отрасли, в которой внутри страны свободно от конкуренции господствует английское производство, так что о ввозе не может быть и речи, в то время как вывоз составлял до 1914 года свыше 500.000 тонн в год. Связь соледобывающей и солеваренной промышленности, имеющих разнообразные средства сообщения и сооружения, собственные пароходы, лодки, пристани, набережные, локомотивы, колеи и вагоны и т. д., создала отдельным „смешанным“ производствам доминирующее положение, ускорившее трестирование. Так возникла здесь могущественная монопольная организация.

Если следовать методам английского исследователя трестов **Макрости**, то пришлось бы описывать огромное число союзов и об'единений, которые хотя, может быть, и содержат зерно монопольного развития, однако еще далеки от трестов или картелей. Если же ограничиться поэтому теми промышленными организациями, которые действительно носят монопольный характер, то придется назвать лишь немногие. Таковы известные об'единения в английской стальной промышленности, в тех отраслях ее, производство которых было не так сильно стеснено иностранной конкуренцией, чтобы монопольная политика цен была заранее исключена. Так, например, при своеобразных обстоятельствах возник синдикат производителей корабельного железа, хотя мы уже раньше установили, что его ввозят в Англию из-за границы. Синдикат создал соглашение о сбыте между северными английскими и шотландскими промышленниками в целях лучшего использования как известных отечественных, так и некоторых иностранных рынков, на которых сбыт английского и шотландского корабельного и котельного железа представлял особые условия. Далее,—об'единение для сбыта оцинкованного листового железа и создавшееся в 1906 г. после сокращения немецкого бросового экспорта, впрочем, недолго существовавшее, об'единение заводов металлических болванок для снабжения производителей белой жести. Затем, перед войной существовали картель технического спирта, обойный трест, кабельный картель, основанный благодаря указанному выше особому превосходству британских кабелей, локомотивный трест, об'единивший очень немногие доминирующие заводы и трест виски, монополия которого покоилась на своеобразном специальном качестве британского продукта.

Рядом с этими чисто-английскими монопольными организациями стоят, однако, еще некоторые, в которых отсутствие конкуренции на британском рынке обеспечивается не превосходством британских продуктов, но **международными соглашениями**. Это условие международной связи цен и сбыта составляет одну из возможностей создать в стране свободной торговли „защиту“ против иностранной конкуренции. Конечно, и этот род монопольной организации связан

с предшествующим концентрационным движением в соответствующих отраслях английской промышленности.

Перед войной речь шла главным образом о трех больших международных монопольных союзах, в которых Англия играла решающую роль. Производство **железнодорожных рельс** было с самого начала сравнительно сильно концентрировано, правда, не так сильно, как в Соединенных Штатах, где, примерно, пять гигантских предприятий производили в начале нового столетия в три раза больше рельс, чем вся Великобритания, но все же в 1906 г. Англия имела только 9 фирм в этой отрасли железной промышленности. Международные соглашения восходят уже к 80-м годам. Были некоторые перерывы, но все же эти соглашения продолжали заключаться, так как заинтересованность фабрикантов в единой политике цен была сильнее национально-экономических противоречий. В последнее время применялось мировое **районирование сбыта**, т.-е. распределение его между различными производящими государствами, при чем сбыт на отечественном рынке предоставлялся собственным заводам.

Вторым из международных об'единений, в котором участвует британская промышленность, был **содовый трест**. Он восходит к основанию United Alkali Company,—об'единению всех заводов, применяющих в производстве так называемый процесс Le Blanc. Этому тресту, владевшему в 1890 г. почти всем производством, все больше угрожал рост содовой промышленности других стран, в особенности значительно более дешевое производство аммиачным способом. Он старался завязать сношения с континентальными производителями, тем более, что они, со своей стороны, поддерживали в Англии связь с главным производителем соды аммиачным способом, известной фирмой Brunner, Mond and Co. С 1906 г. возникло прочное соглашение заинтересованных международных фирм.

Наконец, последняя международно-британская монопольная организация—**табачный трест.** Ядро его образует крупное английское предприятие Imperial Tobakko Company, дающее 50% всей английской продукции. Его могущество на английском рынке возникло потому, что необходимость применения в табачном производстве машин, сберегающих труд, быстро и сильно возрастала (как показывает и процесс, происходивший в Америке; ср. Report on Tobacco Industry, Вашингтон, 1909), что имело последствием значительное увеличение продукции каждого предприятия. Это делало необходимым массовый сбыт, который опять-таки требовал широкой рекламы, что в совокупности создавало условия, в конечном итоге выражавшиеся во все большей потребности отдельных предприятий в капиталах. К этому прибавилось то, что американцы устроили в местах производства сырья собственные закупочные общества, чему стало подражать названное английское крупное предприятие, основавшее такое же общество в Кентукки. Этим устранялось посредничество, удорожающее производство, и увеличивалось влияние на фермеров в установлении цен сырого табака. Вследствие этого английский трест получил громадное преимущество перед остальными конкурентами внутри страны и перед только еще возникающими фирмами. Но все же существовало еще соревнование между ним и американским трестом, гораздо более опасное, чем с другими крупными британскими фирмами. Существовало стремление к об'единению обоих трестов, которое осуществилось в 1902 г. после горячей

борьбы, при чем, уже вошедши в него, американцы пробовали привлечь к своему собственному тресту, American Tobacco Company, английские фирмы, не вошедшие в Imperial Company. Оба треста условились о разграничении областей сбыта и образовали затем новую общую организацию British-American Tobacco Company, которая должна была основать филиальные тресты в больших экспортирующих странах, прежде всего в Австралии, Канаде и Южной Африке. Можно признать, что развитие международных трестов, в которых участвует британский предприниматель, представляет собой очень разнообразную картину; однако все же оно исходит из двух предпосылок, именно—концентрации внутри страны и защиты от иностранной конкуренции, как бы ни были различны в отдельных случаях побудительные причины для обоих этих решающих факторов.

Сфера монопольной деятельности английских картелей и трестов, т.-е. в первую очередь их **политика цен**, естественно более ограничена, чем там, где господствуют покровительственные пошлины. В странах покровительственных пошлин простая формула этой политики такова: удержание цен по возможности на уровне, который определяется формулой: „цена мирового рынка + пошлина + фрахт“. В Англии монопольная политика цен ограничена потому, что относительно тех продуктов британского производства, слишком высокая цена которых может вызвать иностранную конкуренцию, приходится удовлетворяться небольшой разницей между более низкими внутренними ценами и более высокими заграничными. В отношении цен стараются (это можно легко доказать применительно ко многим из названных об'единений) поднять цены внутреннего рынка до уровня более высоких заграничных цен, путем исключения конкуренции. Понятно, что часто это бывает опасная игра. Нередко повышенная цена внутреннего рынка содействовала ввозу из заграницы более дешевых суррогатов, как, например, при слишком высоких ценах на портландский цемент иностранный естественный цемент немедленно оказывал усиленное давление на английский рынок. Там, где почти исключена иностранная конкуренция, предел вздуванию цен ставит, как почти при всех монополиях, ограниченность внутреннего потребления. Так как, в противоположность Америке и Германии, в Англии при трестировании речь идет в большинстве случаев только о высокоценных фабрикатах, то, естественно, эластичность потребления там более чувствительна, чем в других странах, и потому больше опасность сильного падения потребления вследствие высоких цен.

Но если сфера регулирования цен ограничена для них больше, чем где бы то ни было, то все же британские предприниматели использовали все монопольные возможности совершенно также, как картели или тресты Америки или континента. Мы имеем у них тоже случаи так называемого бросового экспорта или дэмпинга. В специальных изданиях железной и стальной индустрии долгое время в их спецификациях вполне официально противопоставлялись „шотландские внутренние цены“ и „шотландские заграничные цены“ для корабельного и котельного железа, т.-е. здесь имелся совершенно явный дэмпинг. Если спросить себя, как это могло происходить в стране свободной торговли, благодаря которой был просто возможен обратный ввоз дешевле проданного за границу товара, то

об'яснение этого явления мы найдем в том, что обратный фрахт защищал отечественные рынки от обратного ввоза из очень дальних областей сбыта (например, Ост-Индия, Япония, Канада). Соглашение северо-английских и шютландских предпринимателей и должно было теперь использовать это положение.

Можно сказать, что крупно-индустриальная организация в Англии приспособилась к торгово-политическим условиям и ко всему развитию английской промышленности в сторону **крупного производства, импортирующего сырье и полуфабрикаты и вырабатывающего фабрикаты тончайших сортов**. Эти обстоятельства обусловливали в первую очередь ограничение современной монопольной организации. Поэтому ошибочно и поверхностно мнение, согласно которому тресты и картели являются знаком прогресса других стран, а их отсутствие в Англии—следствием недостатка предприимчивости и проницательности. Вызванные к жизни совершенно иными причинами, именно стремлением удержать высокие цены и увеличить прибыль, тресты несомненно сохранили в Америке и Германии свое значение для экономической реорганизации целых отраслей промышленности. Из зла, когда на него наложили необходимые оковы, получилась польза. Но было бы прямым непониманием структуры английского народного хозяйства требовать от него таких организационных форм, для которых в нем нет соответствующих предпосылок. То же происходило, например, во время необузданной боязни Америки и скороспелого преклонения перед американскими методами, когда ввозили из Соединенных Штатов необычайно мощные локомотивы и заставляли их работать в Англии. Так как английские пути сообщения с их короткими расстояниями, их сравнительно небольшой нагрузкой отдельных, сильно разветвляющихся дорог, делают невозможным рациональное использование этих локомотивов, то последние уже давно отправлены обратно и в Англии больше никогда уже не пытались их применять.

В этой главе мы рассмотрели целый ряд промышленных отраслей и отдельных производств. В целом получается картина могучей промышленной державы, которая, по крайней мере в сравнительном освещении, кажется, уже перешагнула свой зенит, будь то вследствие ее более медленного роста по сравнению с молодыми промышленными странами, будь то вследствие особенностей ее собственного исторического развития. Ее торговля, судоходство и кредитный оборот всегда имеют, при всей их переплетенности с мировым хозяйством, своим важнейшим опорным пунктом отечественную промышленность. И также теперь, после мировой войны и столь огромного для Англии приращения земель, людей, колоний, путей сообщения и торгового влияния, на первом плане для нее должна стоять забота о сохранении промышленности и ценных особенностей рабочего класса, которые в значительной степени не выработаны еще другими странами, а по многим причинам и не могут быть целиком перенесены к ним.

Но и стоящая теперь на последнем, а раньше стоявшая на первом месте, не упоминавшаяся еще отрасль английского производства, сельское хозяйство, заслуживает обстоятельной оценки; это—не потому, что его продукция, выраженная в фунтах и шиллингах, значительно способствует ежегодному приросту английского национального богатства, так как этот, создаваемый им прирост

незначителен по сравнению с ролью британской торговли, средств сообщения и промышленности, а потому, что по своему общему политико-экономическому и социологическому значению сельское хозяйство сохранило тесную связь с основами английского народного хозяйства.

ОТДЕЛ IV.

Развитие сельского хозяйства и его проблемы.

Глава VIII.

Английское сельское хозяйство в XIX в. и в настоящее время.

Литература: **Hermann Levy**, Entstehung und Rückgang des landwirtschaftlichen Grossbetriebes in England 1904 (Английское дополненное издание). Large and Small Farms 1910).—**Hasbach**, Die englischen Landarbeiter. 1894.—**Prothero**, The Pioners etc.—Tooke und Newmarch, Geschichte der Preise.—**A. Thaer**, Einleitung zur Kenntniss der englischen Landwirtschaft, 1801. —**J. Caird**, English Agrieculture in 1850—1851, 1852.—**Caird**, The landed Interest 1878.—Repert of the Royal Commission on Agriculture 1894.—Различные отчеты правительственных Агрикультурных Рапортов. **Stillich.** Die englische Agrarkrisis, 1899.—**Channing**, The Truth about agricultural Depression, 1897.

Хотя ныне только около 22% населения английских островов являются сельскими жителями, англичане больше других обитателей больших городов и пригородов связаны с деревней, с „country". Она кажется им несравнимым идеалом красивого и счастливого прибежища, отдыха от городской и коммерческой суеты, преданности традициям „веселой старой Англии" („merry old England"). Поэтому, несмотря на все увеличившееся в течение XIX в. коммерческое и промышленное преобладание Англии, всевозможные сельскохозяйственные проблемы, как, напр., вопрос о сельскохозяйственных рабочих и о внутренней колонизации, вопрос о размерах производства, занимали большое место в политических и экономических дискуссиях внутри и вне английского парламента; занимаемое ими место, поскольку оно выражается только в цифрах, значительно превышало значение английского сельского хозяйства среди других источников дохода.

Этот национальный, почти консервативный интерес ко всему, что касается событий сельской жизни и ее течения, основывается не в последней степени на достославной истории английского сельского хозяйства; оно вызывало еще в начале XIX в. удивление и зависть всех континентальных государств и побудило старого знатока немецкого сельского хозяйства и агрономии, **Альбрехта Тер**, посвятить сельскому хозяйству Англии, как образцу, не только свой основной многотомный труд но и различные отдельные сочинения.

Этот сельскохозяйственный расцвет относится ко времени расширения крупного земледелия с конца XVIII в. В особенности надо отметить улучшение системы обработки земель, введение, вместо трехпольного, плодосменного хозяйства с возможным сокращением пара, расширение засева кормовой репы (норфолькская

плодосменная система), замена простых пастбищ усовершенствованным луговым хозяйством, применение новых орудий и даже машин, возникновение современной осушки, получившей такое решающее значение для влажной английской почвы, и усовершенствование приемов удобрения. Важнейшее свидетельство аграрных успехов той эпохи дает, хотя еще примитивная, агрономия тех времен, известная главным образом по именам Артура Юнга (Arthur Joung), Маршалла (Marshall) и Синклера (Sinclair), а равно и многочисленные статьи в основанных тогда „Анналах сельского хозяйства" и отдельные описания сельскохозяйственных отношений каждого графства (Rural Economy).

Эта эпоха известным образом заканчивается наступлением эры мало благоприятных для сельского хозяйства высоких хлебных пошлин. Только после 1846 г. отмечается новый, второй период под'ема. Он обусловливается прежде всего абсолютной необходимостью развить интенсивное постбищное и скотоводческое хозяйство наряду с хлебопашеством, считавшимся прежде обеспеченным от иностранной конкуренции, с которой оно должно было теперь бороться; вместе с тем этот под'ем обусловливался необходимостью закрепить оказавшуюся под угрозой рентабельность хлебной запашки увеличением производительности и сокращением расходов. В это время возникает настоящее научно поставленное сельское хозяйство. Этому содействовало основание Королевского Селькохозяйственого Общества (Royal Agriculturae Society), существующего и теперь и возникновение которого связано с именами Лауса (Lawes), Пэзея (Pusey), Фелькера (Voelker) и Либига (Liebig). Обработка земли на основе научного анализа качеств почвы, учреждение опытных и показательных хозяйств, введение в больших имениях парового плуга, широкое распространение осушения, на которое было затрачено между 1841 и 1878 гг. около 10 милл. ф. ст., составляют этапы мелиораций и других успехов той эпохи.

Когда в середине 70-х годов началось падение цен на зерновые хлеба всех видов, угрожавшее уже с 1846 г., но в действительности задержанное сравнительной высотой цен на мировом рынке, а позднее появился ввоз мороженого мяса и дешевых заокеанских молочных продуктов, то для английского сельского хозяйства начался период кризисов, достигших своей высшей точки в 80-х г. и к середине 90-х годов. Многочисленные синие книги, выводы обширнейших комиссий для исследования и показания экспортов свидетельствуют об этом процессе. Вся существовавшая до тех пор структура английского сельского хозяйства, если бы она не сумела приспособиться к изменившимся ценам и условиям сбыта, стояла перед катастрафой. Вместе с тем воспоминания об экономическом, финансовом и социальном влиянии эры покровительственных пошлин, отделенной от того времени лишь 35 годами, воспоминание о могучей народной борьбе против них, были еще слишком свежи, чтобы дать земледельцам надежду на помощь путем изменения торгово-политической системы.

Сильное падение цен на пшеницу отразилось прежде всего на тех землях, которые были взяты в обработку при совершенно ином уровне цен. Надо было превратить опять часть пахотных земель в пастбища, т.-е. в то, чем они были в значительной части в начале столетия, так как рентабельность скотоводства упала, понятно,

не так сильно, как земледелия. Но скоро оправдалось позднейшее крылатое слово: „Break a pasture, makes a man, make a pasture, breaks a man" (запахать луг значит обогатить человека, а превратить пашню в луг значит разорить человека). Было гораздо проще вспахать пастбища, чем запустить под пастбища пахатную землю. При всем том, этот процесс развился очень быстро, хотя вся площадь обрабатываемой в Великобритании земли с начала 80-х годов до об'явления войны уменьшилась лишь очень незначительно. Она равнялась в 1882 г. 32,3 милл. акров (один акр=0,45 гектара), а в 1913 г.—31,9 милл. акров, что не составляет значительной разницы. Но зато площадь под пшеницей сократилась с 3 до 1,7 милл. акров; посевы ячменя, репы и бобов—приблизительно в такой же мере, в то время как обработка земли под овес и картофель осталась почти та же, а луга выросли с 14,8 милл. акров до 17,5 милл. акров в 1913 г. Далее, при соответственном снижении общего урожая хлебных злаков, скотоводство показывало скорее цифровой прирост, чем убавку, за исключением, впрочем, овец, в отношении которых решающее значение имело опять-таки падение спроса на шерсть собственного производства. Но надо соблюдать осторожность при попытках определить изменения английской сельскохозяйственной продукции последних четырех десятилетий на основании голых цифр. Последние не выражают изменений в расценке продуктов, которые именно определяют и теперь еще общее положение сельскохозяйственной Англии.

Общая тенденция английского сельского хозяйства характеризуется со времени большого поворота в 70-х годах переходом от обыкновенных к более тонким продуктам, который образует параллель к развитию промышленности, хотя в последней он сказался позднее. Падение цен на зерно и на хлеб, удешевление ввоза обыкновенного мяса и заграничного предметов пищевой промышленности (позднее еще и маргарина и других растительных жиров, употребляемых в пищу), при растущей одновременно заработной плате, увеличило покупательную способность масс по отношению к тем продуктам питания, которые считались раньше роскошью. По мере того как становилось доступнее потребление дешевого мяса и оно в общем увеличивалось, рынок привык к хорошим и самым дорогим сортам и в этой области английское скотоводство могло не бояться иностранной конкуренции. Поэтому сравнительные цифры количества скота, как ни благоприятны они для общего суждения о развитии английского сельского хозяйства, ни в коем случае не являются исчерпывающими. Дело в том, что ценность каждого отдельного животного повышалась вследствие длительного улучшения качеств скота, в данном случае особенно благодаря увеличению среднего живого веса, так что каждое из подсчитываемых ежегодно животных дает теперь больше мяса, чем 40 лет тому назад. Английское же мясо все еще считается в Англии лучшим. К этому надо прибавить еще то, что англичане усиленно развивали особую отрасль скотоводства, в отношении которой они господствовали не только в области внутреннего сбыта, но и на иностранных рынках: это—**племенной скот**. В начале XX в. его вывозилось на сумму около 15 милл. марок в год.

То, что относится к скотоводству, применимо и к другим отраслям сельскохозяйственного производства. Английские сельские хозяева старались везде приспособиться к изменившимся условиям

мирового рынка и к их влиянию на образование цен. Где производство масла оказывалось больше не рентабельным,—а это ни в коем случае не охватывало всех молочных хозяйств!—там переходили к продаже свежего молока и сливок, улучшали производство сыра, обращались к разведению овощей и фруктов в особых хозяйствах, которых руководителем являются так называемые „Market Gardeners" (рыночные садоводы). Целые колонии таких мелких сельских хозяйств возникли вблизи больших промышленных центров. Вносимая ими арендная плата в 10—18 ф. ст. в год за акр была часто от 5 до 10-ти раз больше платы за обыкновенную землю. Расцвели оранжерейные и тепличные культуры. Большие **фруктовые сады**, в особенности тонких сортов и десертных фруктов, быстро увеличивались, так что площадь под ягодными кустами почти удвоилась с 1886 по 1902 г. Здесь, впрочем, цифры роста также неправильны, так как введение улучшенных сортов, более внимательный уход за растениями и деревьями и лучшее обхождение с ними значительно подняли как их урожай на акр, так и их качество. **Птицеводство**, по сведениям знатоков, также значительно выросло, а за последние годы прошлого столетия оно даже удвоилось, и это несмотря на то, что импорт яиц из юго-восточных стран Европы (напр., Галиции) тоже увеличивался в течение продолжительного времени. Но „свежее" яйцо находилось в Англии до известной степени „под покровительством" и, как в отношении других отраслей производства, так и здесь, с ростом потребления и постоянным удешевлением ввозимых сортов продуктов, увеличивался спрос на лучший товар.

Качественная дифференциация английской сельскохозяйственной продукции придала отдельным графствам Англии характерный сельскохозяйственный отпечаток: в то время, как, с одной стороны, все еще сохраняется старое деление на собственно земледельческие графства востока и северо-востока и типичные пастбищные графства на западе и в Уэллсе, которые, само собой понятно, гораздо меньше страдали от кризисов, чем чисто земледельческие области, как, например, Норфолк, Линколншайр или Эссекс, с другой стороны, именно преимущественно страдавшие от этого графства создали себе особую славу и положение благодаря быстрому переходу к более рентабельным производствам. Так, Кент знаменит теперь своим фруктоводством и огородничеством,—впрочем, он всегда был хмелеводческим графством!—в то время как Эссекс стал известен в качестве скотоводческой области, в отдельных частях Линколншайра (Isle of Axholme) процветало усиленное разведение сельдерея, а старые графства с преобладающими молочными хозяйствами на богатом лугами западе, Кумберлэнд, Дорсетшайр и Девоншайр, сумели увеличить свою славу, поскольку увеличивался спрос специально на их продукты. Довонширский cream (сливки) стал до известной степени такой же „маркой", как честерский сыр или йоркширская ветчина. Сельскохозяйственные продукты, производство которых рассматривалось в 70-х годах как quantité négligeable в сравнении с господствовавшим еще хлебопашеством и на которые старые английские сельские хозяева смотрели с презрением, стали через несколько десятилетий играть в сельском хозяйстве Англии главную роль. Земледелие же стало часто лишь придатком скотоводства в „смешанном" производстве и служило своей плодосменной системой в первую очередь для снабжения скота кормом.

Этот переход к высокоценным производствам, понятно, нелегко достался английским сельским хозяевам. Если англичанин уже сам по себе консервативен, то сюда прибавились еще традиционный способ мышления и хозяйственность сельского происхождения. Поэтому городские элементы, переселявшиеся обратно в деревню, часто достигали большего успеха, чем старый дворянин-помещик („gentleman farmer"). В тяжелые времена победителями вышли прежде всего не те сельские хозяева, которые считали себя gentleman'ами и предавались на ряду с сельским хозяйством удовольствиям спорта и охоты, в то время, как у них уже уходила из-под ног привычная основа довольно широкой жизни; но победили, так называемые „Working Farmers", крестьяне—сельские хозяева, т.-е. арендаторы с крестьянским отпечатком, которым сыновья и дочери деятельно помогали в работе, вместо того, чтобы отправляться в ближайший город или упражняться в фортепьянной или теннисной игре. Там, где были такие работящие сельские хозяева, не падала и рентабельность хозяйств, вследствие чего шотланды—работящее сельское население—часто вырабатывали во времена депрессии гораздо больше, чем их английские сотоварищи. Это шотландские сельские хозяева, привлеченные публикациями тамошних землевладельцев о дешевизне, ввели в восточные графства новые методы скотоводческого и лугового хозяйства и вызвали своим упорным трудолюбием сначала удивление и зависть, затем подражание со стороны местных старых сельских хозяев.

Если грозивший английскому сельскому хозяйству кризис уже за 10 лет до войны мог считаться преодоленным, то этому содействовало одно специфическое обстоятельство, облегчившее возложенное на него бремя. Сосредоточение английской земельной собственности в руках сравнительно немногих, большей частью очень состоятельных земельных магнатов позволило переложить бремя убытков на плечи крупных капиталистов в значительно большей степени, чем в континентальных странах мелкого крестьянства. Когда падение рентабельности сельского хозяйства вызывало необходимость понижения арендных цен, то это в первую очередь обременяло бюджет старых английских лордов, которые могли отчасти покрывать свои убытки из других—часто коммерческих—источников дохода, или из своего крупного городского землевладения, часто также путем сдачи земли в аренду для охоты и спорта. С другой стороны, с ростом богатства Англии все увеличивалась искусственно сообщаемая земле ценность, так что, несмотря на незначительный процентный доход, притекавший от сельского хозяйства, многие имения попрежнему не обрабатывались по социальным и спортивным причинам сельским населением, между тем как без этого они могли бы впасть в запустение и заброшенность.

Мировая война снова направила сельскохозяйственное развитие Англии на путь, который может привести к прежнему состоянию. Угроза хлебному снабжению и огромный рост цен на пшеницу во время недостатка тоннажа и подводной войны (цена пшеницы поднялась на высоту, которой на сколько-нибудь долгое время она не достигала со времен Наполеона: пшеница стоит в Англии еще теперь [1]) около 80 шиллингов за квартер, равный 224 кгр., вместо 27 шиллингов в 1900/02 г.г. — вызвала поощрявшееся правительством

[1]) Эти цифры относятся к 1921—22 г.г. В конце 1923 г. она упала в цене до 44 шиллингов. *Примеч. ред.*

новое расширение посева пшеницы и хлебопашества. После того как во время Наполеона произошли большие превращения пастбищ в пашню, а затем, после появления конкуренции заокеанского хлеба, начался обратный процесс и с большим трудом и усилиями были созданы новые пастбища, со времени мировой войны и в особенности с 1917 г. началось снова превращение пастбищ в пашню. Так в 1919 г. посевная площадь равнялась в Соединенном Королевстве 10,09 милл. акров против 8,12 милл. в 1913 г. С другой стороны, пастбища сократились с 1913 по 1918 г. приблизительно на 2 милл. акров. Однако, нужно еще отметить, что о настоящем под'еме английского земледелия во время войны не может быть и речи, хотя повышение цен на пшеницу в 20 раз превосходило пошлину на нее в 2 шилл. на квартер, которую требовали чемберлэновские сторонники покровительственного таможенного тарифа и от которой уже ожидали увеличения посевной площади. Наоборот, английские сельские хозяева беспрестанно жаловались во время войны на то, что все расходы сельского хозяйства необычайно возросли, а в добавок еще наборы рекрутов, реквизиции лошадей для военных надобностей и прочие военные тяготы часто прямо подвергали производство опасности. Поэтому нельзя, по крайней мере пока, придавать серьезного значения развитию английского сельского хозяйства во время войны. Лишь много позже можно будет выяснить, началась ли с 1914 г. новая глава английского сельского хозяйства. Перемены были пока еще слишком незначительны в общей рамке существовавших в период с 1875—80 по 1914 г. обстоятельств для того, чтобы одним ударом снова устранить последствия глубоко проникшей аграрной революции предыдущей эпохи; этого не могло случиться уже потому, что этот процесс имел определяющее и глубокое влияние не только на род и об'ем производства, но прежде всего на организационную и социальную структуру сельскохозяйственной промышленности.

Глава IX.

Проблема производства и собственности в английском сельском хозяйстве.

Литература: **Shaw-Lefevre**, Agrarian Tenures. 1893. — **Brentano**, Erbrechtspolitik. 1899.—**Brodrick**, English Land and Landlords. 1881.— **Hasbach**, Landarbeiter. Различные правит. отчеты, цитированные: **Levy**, Entstehung und Rückgang usw.—**Rider Haggard**, Rural England. 2 mde. 1902. — Report on Small Holdings 1906. — Report of the Land Enquiry Committee. 1913.— **Hermann Levy.** Die englische Agrarreform, Archiv f. Sozialwissenschaft März. 1914. — **E. A. Pratt**, The Transition in Agriculture. 1906. **Plunkett**, The new Development in agricultural Organisation. 1903 (Memorandum). — **E. A. Pratt**, Small Holders. 1909.

Происходящие теперь перемены в форме сельскохозяйственного производства в величине имений и обрабатываемой площади экономически, политически и социологически гораздо существеннее, чем перемены в промышленности. Вопрос промышленного производства превратился более или менее в технический и хозяйственный вопрос о лучшем способе управления, который решается спокойно

и трезво в зависимости от большей или меньшей рентабельности предприятий различной величины. Вопрос о вытеснении ремесла крупно-индустриальным производством уже давно потерял свою остроту и принимается как факт. Напротив, проблема крупных или мелких земельных владений еще и теперь связана с целым клубком всевозможных острых социальных вопросов, как распределение земельной собственности, крестьянский вопрос, бегство из деревни, внутренняя колонизация и прочие социально-политические и социологические проблемы, которые обсуждаются и решаются не только с экономичской точки зрения.

Это об'ясняется прежде всего тем, что рост резмеров производства в сельском хозяйстве еще не закончен, что он стал усиливаться как раз с появлением конкуренции заокеанского хлеба, что опять характерно для английского развития.

Однако чтобы понять процесс роста размеров производства в английском сельском хозяйстве, надо обратиться к истории. Описанное нами время расцвета английского хлебопашества и экстенсивного скотоводства, с конца XVIII до начала XIX в. и последующая эпоха до 1875 г. (хотя последняя и не в такой степени) могут быть в общем характеризованы как период замены мелкого производства крупным. В конце XVIII века этот процесс обусловливался тем, что технические успехи сельского хозяйства сделали рентабельным крупное земледелие или земледелие и скотоводство вместе. Так как в Англии уже в то время не было многочисленного крестьянства, но сохранились лишь остатки старой английской так наз. иомэнри (Jeomanry), то для землевладельцев имело смысл соединять мелкие арендные участки с более крупными, чем достигалось повышение ренты и сокращение расходов по управлению. Соединение имений, которое также иронически называлось в народе монополизацией (engrossing of farms), стало модой в английском сельском хозяйстве, безразлично каковы бы ни были последствия сокращения числа самостоятельных хозяев, которые частью были превращены в рабочий пролетариат, частью переселились в города или за океан. Охрана, созданная в Германских областях бюрократически-меркантилистической заботой короны и препятствовавшая этому процессу, как, например, охрана крестьянства Фридрихом Великим, не существовала во вполне либеральной уже тогда Англии. Наоборот, единственная область, в которой такая охрана легко могла быть осуществлена администрацией, именно пользование общинными лугами, была также вследствие их скорого раздела и перехода в частную собственность подчинена возникающей тенденции образования крупных хозяйств; при разделе общинных земель, способствовавших поддержанию многих мелких хозяев, так же, как и при уничтожении прав на пастбища и при соединении полей, выгоды получал всегда политически властный и влиятельный в местных делах лэндлорд или сквайр. Так исчезло в этот и последующий период огромное число мелких арендаторов и так называемых коттеджеров (cottagers), т.-е. крестьян, владевших усадьбой с небольшим клочком земли. В эту эпоху исчез из английского сельского хозяйства и последний остаток еще существовавших до тех пор крестьянских дворов.

Это уничтожение английского крестьянства долгое время было окружено удивительным мраком, рассеянным лишь новейшими исследованиями. **Карл Маркс** говорил, что английский крестьянин, поскольку

он давно еще не превратился из несвободного, крепостного мелкого собственника в свободного арендатора, что можно считать общим правилом, был предоставлен между 1750 и 1800 г. г. капиталистической экспроприации со стороны крупных собственников. Другие утверждали, что введение свободной торговли разорило английское крестьянство. В действительности же исследование всего наличного материала доказывает, что во время введения свободной торговли существовали вообще уже только очень немногие крестьянские семьи, а что исчезновение еще многочисленного крестьянства совпадает именно с временем наибольшего расцвета земледельческого хозяйства, примерно с 1790 по 1813 г. В это время речь также шла не о вынужденной продаже земель крестьянами, не о нанесении им ущерба другими, что переживали мелкие арендаторы и крестьянская беднота, которых лишали общинного выгона, но о добровольном отказе от мелкой земельной собственности со стороны самих крестьян. Вследствие значительно большей рентабельности современного крупного хозяйства, производящего хлеб на рынок, было более целесообразно арендовать большое имение, чем обрабатывать собственное маленькое, поставляющее на рынок лишь незначительные излишки. Поэтому крестьянин продавал свою землю, сильно возросшую в цене вследствие общего вздорожания земель, и на вырученные деньги арендовал большее имение, дававшее блестящий доход. Те крестьяне, которые не проделали этого превращения, а капитализировали рост цен на землю в форме ипотек, не смогли позднее, когда в 20-ых—40-ых годах цены снова упали, сохранить свои хозяйства и разорились, в противоположность крестьянам, которые заблаговременно перешли на аренду.

Долго продолжалось победное шествие крупного хозяйства. Все агрономические теории вышеназванных писателей о том, что крупное производство является в сельском хозяйстве более совершенной формой, оправдывались на практике. Таким образом, это учение могло перейти позже в социалистическую теорию, которая хотела, исходя из взглядов Маркса и Энгельса, также выработанных на английском прототипе, доказать, что со временем в сельском хозяйстве, как и в промышленности, все мелкое производство будет экспроприировано крупным.

Но именно новейшая аграрная история Англии показала ошибочность этих представлений; дело в том, что с переменой условий сбыта и производства в 80-х и 90-х годах сразу прекратилась неоспоримая до тех пор тенденция слияния мелких и крупных арендных участков и началось, наоборот, обратное движение в сторону восстановления мелких ферм и распадения больших участков. Всего яснее сказывается продолжающееся сокращение числа наибольших и наименьших хозяйств. Так, цифры совсем недавнего времени, краткой передачей которых мы ограничимся, показывают, что в 1905 г. в Англии насчитывалось 14.792 владения свыше 300 акров, в 1915 году их число упало до 14,230, а в 1916 г. до 13.806. Напротив число мелких парцеллированных хозяйств, так называемых „allotments“, которых в 1886 году было только около 350.000, увеличилось к 1896 году до 473.000; во всей же Великобритании в 1919 году было не меньше 1.500.000 таких парцеллированных хозяйств. Лежащие между ними фермы от 1 до 300 акров также увеличились в числе с 1905 по 1912 г. г., однако не так значительно, как парцел-

лированные хозяйства, при чем, конечно, надо учитывать различие в средних размерах хозяйств: число их возросло на 4000. Во всяком случае, теперь может быть речь не о тенденции развития в сторону крупного производства, но, наоборот, лишь об обратном движении к мелкому хозяйству.

Статистические данные подтверждаются данными опыта. Все комиссии для исследования причин депрессии в английском сельском хозяйстве пришли к тому результату, что мелкие имения, особенно с луговым хозяйством, лучше сохранились, чем большие земледельческие имения, что именно в западных графствах и в Уэллсе кризис ощущался гораздо менее интенсивно, так как здесь преобладали мелкие хозяйства (в восточных и северо-восточных графствах в средине 90-х годов на каждые 100 акров земли около 40 акров приходилось на крупные хозяйства размером от 300 до 1000 акров и выше, между тем как в северных и северо-западных графствах эта цифра падала до 18). Здесь велось преимущественно перед другими графствами луговое и молочное хозяйство, которое лучше держалось, чем другие производства.

Наличность многочисленных мелких хозяйств именно в не земледельческих по преимуществу областях важна для всего дальнейшего суждения о производственном вопросе в английском сельском хозяйстве. Она показала зивисимость рентабельности хозяйств разных размеров от рода преобладающей в них продукции, а также то, что шаблонная теория о преобладании крупных имений была ошибочна относительно других отраслей сельского хозяйства, кроме хлебопашества. С другой стороны, исследования специальных парламентских комиссий показали, что мелкий сельский хозяин обладает для преобразования земледелия и приспособления к новым условиям сбыта особыми преимуществами, которых не имели крупные хозяйства. Если последние своими капиталами давали возможность собственникам произвести все новейшие улучшения, обзавестись дорогими машинами провести удобрение и обработку земли согласно научным данным, то, с другой стороны, все эти достижения имели гораздо меньшее значение для остальных, не зерновых отраслей хозяйства, для скотоводства и в особенности выращивания молодого скота для производства молока, масла и сыра, огородничества, плодоводства и птицеводства. Здесь была гораздо существеннее интенсивность труда, особенно во времена все увеличивающегося переселения в города, чем размер капитала, вложенного в производство. Мы видели уже, как трудолюбивый шотландский арендатор победил дворянина-помещика английского типа. Там, где надо было со всей любовью собственника ухаживать за скотом, заменять принудительную работу поденщика в доении и выбивании масла неоплаченными силами семьи, исполнять во время сезона в огородах и фруктовых садах работу, на много превосходящую по числу часов наемный труд, там мелкое имение с многочисленной семьей и немногими наемными рабочими обладало гораздо лучшими предпосылками, чем большое фермерское имение, применяющее машины и наемный труд. Но бывали и обратные случаи: „Мелкий арендатор, не касающийся плуга, в общем преуспевает. Но лишь только он приступает к земледелию, его жизнь начинает казаться тяжкой и бедной",—так писал уже в начале 80-х годов один известный в то время писатель-аграрник. Сравнительно благоприятное положение мельких сельских хозяев

было признано за последние десятилетия всеми; оно выражалось прежде всего в том, что мелкие имения немедленно после прекращения срока аренды или вообще освобождения их, снова заарендовывались, при чем часто являлись десятки соискателей на одно имение, в то время как крупные имения по временам вообще оставались без аренды, а средние не всегда легко находили нового арендатора.

Если преимущества интенсивно работающего мелкого хозяйства в названных, приспособленных для него, отраслях производства неоспоримы, то и в этих отраслях мелкие хозяйства уступают крупным там, где дело касается не производства, а **сбыта**. Мелкие сельские хозяева часто поставляли только на местные или ближайшие городские рынки. Однако это не всюду было возможно. Когда надо было сбывать на большие расстояния при посредстве железной дороги и продавать крупным городским торговцам, мелкий хозяин оставался позади, потому что крупное хозяйство могло заключать сделки на большие количества продуктов одинакового качества, в то время как мелкий арендатор поставлял на рынок малое количество продуктов различного качества и к тому же не регулярно. Как важна для больших английских рынков с их огромным спросом на продовольствие массовая поставка видно из того, что часто крупные торговцы предпочитали получать молочные продукты из Дании, так как они поступали оттуда в больших количествах и с безусловной точностью. Преимущества массовой доставки видны также из того, что железнодорожные общества могли назначать более дешевые тарифы от какой-либо английской ввозной гавани до Лондона, чем от маленькой станции, отправлявшей масло или другие продукты, и расположенной лишь в нескольких милях от побережья. Этот недостаток мелкого производства, бывший тем чувствительнее, чем оно было меньше, мог однако быть устранен об'единением в **кооперативы**.

Англичане, а еще раньше ирландцы под руководством известного тамошнего руководителя кооперативного движения сэра **Горация Плэнкетта** (Sir Horace Plunkett) признавали, что конкуренция датских и прочих иностранных сельских хозяев основывалась не столько на меньших издержках производства, сколько на об'единении для общего массового сбыта. Поэтому начали заинтересовывать мелких сельских хозяев кооперативным движением.

Под руководством парламентских деятелей, занимавшихся сельским хозяйством, было основано в Лондоне в начале нового столетия, только на частные средства, к которым позднее присоединились и государственные, Центральное Общество пропаганды кооперации (Agricultural Organisation Society) и приступлено к организации ее в деревне. Число сельских кооперативов быстро увеличивалось, хотя английский мелкий сельский хозяин, консерватор и индивидуалист, с трудом присоединялся к организации. Само собой понятно, что дело не ограничивалось кооперативной организацией сбыта, например, сборными пунктами для сбыта яиц, общей продажей масла, плодов и овощей. По датскому образцу были основаны паровые молочные с новейшим машинным производством, сепараторами, холодильниками и т. д., дававшие даже преимущество об'единенным в них мелким хозяйствам перед крупным арендатором. Слабость позиции мелкого хозяина как покупателя также облегчалась заку-

почными товариществами, которые образовывались для приобретения машин, удобрений, семян и т. д. Так пытались сгладить недостатки мелких хозяйств по сравнению с крупным производством как в области сбыта, так и в продукции и потреблении, а быстрое распространение филиальных отделений Лондонского Центрального Общества Пропаганды представляло лучшее доказательство тому, что был избран правильный путь.

Изменение условий сельского сбыта и производства, происшедшее в результате конкуренции заокеанского хлеба, повлекло за собой поразительно быстрое преобразование всего аргарного строя Англии. Возрастающая конкуренция имела следствием не заострение капиталистической системы или по крайней мере формы производства, но поворот от крупного производства к мелкому. Если бы это обратное движение вызывалось чисто экономическими причинами, оно развивалось бы гораздо скорее и интенсивнее, чем это было на самом деле. Но вопрос о мелком сельском хозяйстве, в виду того, что он связан с землей, как с неподвижным элементом производства, является вопросом не только производства, но и земельной собственности. Только модная проблема „мелких владений" (the small holdings problem) сделала производство и собственность в английском сельском хозяйстве центром экономических и социально-политических вопросов, часто далеко выходивших за пределы чисто аргарной политики.

Глава X.

Внутренняя колонизация и земельная реформа.

Та жа литература, что в гл. IX. Далее: **Levy**, Soziologische Studien.—**Jesse Collings**, Land Reform, London 1906. — **Sir G. Parker**. The Land for the People. 1909.—**R. Wilkins**, The Small Holdings Controversy. 1909.

В песне Гольдсмита „The deserted Village", („Опустошенная деревня"), в которой он оплакивает исчезновение в конце XVIII века мелких сельских хозяев, имеется следующая строфа:

Принцы и лорды могут преуспевать или исчезать,
Как одним словом они были созданы, так они снова могут возникнуть,
Но доблестные крестьяне, украшение и сила страны,
Раз погубленные, не легко появятся снова.

Эти слова оправдались на гибели английского крестьянства. Несмотря на все благоприятные условия, которыми с 70-х годов пользовалось мелкое производство в английском сельском хозяйстве, почти совсем не появлялось больше крестьян старого склада, т.-е. фригольдеров (freeholders) с трудолюбивыми семьями и сельскохозяйственной традицией (мелкие собственники, как таковые, не являются обязательно „крестьянами" в социологическом смысле), а мелкие арендаторы возникли в более значительном числе лишь после преодоления больших препятствий. Причины, почему больше не возникало крестьянства, указать легко. Они заключаются, во-первых, в том, что земля в Англии, несмотря на всю юридическую подвижность земельной собственности и постепенное уничтожение

фидеикомисса (entails), сосредоточена в сравнительно немногих руках, так что возможность покупки собственного маленького земельного участка невелика. По данным английского аграрного историка Бродрика (Brodrick), издавшего в 1881 г. значительную работу об „Английской земле и английских лэндлордах“, если не считать хозяйства меньше 10-ти акров (т.-е. 4,5 гектаров), то окажется, что 147.000 человек владели 32 милл. акров земли. В Германии приходилось через несколько десятилетий на хозяйства размером от 5-ти до 20-ти гектаров, заключавшие в себе в общем около 14.000.000 гектаров, 624.000 хозяйств, руководимых только собственниками. При этом сельскохозяйственная статистика Англии показывает перед мировой войной даже длительное сокращение площади, обрабатываемой собственниками; еще в 1885 году 15,32% обрабатывалось собственником, в 1900 г.—13,53%, а в 1912 г.—уже только 10,87%. Даже там, где монополизация земли не препятствовала бы образованию мелких дворов, т.-е. земля поступает в продажу, она редко подвергается свободному торговому обороту с разделением и дроблением на мелкие участки.

В Англии земля имеет на ряду с ценностью, определяемой ее капитализированным доходом, т.-е. ценностью ее использования, еще **ценность, как предмета роскоши**, которая подымает цену земли выше ее капитализированного дохода, так что оборотная или рыночная ценность земли превосходит ценность ее капитализированного использования. Эта ценность ее, как предмета роскоши, несельскохозяйственная ценность земли, основана на свойствах последней, делающих ее в Англии еще гораздо больше, чем в других странах, особым предметом спроса со стороны высших и богатых слоев. Жизнь в деревне все еще является в Англии—на ряду с коротким лондонским сезоном—источником общественной деятельности и средством общественного проявления человека; обладание большим, хорошо ограниченным и расположенным имением (а какое английское имение расположено иначе?) все еще считается знаком социального превосходства, который не может быть заменен никаким самым роскошным городским домом. Политическое влияние, вхождение в Парламент облегчаются достижением местного влияния в деревне, а охота на лисиц, куропаток и фазанов и спорт, особенно гольф, еще увеличивают искусственно придаваемую земле ценность. Хотя эти условия земельной собственности, как уже указывалось выше, значительно способствовали переложению бремени тягот на более сильные плечи, они все же имели очень существенную теневую сторону для мелкого деревенского жителя. Он не мог, конечно, оплатить искусственно сообщаемую земле ценность, если он и был склонен заплатить за землю ради здоровой и независимой деятельности несколько бельше, чем это позволял его основной капитал. Поэтому падающая абсолютная цена земли не была все-таки стимулом для восстановления мелкой собственности, пока сохранялась разница между капитализированной прибылью и действительной рыночной ценой земли, увеличившаяся даже при падении абсолютной цены на землю.

Может быть, можно было бы отказаться в стране, привыкшей в течение почти столетий к капиталистической системе аренды, от мелкой земельной собственности и удовлетвориться увеличением числа мелких арендных участков, хотя, конечно, интенсивность труда

увеличивается благодаря сознанию прочной и неразрывной связи с собственным клочком земли. Но препятствия к развитию мелких хозяйств не ограничиваются уничтожением мелкой собственности.

Быстрое обратное превращение больших ферм в более мелкие арендные дворы также встретило значительное препятствие в своеобразной структуре крупной земельной собственности в Англии. Уже Бродрик указывал в 80-х годах на то, что пока удерживается аграрный строй Англии, основанный на крупной земельной собственности, мелкое производство не будет развиваться, несмотря на все способствующие ему экономические тенденции. Можно было первоначально думать, что и земельный собственник заинтересован только в том, чтобы увеличить свой арендный доход, и поэтому своевременно предпочтет ту форму хозяйства, которая больше всего содействует этой цели. В общем и на большом промежутке времени это, конечно, правильно, и фактически ведь мелкое имение оказалось в последние десятилетия более способным к развитию, чем крупное. Но прежде чем начнется этот процесс, экономическое развитие сталкивается с неэкономическими соображениями крупного земельного собственника относительно желательных для него размеров хозяйства в пределах его собственности.

Прежде всего, мелкие арендаторы часто мешают охоте гораздо больше крупных. В то время как крупный арендатор смотрит на нее сквозь пальцы, мелкий склонен требовать возмещения каждого случайного убытка. То же самое относится к мелким исправлениям и т. д., которые крупный арендатор предпринимает сам, между тем как мелкий задумывается над каждым шиллингом. Вследствие этого так называемый сельский прикащик (land agent), управляющий за крупного собственника его имениями, собирающий доходы и т. д., имеет гораздо больше хлопот с мелкими сельскими хозяевами, чем с крупными арендаторами. К этому присоединяется социальный момент. В то время как прикащик происходит сам из крупных арендаторов, полу-джентльмэнов, мелкий сельский хозяин является в его глазах „мужиком", часто даже пролетарием, как почти безземельный. С другой стороны, мелкий сельский хозяин считает его также своим естественным врагом, и в то время как крупный арендатор и этот прикащик часто товарищески соглашаются за стаканом виски по какому-либо спорному вопросу, отношения между мелким арендатором и прикащиком устанавливаются прохладные и, разумеется, деловые. Сельские прикащики, однако, могущественны в деревне, они влияют на решения лэндлорда и, с другой стороны, понятно, что именно они не вступались за мелкие хозяйства, но долго относились с недоверием и противодействием к отдельным случаям их роста.

Это положение не беспокоило крупного земельного собственника. За исключением отдельных личностей, заинтересованных в этом с социально-политической точки зрения, как, напр., лорд Каррингтон (Lord Carrington), позднее герцог Линколншайр, поощрявший развитие большого числа мелких хозяйств в своем имении, английские лэндлорды придерживались и еще теперь придерживаются того мнения, что многочисленные мелкие дворы с трубами внешне обезображивают их имения, что большинство этих сельских хозяев, происшедших из класса сельскохозяйственных рабочих, относятся при своих политических, большею частью либерально-радикальных взглядах отрицательно к торизму, все еще процветающему в анг-

лийской деревне. Наконец, большинство крупных собственников боялось еще потому распадения больших участков опять на мелкие, что значительные расходы на необходимые в таком случае жилые дома, конюшни и хозяйственные постройки означали затрату капитала, которая окупается, правда, более высокой рентой, даваемой в общем мелким производством, но которая все-таки является, особенно в периоды кризисов, большим бременем для крупной земельной собственности. Все это было достаточным основанием для того, чтобы к измельчению хозяйств приступали только тогда, когда на это толкала нужда, т.-е. когда не находилось больше с'емщиков для освобождающихся больших арендных участков, или когда становились неплатежеспособны обрабатывающие их крупные арендаторы, которым всячески облегчали в сравнении с мелкими арендаторами выплату ренты, чтобы только удержать их.

В результате благоприятные для мелких хозяйств предпосылки, хотя и вызвали увеличение их числа, но не в таком масштабе, в каком это соответствовало бы потребностям времени и социальным пожеланиям широких сельских кругов. Последние были всегда готовы заарендовать подходящие мелкие имения, что видно из громадного спроса на них, когда таковые находились. Поэтому политические и парламентские деятели пришли очень рано к убеждению, что государством должно быть предпринято что-либо для освобождения экономического процесса от неэкономических препятствий и расширения поля деятельности для мелких хозяйств. Мысль о введении законов, названных в Германии „внутренней колонизацией“, т.-е. переселенческой политики с применением мер государственного принуждения и поддержки, укрепилась затем и даже стала повелительной, вследствие того, что образование мелких хозяйств могло считаться единственным действительным средством замедлить все увеличивающийся отлив населения из деревни, так называемый rural exodus. В этом проявляется тесная связь проблемы мелких владений с вопросом о сельскохозяйственных рабочих.

Появление в Англии **класса сельскохозяйственных рабочих**, т.-е. безземельных поденщиков, восходит ко времени раннего возникновения крупного капиталистического производства, главным образом с 1770 г. до 80-х годов XIX века, которое было временем торжества крупного производства. Поскольку большие имения произошли из мелких дворов и парцеллированных хозяйств, а также благодаря прямому или косвенному влиянию раздела общинных пастбищ, т.-е. в Англии вследствие огораживания, это приводило к постоянному увеличению числа неимущих, пролетаризованных сельскохозяйственных рабочих, как из числа самих бывших собственников, поскольку они оставались в деревне, так и из нарождающегося в деревне нового поколения. Если сам сельскохозяйственный рабочий был в состоянии арендовать или купить несколько акров, то это прямо осуждалось в прежние времена его нанимателями, так как это отвлекало его и его семью от наемной работы в крупном имении. Это обстоятельство имело тем большее значение для последнего, что его общее социальное положение было до 40-х годов включительно весьма тяжелым и улучшить его могло только возвращение к собственным и независимым источникам существования. Это положение очень живо изображено **Энгельсом, Гарриет Мартино, Гасбахом** и другими и своей мрачностью на много превосходит все, что эти **писа-**

тели сообщали нам о нужде промышленных рабочих того времени. С общим улучшением условий жизни и заработной платы после 1846 г. и особенно в последние десятилетия прошлого века, улучшилось также положение сельскохозяйственного рабочего, так что, например, по расчету **Вильсон-Фокса** заработная плата поднялась с 1871 по 1902 г. в отношении 100 к 120,9 в то время, как цена пшеницы упала со 100 до 49,6. Но, несмотря на это улучшение, положение английского сельскохозяйственного рабочего до мировой войны далеко не было отрадным и являлось предметом постоянных и упорных забот проницательных социальных политиков Англии.

Как питание, так и жилищные условия сельскохозяйственного рабочего были неудовлетворительны. Руководством для суждения о положении является материал, собранный организованным на широких началах Комитетом „Land Enquiry Commitee", созванным Ллойд-Джорджем. В его докладе, опубликованном в 1913 году, говорилось между прочим: „Во многих графствах большинство рабочих плохо содержится и питается. В других же графствах, где заработная плата, как общее правило, высока, отдельные работодатели также дают плату, стоящую значительно ниже среднего уровня (особенно плохи условия на юге Англии, между тем как на севере промышленность повышает заработную плату и для деревни). Поэтому нужно будет определить для заработной платы прожиточный минимум, чтобы сельскохозяйственный рабочий и его семья могли правильно питаться и были поэтому в состоянии исполнять соответствующие работы". Особенно ясно было неблагополучие в жилищном вопросе. Закон 1909 г. должен был действовать решительно в отношении антисанитарных жилищ (cottages), но выяснилось, что если бы это осуществилось, пришлось бы просто изгонять людей из деревни. То что, несмотря на эти сомнения, между 1909 и 1913 г. г. было снесено 5.000 таких коттэджей, показывает, в каком жалком состоянии они должны были находиться. В сообщении указанного Комитета определенный недостаток домов для сельскохозяйственных рабочих исчислялся в 120.000. Это сообщение жалуется прежде всего на следующие недостатки: беззащитность против непогоды (холода и дождя), плохие санитарные условия в отношении воздуха и света и перенаселенность имеющихся в домиках крохотных комнат. С 40-х годов редко приходилось читать такие потрясающие сообщения по социальным вопросам, как это. Сюда присоединяются другие недостатки, как отдаленность домишек от места работы и зависимость рабочего от арендатора поместья, сдающего обыкновенно в наймы и домик.

Но не только эти обстоятельства, выясняющие особенно вредные для здоровья условия жизни сельскохозяйственного рабочего, побуждают его к бегству из деревни. Сюда присоединяется сравнительно **продолжительный рабочий день**. Из 2.120 опрошенных общин летний рабочий день в 32,2% всех случаев составлял, согласно названному сообщению, свыше $10^1/_2$ часов, в 8,6% он был еще выше (св. 11 час.), в 25,2% он равнялся 10 часам и только в остальных он был меньше. Осуществление требования рабочего дня с 6 ч. утра до $5^1/_2$ час. пополудни, выставленного уже в 1873 г. недолго просуществовавшим тогда сельскохозяйственным трэд'юнионистским движением, свело бы его (так как сюда включалось и время на еду)

к 10 часам, чего не достигнуто еще и теперь. Сюда прибавляются часто большие расстояния до места работы, многочисленные случайные работы, внезапно оказывающиеся необходимыми, и часто сверх того воскресная работа. Присоединяются к этому еще другие причины, скорее общего, чем социального характера, особенно отягчающие пребывание в деревне молодому поколению. Деревенская жизнь монотонна, а английские острова представляют собой слишком маленькую, густо населенную и богатую средствами сообщения территорию, чтобы в эту унылую жизнь не проникли чары и соблазны больших и средних городов с их развлечениями, образовательными возможностями и увеселениями, и не вызвали в сельскохозяйственном рабочем жажды переменить образ жизни. Напротив, деревенская жизнь так пуста для рабочего, что один проповедник, цитируемый **Е. Праттом** (E. R. Pratt) в его известной книге о мелких владениях от 1909 г., мог сказать: „Одно обстоятельство главным образом гнало людей из деревни. Это невыносимая животная деревенская скука, отсутствие тех интересов и удовольствий, которые необходимы, чтобы сделать человеческую жизнь осмысленной". Все эти обстоятельства, материальные и культурные, об'ясняют, почему с 1851 по 1901 г. число сельскохозяйственных рабочих могло упасть с 1.253.786 до 621.168 чел., т.-е. больше чем на 50%.

По мнению английских специалистов-агрономов и социальных политиков существует только одно действительное средство, чтобы по крайней мере замедлить этот перманетный отлив сельских рабочих и воспрепятствовать окончательному истощению сельскохозяйственного рабочего резервуара: обратное водворение на землю безземельных сельскохозяйственных рабочих и предоставление земли людям, которые желают стать сельскими хозяевами. Правильно указывается на то, что у владеющего землей рабочего отпадают все те названные выше моменты, которые вызывают бегство из деревни: питание улучшается, любовь к собственному участку укрепляет желание остаться в деревне; в маленьком производстве сельский хозяин, чувствующий себя независимым, охотно уделяет вместе со своей семьей больше времени и усилий работе и находит в создаваемых для себя благах вознаграждение за недоступные ему радости большого города. Но что этот процесс невозможен без государственного вмешательства в проблемы земельной собственности и всего нынешнего аграрного строя Англии, стало ясно и неопровержимо для тех лиц, которые с 80 годов длительно занимались этим вопросом.

Раньше всех выступил с мыслью о **государственной колонизационной политике** для создания мелких хозяйств покойный английский министр **Джозеф Чемберлэн** (Joseph Chamberlain), когда он еще был радикалом, в своем сочинении 1883 г., в котором он высказал мнение, что „нужно особое законодательство" для противодействия монополизации земли немногими лицами и восстановления тех отношений между земледельцем и землей, которые господствовали некогда в Англии и теперь еще господствуют в других странах, Он и его друг, известный депутат **Джесс Коллингс** (Jesse Collings), сам происходивший из сельскохозяйственных рабочих, стали душой движения, направленного, впрочем, сначала только на создание государством парцеллированных хозяйств (allotments) и развернувшего

под известным лозунгом „Three acres and a cow" (три акра и корова) сильнейшую пропаганду. Результатом этого был закон 1887 г., впервые поручавший местным властям и уполномочивавший их в нужных случаях покупать или арендовать землю для рабочих В 1892 г. последовал гораздо более важный закон о малых владениях, так наз. „Small Holdings Act", перешедший уже к созданию правительственным путем мелких имений. Основания этого закона уподобляются в известной степени немецким законам о рентабельных имениях (Rentengutsgesetz): покупатель земли платит часть ее стоимости наличными, другую часть покрывает погашаемыми через известное время процентными бумагами, между тем как государство выступает в качестве кредитора. Эти законы о малых владениях с течением времени многократно перерабатывались и расширялись, как, напр., в том же 1892 г. Но ни один из них не имел сколько-нибудь значительного успеха. Это видно из того, что между 1892 и 1902 г.г. образовалось только 47 мелких хозяйств, обнимающих всего 569 акров.

Но все же было ясно, что безуспешность этих колонизационных законов проистекала из других причин, а не от безнадежности или незначительной доходности обработки мелкой собственности. Две причины, главным образом, вызвали их неудачу. Во-первых, проведение законов было поручено местному управлению, советам графств и подчиненным им органам, которые находились под прямым влиянием землевладельцев, их прикащиков и вообще имущих кругов и потому относились совершенно равнодушно, а часто даже враждебно к самым законам и их осуществлению. Не было ничего легче, как уверять при случае, что не имеется земли для покупки или аренды, и избегать, таким образом, тяжелых обязанностей, возлагаемых законодательством, которое было ославлено в этих кругах как „социалистическое". Второй причиной неудачи было то, что эти законы были гораздо больше приспособлены для образования мелкой земельной собственности, чем арендных участков. В начале всего движения вполне естественно имели целью создание мелких „крестьян", которых заинтересовала бы в сельском хозяйстве постоянная связь с землей; и когда позднее к этой первоначально социально-радикальной программе присоединилась консервативная партия, особенно при лорде **Сальсбюри**, именно этому моменту колонизации стали придавать особое значение, потому что, как выразил это однажды Сальсбюри, „крестьяне являются лучшим бастионом против социализма".

Само собой понятно, что затруднения при образовании мелкой земельной собственности, проистекавшие из особых условий построения земельных цен, не могли быть устранены названными законами о мелких владениях. Высокая продажная цена земли сохранялась независимо от того, давало ли деньги на покупку ее государство или частные лица; наоборот, как показывает опыт, государство платило еще дороже отдельных хозяев. Неудача законов об'ясняется, следовательно, тем, что их внимание было направлено в сторону величины, а не аренды участков. Небольшой успех, который они имели, сказался преимущественно только в аренде, главным образом, в несколько оживившемся после 1902 г. образовании мелких хозяйств.

Несмотря на этот неоспоримый факт, прошло еще несколько лет, прежде чем в колонизационных законах было проведено

поощрение мелких арендных владений и еще теперь вопрос—„мелкая аренда или мелкая собственность“—является в высшей степени спорным в английской аграрной политике. Решающими являются и здесь другие, не чисто экономические причины. Правда, консервативная партия, придерживающаяся еще теперь той точки зрения, что безусловно нужно создать опять мелкие крестьянские дворы, выставляет в первую очередь экономический мотив, именно, что мелкая собственность гарантирует традиционную прочность земельных порядков, а поэтому и действительность всего мероприятия на продолжительное время. Но за этим рассуждением, прикрываемым обыкновенно выражением **Артура Юнга**—„magic of property“ (магия собственности),—кроются другие, более реальные пожелания и намерения. Во-первых, консервативная партия Англии действительно верит, что мелкое крестьянство будет политически лучше класса меняющихся арендаторов представлять интересы крупных земельных собственников и их сторонников. Во-вторых же,—и это, пожалуй еще важнее—создание мелких собственников она считает более безопасным для интересов крупных землевладельцев.

Здесь нужно отметить, что в результате опыта, приобретенного после первых колонизационных законов, постепенно укреплялось убеждение, что добровольным путем невозможно достигнуть больших успехов. Было признано,—а Чемберлэн, Бродрик, Коллингс и др. предчувствовали это уже задолго до того,—что успешное поощрение государством развития мелких земельных владений без давления на землевладельцев и их специальные интересы невыполнимо. Так в законодательство вошла в качестве решающего момента мысль о принудительном отчуждении земли там, где она не поступала в свободный оборот. Очень интересный доклад комиссии, охвативший весь вопрос о мелких владениях, опубликованный в 1906 г., стал на сторону этих принудительных мер, при чем, однако, консерваторы желали ограничить их только отчуждением земли, радикальные же и либеральные элементы, напротив, доказывали, что арендная система должна быть безусловно сохранена, так как высокие цены на землю препятствовали образованию мелкой земельной собственности, и ставили потому на ряду с системой отчуждения систему принудительной сдачи в аренду.

Именно в этом взгляды резко столкнулись. Консервативные политические деятели заранее учитывали, что принудительная аренда означает гораздо более решительное уничтожение существовавшего до тех пор, построенного на правах крупной собственности аграрного строя, чем отчуждение земли для создания мелких собственников. Крупному лэндлорду при известных обстоятельствах, при данных хозяйственных и налоговых условиях могло быть вовсе не неприятно продать местному управлению несколько сот акров земли в целях образования мелкой собственности. Если бы он, напротив, был принужден сдать землю в аренду, то тогда уже между ним и арендатором становилась власть, которая должна была создать согласно колонизационному закону арендные участки. Землевладелец был бы вынужден отказаться от своих прав, не приобретая других; он в буквальном смысле лишался владения, должен был нести риск, так как он оставался собственником земли, не имея возможности участвовать в особых выгодах, если бы такие имелись. Заранее было ясно следующее: с системой принудительной аренды и вмешатель-

ством власти в существовавшие до тех пор отношения землевладельца и арендатора приближалось осуществление давно желанного для арендаторов **нового „арендного права"**, так называемого **ирландского права**. А именно: совет графства или местное управление должны были при определении арендной платы больше частного собственника придерживаться точки зрения справедливой оценки (fair rent), они должны были также предоставлять арендатору соответствующее вознаграждение за произведенные улучшения, которые до сих пор доставались собственнику (free sale именно произведенных затрат и построек). И, наконец, благодаря этому собственник никогда не имел бы возможности отказать арендатору в продолжении срока аренды по какой-либо произвольной причине, как, напр.: его неудобные политические взгляды, неприятности с приказчиками, или ради охоты и спорта (fixity of tenure, непрекращение аренды по другим причинам, кроме чисто хозяйственных, напр., небрежность и т. д.). Эти **три требования**, названные **„Три F"**, потом действительно косвенно осуществились, когда в силу вступил новый, основоположный закон 1907 года, выработанный на основе предварительного обсуждения в 1905 и 1906 г.г. (7 Edw. VII. ch. 54).

Понятно, что землевладельцы и примыкающие к ним политические круги должны были всеми силами противодействовать этой системе принудительной аренды, которая означала в самом деле полнейшее превращение капиталистической системы землевладения в государственно-бюрократическое арендное управление, в отношении которого лэндлорд только формально играл бы роль землевладельца. Это положение, особенно если бы оно распространилось с управления вновь образованными владениями на все арендное право Англии, должно было стать для интересов крупного землевладения неизмеримо опаснее частичных отчуждений. Однако случилось так, что перемена кабинета, давшая либеральное правительство, программа которого включала создание мелких арендных участков, помешала осуществлению консервативных пожеланий, и что закон 1907 г. фактически осуществил более прогрессивные пожелания либерально-радикальных земельных реформаторов. Этим был заложен фундамент действительно решительного изменения колонизационных законов. Новый закон прежде всего централизовал проведение всех колонизационных мероприятий, создав особые центральные учреждения и органы, которые должны заботиться о действительном проведении постановлений, о фактическом удовлетворении земельного голода и действовать в качестве служебных и апелляционных инстанций. Комиссары по делам мелких владений, назначенные этим подчиненным министерству земледелия ведомством, поддерживают постоянный контакт между центральным ведомством и местными органами, предпринимающими заселение. Закон предусматривает также широкую материальную и идейную поддержку сельских кооперативов, не лишая их характерного для многих английских движений начала „самопомощи". На ряду с технически-организованным нововведением, т.-е. централизацией исполнения, важнейшим моментом остается принудительная аренда при посредстве местных органов и вызванное ею изменение арендных отношений, так что арендатор стал занимать более благоприятное и твердое положение, как плательщик ренты, и стал также более

уверен в возмещении своих затрат и в возможности дальнейшего продолжения своего хозяйства.

Результат этого первого решительного колонизационного закона гораздо больше соответствовал ожиданиям, чем предыдущие опыты. До конца 1914 г. советы графств выделили для осуществления поставленных им законом задач в целях образования мелких владений 195.499 акров земли, из которых—и это характерно—только 506 акров, т.-е. совсем минимальная часть, были проданы мелким сельским хозяевам, между тем как главная масса была сдана в аренду. Впрочем, советы графств купили, а не арендовали большую часть земли. По закону об Allotment'ах 1908 г. было до 1914 г. образовано всего 8.300 парцеллированных хозяйств, в то время как общее число созданных различными местными органами хозяйств этого рода равнялось в конце 1914 г. не менее как 130.526.

Несмотря на эти сравнительно благоприятные результаты новейших колонизационных законов, все же является твердо установленным фактом, что число соискателей имений или участков все еще значительно превосходит возможность предоставления последних. В 1912 г., например, количество отдельных еще не удовлетворенных соискателей составляло 8.508 лиц, которые в общем требовали, приблизительно, 130.000 акров. Впрочем, здесь надо отметить, что между ними имеется много таких, которые не приносят ни знаний, ни необходимых все же средств для того, чтобы быть способными к вступлению во владение доходным имением. Но, как показывает опыт, процент их сравнительно мал, так что образованию мелких имений и парцеллированных хозяйств в Великобритании, принимая во внимание большой спрос на них, предстоят еще большие возможности.

Конечно, всем ясно, что при возникновении там мелких арендных участков и отдельных мелких собственников, это вновь нарождающееся при стольких правовых и социальных затруднениях поколение мелких сельских хозяев представит собой совершенно иной класс и род людей и хозяев, чем то, что имеется в лице континентального „крестьянского сословия“. В Германии особенно колонизационный материал черпается из крестьянских кругов. „Мы видим там“,—писал однажды **Бэлгард** в своей работе о внутренней колонизации,—„что, например, вестфальцы и ганноверцы берут за образец прекрасные крестьянские дворы своей родины и направляют все свои стремления к такой же прочной собственности и столь же большому количеству скота, какие они видели на родине“. Как непохоже это на Англию! Там нет настоящих крестьян по происхождению, за исключением отдельных округов, как, например, Айл оф Эксхолм (Isle of Axholme) в Линколншайре или Кэмберленд, где еще проживают жалкие остатки старых иоменских семей. Впрочем, арендная система давно уничтожила чувство традиционной связи с участком земли! Молодежь не видит во дворе отца, в той ферме, которая может пробыть несколько лет здесь, несколько лет там,—в зависимости от того, какой она дает доход или как угодно лэндлорду,—ничего особенно достойного уважения. Поэтому, став самостоятельной, она и не стремится заложить в каком-либо имении основание для такой же связи будущих поколений с землей. Ее стремления скорей чисто деловые. Для нее вопрос заключается в том, может ли она пристроиться в сельском хозяйстве с широкими

видами на будущее путем аренды имения и вознаградит ли ее независимая деятельность за отказ от городских развлечений.

Может быть, вследствие этих обстоятельств земельный голод в Англии был бы гораздо слабее, чем он есть в действительности, если бы эта категория любителей мелкой аренды, которые сами происходят из арендаторских кругов, была единственной или преобладающей. Но это не так. Два других типа соискателей совместно определяют все движение к восстановлению мелких ферм. Прежде всего, это неимущий до сих пор сельскохозяйственный рабочий (labourer), для которого переход в состояние мелкого сельского хозяина означает не только в высшей степени желательное материальное улучшение, но и очень значительное повышение его социального положения и вхождение в состав сельского общества. Как велико стремление именно этих слоев к обработке собственного мелкого имения, видно из того, что в 1912 г. 25% всех заявок на них относятся на счет сельскохозяйственных рабочих.

Вторую категорию соискателей земли, на ряду с происходящими из слоев самостоятельных сельских хозяев, составляют чуждые до сих пор земледелию элементы. Здесь речь идет, согласно выводам английских опросов, о лицах, которые на основании их прежней деятельности должны быть названы „городскими“ или по крайней мере „промышленными“ элементами и которые, во всяком случае, переходят в сельское хозяйство от деятельности в совершенно иной атмосфере. Часто в эту группу привходят, правда, не собственно городские элементы, но сельские промышленники, как, например, мясники, лавочники, зеленщики или пекари, которые все же „понимают кой-что в сельском хозяйстве“ и подчас даже, как мясники или зеленщики, могут связать его со своим прежним делом. Другие же, наоборот, оставляют свою прежнюю исключительно промышленно-техническую деятельность или свой торговый заработок, чтобы вполне посвятить себя приобретаемому или арендуемому маленькому имению. Об удивительных случаях с такими ремесленниками, кончающими превращением в действительно имущих мелких сельских хозяев, и о судьбах их сообщал доклад комиссии 1906 г., из которого вновь явствовало, насколько дифференцировано это новое общество мелких сельских хозяев по сравнению со столь однородным раньше мелким крестьянством. Мы читаем там про общину, в которой довольно жалкие гвоздари из Ворчестершайра стали процветающими огородниками, работающими на городской рынок, или про отдельные случаи, когда рудокопы стали зажиточными мелкими сельскими хозяевами вблизи большого города. Затем имеются плодоводческие и огороднические имения под Бирмингамом, взятые студентами, слабыми здоровьем, которые предпочли переменить предназначенное им в будущем призвание их отцов на аренду имения, обещавшую им отдых, выздоровление и, наконец, даже заработок.

Этот своеобразный человеческий материал, выросший в промышленности или в промышленно-городской обстановке, должен быть, конечно, противопоставлен в качестве особой аграрно-социологической категории настоящим сыновьям фермеров, берущим мелкие имения, при чем безразлично, происходят ли первые действительно из городов, или же в качестве купцов, ремесленников, железнодорожных сторожей и т. п., они дышали уже деревенским воздухом и приобрели немного сельскохозяйственного опыта. Все же они явля-

ются более или менее новичками в сельском хозяйстве. Поэтому аграрные круги Англии естественно высказывались очень скептически о возможностях этих искателей аренды, этих town—bred—men (выросших в городе людей), как их иногда называли. Но при более внимательном изучении тех особых условий, при которых эти лица приступают к сельскому хозяйству и, само собой разумеется, с той предпосылкой, что они обладают достаточной энергией для приобретения необходимых навыков и накопления столь нужного именно в этой области опыта, оказывается, что эти новички приносят с собой известные предпринимательские свойства, безусловно полезные в условиях новейшего сельскохозяйственного развития Англии.

Нужно принять во внимание, что сельское хозяйство, каким оно является в мелких имениях, где действительно развиты доходные отрасли продукции, требует совсем иного рода ведения дел, чем это было раньше в крестьянских хозяйствах и еще теперь требуется во многих крестьянских местностях континента. Сила мелкого крестьянина проявлялась в производстве, в его трудолюбии на поле, а равно и в хлеву, но отнюдь не в деловитости в обороте, где он в общем был беспомощен, небрежен в записях и неловок в приспособлении к неожиданным переменам; на все эти недостатки старые английские аграрные писатели жаловались так же, как жалуются теперь немецкие. Между тем, именно новейшее английское мелкое хозяйство предполагает, кроме уже указанной интенсивности труда, деловые способности совершенно иного масштаба, чем это было раньше, когда занимались только хлебопашеством и держали немного скота. Сбыт продуктов современного мелкого сельского хозяйства в Англии—молока и сливок, фруктов, свежих яиц, птицы и овощей— производится не на местном деревенском базаре, как раньше, а в больших городах. Последние требуют одинаковых и по возможности однообразно определяемых сортов и равномерно высылаемых количеств. Поскольку мелкий хозяин не принадлежит к какому-либо товариществу, которое, как указывалось выше, берет на себя особое наблюдение за выполнением этих требований, он должен сам заботиться об удовлетворении в этом отношении городского торговца. Упаковка, сортировка товара, даже изучение требований рынка на отдельные продукты, как, например, на фрукты и самые ходкие сорта их, играют тут роль, которая была особенно велика перед войной при исключительно тонко выраженной дифференциации английского вкуса. Далее, в то время как раньше мелкий сельский хозяин, продававший немного зерна или молодого скота, только несколько раз в год имел дело с торговцами, а затем посылал свою жену на ближайший базар с другими мелкими продуктами, которые считались побочными, он вынужден теперь поддерживать постоянные отношения с крупными городскими торговцами, производить с ними иногда и сложные деловые расчеты и заботиться о том, чтобы его не „обернули вокруг пальца“. Он должен обладать точными деловыми знаниями и сведениями об условиях рынка. Это доходит до того, что повсеместно рекомендовалось приблизить телефонное сообщение к мелкому сельскому хозяину для того, чтобы он мог скорее осведомляться о возможностях быстрого сбыта скоропортящихся продуктов, которые особенно изменяются для огородов в течение „сезона“. Затем мелкое сельскохозяйственное производство, кроме этих очень важных деловых свойств, требует также больших техни-

ческих знаний и способностей, чем старое крестьянское земледельческое и пастбищное хозяйство. Современное мелкое молочное хозяйство, с его требованиями гигиены, чистоплотности, стерилизации сосудов, применения холодильников и новейших методов фильтрации, предполагает совершенно иные навыки, чем работа с плугом, бороной или навозными вилами. И торговцы и публика в Англии придавали перед войной величайшее значение тому, чтобы молочные хозяйства удовлетворяли этим требованиям. То же самое относится и к птицеводствам, пользующимся инкубаторами, и к огородам, обладающим обширными теплицами, иногда даже артезианскими колодцами, и маленькими паровыми машинами для накачивания воды; сельскохозяйственное производство более или менее подчиняется здесь промышленно-техническим приемам и порядкам, которые были раньше неизвестны и особенно не применялись в мелком производстве, мало пользовавшемся машинами.

Как современные деловые, так и производственные требования к мелкому сельскому хозяину часто находят в особых свойствах этих людей, выросших в городе, гораздо лучшие предпосылки, чем в настоящих земледельцах старого стиля. Городские промышленные элементы с самого начала приносят те знания и способности, которые трудно доступны для „крестьянина". Аграрные писатели, как еще недавно **Е. Пратт**, также часто отмечали это в своих описаниях. „Такие производства, как молочные, — пишет он, — цветоводство, садоводство, скотоводство и т. д. (в изложенных нами современных требованиях имелись в виду именно эти отрасли производства) требуют, если противопоставить их в качестве единой категории земледелию, технических знаний, ловкости, делового смысла и неослабного внимания всех участвующих. Все это свойства, которыми естественно не будут обладать арендаторы старой школы и еще меньше средние сельскохозяйственные рабочие последнего поколения, как ни была продуктивна их работа в то время, когда она ставила больше требований их выносливости, чем интеллекту. Это одно показывает, что именно городские колонисты, элемент прежде чуждый земле, приносят в хозяйство некоторые способности, которые как раз соответствуют новейшим требованиям сбыта.

Таким образом на основе нового производственного развития и государственной помощи ему, может быть, возникнет в Англии класс мелких сельских хозяев, имеющий в социологическом отношении мало общего с прежним крестьянством и мелкими арендаторами, но все же отвечающий требованиям мелкого производства в современном капиталистическом сельском хозяйстве.

ОТДЕЛ V.

Социальное движение.

Глава XI.

Рабочий вопрос.

Литература: **Lujo Brentano**, Arbeitergilden der Gegenwart. 2 B-de. 1871 и Das Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht. 1877. — **A. Held**, Die neuere soziale Geschichte Englands, 1881.—К этому еще

большая часть цитированной в гл. 1—4 литературы: **Carlyle.** Sozialpolitische Schriften. (Deutsch 1895). Особенно: Chartism and Past and Present.—**Sidney and Beatrice Webb**, The History of Trade Unionism. 1894.— Те же самые: Industrial Democracy. 1897.—**Charles Bloth**, Labour and Life of the People. 1889.—**S. a. B. Webb**, The Public Organisation of the Labour Market. 1911.—Werks Committees Report of an Enquiry made by the Ministry of Labour, Март 1918.—**Kirkaldy**, Industry and Finance. London 1917.—**J. M. Robertson**, The Economics of Progress. 1918.

В английском рабочем движении господствуют в течение всего XIX в. проблемы профессионального об'единения и вопросы рабочего законодательства и охраны труда. Только в самое последнее время возникли новые течения, которые стремятся за пределы этих вопросов к активному участию рабочих в хозяйственном и хозяйственно-политическом руководстве самой промышленностью.

В начале XIX века в Англии еще господствовало всеобщее отрицательное отношение к рабочим союзам, которые рассматривались, согласно усвоенному однажды антимонополистическому правовому чувству, как заговоры против индивидуальной свободы. В обширном и мастерском описании **Брентано** изобразил возникновение общей идеи профессионального об'единения в виде „современных гильдий“ и обрисовал борьбу, которую рабочим в Англии пришлось вести за них. Во всяком случае Англия была все же первой страной, признавшей принцип свободы союзов и право профессиональных об'единений на существование и установившей в 1824 г. свободу коалиций.

Профессиональные союзы развились в Англии сильнее, чем в каких бы то ни было других крупно-индустриальных странах. Позднее особенно сказалось преимущество их единства и национальной замкнутости в сравнении с разделенным по различным социалистическим и даже вероисповедным признакам германским движением. Число членов профессиональных союзов равняется в Великобритании и Ирландии по новейшим данным 8.084.000 [1]). Впрочем, особенно если вспомнить современные забастовочные движения, менее существенным покажется повсеместная организованность в профессиональные союзы большого процента рабочих, чем вхождение в профессиональные организации больших и насущно необходимых отраслей промышленности, как это ныне повсюду имеется в Англии. В горнозаводском деле, в машиностроительной, металлической и текстильной промышленности почти все рабочие организованы теперь в профессиональные об'единения. Всего труднее была организация некоторых слоев необученных рабочих (так-называемых unskilled workmen), как, например, столь важных для Англии доковых рабочих (грузчиков); но и тут профессиональное движение, особенно после успешного восстания доковых рабочих в 1889 году, делало постоянные успехи. Здесь невозможно говорить о деталях организации профессиональных союзов, но нужно только напомнить, что местные об'единения различных профессиональных организаций, Trades Councils, и еже-

---

[1]) Эта цифра относится к 1920 г. Ныне, в результате промышленного кризиса 1920—23 гг. и значительного числа безработных, не могущих платить членских взносов, число членов тред'юнионов сократилось на 20—25%.

Прим. редакции.

годно собирающийся импозантный конгресс трэд'юнионов (Trade Unions Congress) являются тем организационным средством, при помощи которого профессиональные союзы уже в течение нескольких десятилетий приобрели огромное влияние на все общественное мнение Англии.

Так же рано, как и професиональное движение, сказались в Англии успешные попытки смягчить всевозможными мерами и организациями конфликты, постоянно возникавшие из столкновения организованных интересов предпринимательских союзов, с одной стороны, и професиональных союзов, с другой, и приводившие народное хозяйство к тяжелых потрясениям. Именно в этом проявился здравый смысл англичан, постоянно стремившихся к такому разрешению конфликтов, которое бы по возможности удовлетворяло практическим потребностям, не будучи стеснено принципиальными предпосылками. Таковы прежде всего **примирительные камеры** английского происхождения. Инициатором их является английский крупный промышленник Мэнделла (Mundella): равноправные представители работодателей и рабочих обсуждают спорные случаи, периодически устанавливают на ближайший период заработную плату и прочие условия, касающиеся труда, и пытаются уладить все спорные случаи рабочего права, которые им передаются. Возникновением подобной же системы, только расширенной созданием беспристрастного третейского судьи, мы обязаны также англичанину, **Руперту Кеттлю** (Rupert Kettle). Также важна тоже впервые испробованная в Англии система **третейского суда**, который в противоположность примирительным камерам приступает к действию только тогда, когда забастовка или локаут становятся неизбежны. Целью всех переговоров между предпринимательскими союзами и профессиональными об'единениями является при этом возможно полное разрешение спорного вопроса, т.-е. возможное воспрепятствование его вторичному возникновению. Поэтому стремятся к твердому договорному соглашению обеих сторон, в форме так называемых **тарифных договоров**. Они тоже давно введены в Англии, где уже в первой половине XIX века возникали соглашения для целых отраслей промышленности. К этим общим организационным завоеваниям английских рабочих в целях достижения того, что обычно называется „industrial peace“ (промышленный мир), присоединяется затем ряд приемов и методов, которые должны влиять примиряюще в отдельных спорных случаях рабочего права.

Вспомним прежде всего так называемую статью о **справедливом вознаграждении**, fair wage clause, которую лондонские книгопечатники провели уже в 1884 г., и заключающуюся в том, что при сдаче подрядов на общественные работы в договоры включается параграф, согласно которому при всяких обстоятельствах должна быть уплачена приличная заработная плата, что достигается определением органами власти минимальной заработной платы. В начале нового столетия 478 английских общин пользовались этой статьей. Подобной же мерой является указанное определение минимальной платы. Оно также возникло первоначально из порядка, принятого общественными учреждениями, когда они сдавали работу, как, например, военным, морским ведомством и городскими управлениями. Затем делались опыты со скользящей скалой заработной платы, которая автоматически понижала и повышала вознаграждение рабочих соот-

ветственно ценам продуктов,—система, впрочем, распространенная до 1912 г. приблизительно только на 63.000 рабочих.[1])

К регулированию заработной платы присоединились постановления, касающиеся **рабочего дня.** И в этом Англия перегнала все остальные страны. Согласно утверждениям обоих Веббов (Webbs), лучших знатков английского рабочего вопроса в прошлом и теперь, рабочий день в Англии длился в начале XIX века с перерывами 12 часов, или фактических $10^1/_2$ час. В 1813 г. в лондонском строительном деле, а в 1836 г. в лондонском машиностроении был уже введен 10-часовой рабочий день. В 40-х годах началось движение за 9-часовой день, проведенный только в 1871 г. На ряду с этим существовало сильное движение за превращение субботы в полурабочий день. Уже в 1861 г. была фактически установлена в Лондоне работа в субботу до 2 часов, а позднее в отдельных производствах—до 12 часов дня. В период с 1889 по 1897 гг. не менее как на 500 фабриках был принят 8-часовой рабочий день. Именно свободное после обеда субботнее время дает английскому рабочему особую возможность отдохнуть и развлечься, тем более, что английские железнодорожные общества решили ввести так называемые „week-end-tickets" (билеты на конец недели), дававшие возможность проехаться за совершенно ничтожную сумму на взморье или в деревню. Особенно заботливо были всегда установлены в Англии перерывы работы для отдыха; они определены законом и должны точно соблюдаться предприятиями.

Таким образом, организация наемного труда в Англии покоилась на рабочем договоре, делавшемся с течением времени все более устойчивой его основой, способствовавшей благожелательным переговорам сторон и сделавшей ожесточенную борьбу за заработную плату и условия работы более редкой. Это можно прямо утверждать относительно Англии в период с конца XIX и до первого десятилетия XX века включительно. Так ланкширские ткачи не имели с 1893 г. ни одной действительно значительной забастовки; последняя большая забастовка в английской каменноугольной промышленности была также в 1893 году; английские машиностроительные рабочие не имели с 1897/98 г., когда они выдержали полугодовую забастовку, больше ни одной крупной забастовки. Если принять во внимание возникновение обширного законодательства об охране труда, также раньше и решительнее, чем в других странах, пробившего себе дорогу в Англии, о котором мы будем говорить ниже, то станет понятно, почему там не могло укрепиться настоящее социалистическое движение. В то время как в других странах у рабочих выработалось представление о существующей в принципе „антисоциальной" тенденции капиталистического хозяйства и требование устранения последнего и революционного преобразования всей хозяйственной организации охватило там широкие массы, английский рабочий стоял до сих пор на точке зрения народного хозяйства, основанного на разделении труда и на неограниченной по возможности конкуренции. Все, к чему стремилось социальное движение, проистекало из жела-

[1]) В последние годы перед войной, в период значительного роста цен и особенно после войны, эта система получила весьма широкое распространение, так что в 1921 г. ею были охвачены св. $1^1/_2$ миллионов рабочих.

Прим. редакции.

ния социальной реформы и эволюции, благоприятной для рабочих интересов, но ни в коем случае не революционизирования основ хозяйства с устранением предпринимательской прибыли. Поэтому в то время как немецкие социальные теоретики, как **Маркс**, **Энгельс** или **Лассаль**, заимствовали свои революционные принципы и постулаты из книг классической политической экономии и из них вывели теории обнищания, как, например, закон фонда заработной платы [1]) или железный закон заработной платы в Англии, эти следствия не только не были выведены, но и немногие значительные социалисты, как **Оуэн**, не могли обеспечить себе там широкого или продолжительного народного сочувствия.

Единственным, действительно революционным движением, которое Англия имела в XIX веке, был **чартизм**. Это движение, исходившее в 1838 г. от одного лондонского рабочего союза, совпало с известным нам временем наихудших социальных условий, какие только Англия знала до сих пор. Оно не удовлетворилось средствами мирной пропаганды и убеждения, но попыталось достигнуть революционных целей активным действием, грабежами, поджогами и сильнейшей агитацией за всеобщую забастовку. Экономические вопросы оставались при этом, правда, на заднем плане, в то время как вперед сильнее выдвигались избирательные и политические вопросы, но они составляли по существу доминирующий элемент движения. Последнее было все же и неуспешно и непродолжительно.

Парламентский дух слишком развился в Англии, убеждение, что требования масс не могут быть на долго подавлены жестокостью и силой, слишком укрепилось в сознании всех политических деятелей, чтобы не было своевременно признано, что эти революционные течения могут быть успокоены только предупреждением их. Позиция радикальных элементов казалось все более поколебленной, по мере того, как после 1846 года усиливались социальные реформы и консервативно-аграрная партия под руководством **Биконсфильда**, **Шефстбюри** и других также начала вступать на социально-реформаторский путь, отчасти чтобы лишить преобладания манчестерских сторонников свободной торговли и отомстить предпринимателям за уничтожение хлебных пошлин.

К этому присоединилось то обстоятельство, что все больше укреплялось другое движение социально-реформаторского характера, которое беспощадно и с полной откровенностью вскрывало социальные недостатки, но было вместе с тем гораздо ближе либерально-демократическим чувствам англичан, чем какая-либо партия революционного действия, это именно—**христианский социализм**. Это движение, возникновение которого связано с именем **Карлейля**, носило с самого начала, благодаря подчеркиванию идеалистически-религиозных моментов, реформаторский характер, во всяком случае не предполагавший революционизирования мира на основе механического распределения. Таким же образом и новейшие социально-политические деятели, и именно крупнейшие между ними, были в

---

[1]) Это явное недоразумение. Ни один из указанных теоретиков социализма ничего общего не имел с теорией фонда заработной платы; больше того все они резко критиковали ее, как явно антисоциалистическое построение буржуазной экономики.

Прим. редакции.

лучшем смысле слова реформаторами, как, например, преждевременно умерший **Арнольд Тойнби** (Arnold Toynbee), которому обязано движение в пользу образовательных поселений (Toynbee-Hall), и **Чарльз Буус** (Charles Booth), многотомный труд которого „Labour and Life of the People" (Труд и жизнь народа), стал классическим для изучения положения английских рабочих и сделался источником для возбуждения различных важных вопросов.

Однако с 80-х годов в Англии стало заметно появление социалистических движений, которые совпадали большей частью с отдельными острыми кризисами того времени, с ростом безработицы и одновременным сильным увеличением жажды роскоши и наслаждений среди некоторых богатых кругов столицы. Одно время возникла даже „социал-демократическая федерация". Однако это движение стало более значительным лишь в начале 90-х годов, когда оно приобрело активное политическое влияние благодаря основанию **Независимой Рабочей Партии** (Independent Labour Party), давшей в последнее время известных и довольно влиятельных парламентариев, как **Джон Бернс, Гендерсон, Рамзей Макдональд, Шекльтон** и многие другие. Все же и эта партия, нашедшая моральную поддержку в **Фабианском обществе** и в супружеской чете **Сиднея и Беатрисы Вебб**, далека от того, чтобы быть социал-демократической в современном „континентальном смысле". Это скорее определенно „рабочая" партия с ясной целью улучшения положения рабочих и разрешения проблемы нищеты и безработицы путем широких радикальных реформ. Средствами для этого считаются сильное прямое обложение и постепенный переход в государственное или коммунальное управление различных важных частных хозяйственных предприятий, как железные дороги, газовые и электрические заводы, средства сообщения. В Англии эти меры казались очень „социалистическими", между тем как в Германии они почти без трений вмешались в современный процесс вполне естественного расширения функций старого бюрократического государства. Сильная оппозиция континентальных социал-демократов против существующего государственного строя и политических учреждений совершенно отсутствует в английском рабочем движении. В нем почти нет больше речи о завоевании особых демократических свобод, о сопротивлении влиянию короны или военных сфер. С другой стороны в Англии сумели также своевременно уничтожить для рабочей партии, считавшейся сначала в парламенте „пролетарской", одиум буржуазного крещения, сделав ее главного вождя **Джона Бэрнса** министром и ослабив этим опору ее оппозиции.

Но отсюда возникло новое рабочее движение, которое может быть больше всякого другого, бывшего до сих пор в Англии, движения будет способствовать преобразованию существующей системы заработной платы и рабочего договора. Это движение возникло преимущественно среди рабочих крупно-индустриальных производств и было вызвано или ускорено событиями войны. Главный орган для изменения условий труда образуют так называемые Works Committees, или заводские комитеты (заводские советы) и назначенные ими лица, так называемые Shop Stewards (фабричные старшины). Заводские комитеты возникали часто уже до войны, и теперь, когда в Англии начинают ими интересоваться, выясняется даже, что прототип их имеет большую давность, чем профессиональных союзов. Заводские комитеты являются организациями рабочих отдельных заводов

или мастерских (в первом случае они называются Works Committees, во втором—Shop Committees), которых задачей должно быть: a) обсуждать в качестве индустриальных комитетов (Works Commitee в более тесном смысле) специальные и индивидуальные вопросы, касающиеся условий труда и высоты заработной платы, между тем как большие, основные вопросы предоставляются окружным и общенациональным рабочим организациям; b) в качестве комитетов, заботящихся о благополучии рабочих (Welfare Committee) влиять на гигиенические и санитарные условия на фабрике и, наконец, c) заботиться в качестве общественного комитета (Social Union) об образовании и об увеселениях для рабочих на соответствующих заводах и в мастерских.

Другими словами: эти комитеты, которые известный доклад судьи **Уитли** (Whitley) рекомендовал в качестве основы новой организации труда (основанием для того был парламентский доклад этого комитета премьер-министру Ллойд-Джорджу от 18-го октября 1917 г.), являются некоторым образом маленькими рабочими парламентами в пределах больших общенациональных и окружных профессиональных организаций. В то время как другое законодательное нововведение предусматривает образование так называемых **Промышленных Советов** (Industrial Councils) для всей страны (National) и отдельных округов (District), с которыми заводские комитеты должны находиться в тесном соприкосновении, последние сами существуют для того, чтобы следить за конфликтами на фабриках, при случае устранять их, принимать и обсуждать жалобы рабочих, содействовать возбуждению различных вопросов. Доклад, подписанный первым **Дж. Уитли**, считает, что с точки зрения социального мира эта система местного регулирования имеет большие преимущества. „Мы смотрим на заводские комитеты, как на широкий базис для промышленного развития, и считаем их средством возбуждения интереса рабочих как к успеху той отрасли промышленности, к которой они принадлежат, так и к той фабрике, на которой им приходится проводить столь большую часть своей жизни. Рабочие заводских комитетов должны бы были постоянно думать об организационном об'единении соответствующей отрасли промышленности. Возбуждение вопросов, касающихся разного рода улучшений, должно бы было приветствоваться и они должны бы были откровенно обсуждаться. Практические предложения должны были бы рассматриваться со всех точек зрения. Существует масса неразвитых организационных сил, которые могли бы быть полезны как промышленности, так и государству и которые ждут возможности применения. Новые и старые проблемы найдут свое разрешение в открытом сотрудничестве общих знаний, опыта и во взаимной благожелательности. Заводские комитеты не исполнили бы своей роли, если бы они ограничились только удовлетворением жалоб“.

Предпринимателям же комитеты Уитли были рекомендованы в следующих словах: „Мы считаем успешное развитие и использование заводских комитетов на каждой фабрике, как оно рекомендуется в нашем докладе, таким же важным, как коммерческие способности и умение применять научные достижения. Мы придерживаемся того мнения, что в каждом отдельном случае один из участников или из директоров, или какое-либо другое ответственное лицо из правления должно было бы посвящать значительную часть

своего времени и своих забот успешному функционированию и развитию этих комитетов".

Персональными представителями этих заводских советов были так называемые **Shop Stewards** (фабричные старшины). Они были в общем и раньше представителями профессиональных союзов в отдельных производствах, где их и называли, — что характерно для их деятельности,—фабричными делегатами, сборщиками и комитетчиками. Когда они со своей стороны составляли об'единения, то последние назывались „Надзирающими или наблюдающими Комитетами" этих цеховых старшин. Во время же войны вместе с распространением фабричных комитетов сильно увеличилось и влияние этих цеховых старшин, так как они являлись настоящей действующей силой и основой этих комитетов.

Было во время войны два обстоятельства, необычайно укрепивших положение Shop Steward'ов: во-первых, запрещение забастовок, подвергавшее представителей профессиональных союзов прямой опасности уголовного преследования и этим способствовавшее разрешению спорных вопросов местными представителями рабочих на самих фабриках, и, во-вторых, во время войны возник ряд вопросов, разрешение которых было теснейшим образом связано с возникшими в то время различиями в условиях отдельных производств и которое поэтому также ближе касалось местных организаций, чем окружных и общегосударственных. К этим вопросам принадлежала проблема „dilution" (разбавления), т.-е. замены мужского труда женским, по мере производимых военным ведомством мобилизаций; затем вследствие необходимости увеличить производительность снова возник спорный вопрос о системе заработной платы, при чем решающую роль играла борьба за сдельную плату или плату по времени, так как во многих отраслях промышленности выявилось отрицательное отношение к сдельной плате; далее особые подкомиссии этих заводских комитетов возникли, чтобы урегулировать и следить за вопросом „Time Keeping'a", т.-е. о внутреннем строении рабочего дня, так как значительно участились случаи небрежности заводских служащих и отсутствия рабочих на месте работы, особенно в рудничных округах, как Клевелэнд и Дэрхам. Наконец, война и военное хозяйство вызвали в Англии, как всюду, ряд проблем материального благосостояния и поддержки, как, например, борьба с переполнением фабрик, учреждение столовых и продовольственной помощи, организация вспомоществования воинам на позициях и многие другие. Совокупность этих вопросов требовала разрешения, которое бы последовало быстро и соответствовало бы практическим и идейным потребностям рабочих на фабриках и в предприятиях и таким образом участие Shop Steward'ов и привлечение к фабричному производству Works Committees стало неизбежно. Возник род выборного управления фабриками со стороны вождей рабочих, что, впрочем, означало уже в принципе, не говоря о действительности, нечто совершенно иное, чем имевшееся до тех пор влияние профессиональных союзов, которые, хотя они и разрешали общие вопросы, не касались так непостредственно отдельных, до известной степени „интимных" обстоятельств фабричного производства или предприятия.

Нас завело бы слишком далеко, если бы мы стали детально описывать разнородные типы и формы этих заводских комитетов,

способ избрания их членов (всякие ли рабочие или только цеховые старшины, обученные ли или необученные рабочие и т. д. входят в них) и их функции. Это сделано в названном докладе в марте 1918 года и из него следует, что как форма организации, так и функции ее до сих пор безусловно различны в разных отраслях промышленности. Никаких особых трудностей здесь не предвидится и можно считать, что из заводских комитетов постепенно выкристаллизуется определенная форма организации. Напротив, отношения этих заводских комитетов к профессиональным союзам составляют важнейшую и трудно разрешимую проблему. Вполне вероятно, что между ними легко может возникнуть конфликт и хотя названный доклад по понятным причинам (так как он высказывается в пользу распространения заводских комитетов) считает, что это неверно, но все же выяснилось уже, что заводские комитеты хотят быть большими „папистами", чем сам „папа". Какую форму конфликты примут на практике, т.-е. в случаях разногласий центральных рабочих организаций и заводских комитетов, может выяснится позже и зависит прежде всего от силы отдельных комитетов.

Но уже теперь можно сказать, что английское рабочее движение вышло с этой новой формой организации из стадии общего регулирования центральными органами положения рабочих отдельных отраслей промышленности и перешло к вмешательству в условия различных предприятий местных органов. Другими словами: оно стремится приобрести влияние на устройство и вследствие этого косвенно также на ход дел отдельного предприятия. Само собой понятно, что от отдельных вопросов, как, например, большего использования машин, сверхурочной работы, возможности увеличения заработной платы и т. д., остается только небольшой шаг до внутренних вопросов производства, тем более, что сфера деятельности этих заводских комитетов, по словам самого английского Министерства Труда, „indefinite", т.-е. не ограничена какими-либо пределами.

Однако не только до известной степени изнутри растет стремление рабочих к постепенному контролю над отдельными отраслями промышленности и их производством. Может быть установлено, что в связи с экономическими следствиями мировой войны делает успехи мысль о „**социализации**" целых отраслей промышленности, независимо от преимущественно организационного движения заводских комитетов. Это особенно заметно в горном деле. Здесь несомненно уже ныне, более чем где бы то ни было, ограничена свобода действий предпринимателя. Закон о горно-заводской промышленности 1920 г. (Mining Industry Act) установил новый орган, так называемый (Горный департамент) Mines Department, который образуется в виде смешанной комиссии для отдельных рудничных округов и исполняет также функции третейского суда. Эти окружные представительства (Area Boards) сильно влияют на промышленную жизнь. Они могут делать „предложения о вознаграждении рабочих соразмерно доходам производства". В каменноугольной промышленности уже проведено значительное ограничение предпринимательской прибыли. Основываясь на условиях военного времени, английское правительство ввело в ней систему запрета, которая ограничивала прибыль шахтовладельца твердо установленными нормами. Непосредственно после окончания войны условия

рынка заставили установить максимальные цены внутри страны, и так как одновременно возникли требования большого повышения заработной платы, то был введен государственный контроль над каменноугольной промышленностью, после чего, с одной стороны, установили указанные максимальные цены, с другой—повысили вывозную цену угля, и таким образом, выяснив прибыль, путем общего государственного учета ее, сумели удовлетворить требования рабочих. Когда же цена угля на мировом рынке снова упала, этот угольный контроль оказался в высшей степени нерентабельным предприятием и 31 марта 1921 г. максимальные цены и контроль были снова уничтожены.

Английские рабочие протестовали против уничтожения всяких ограничений в вопросах сбыта и установления заработной платы величайшей забастовкой, какую только переживало до сих пор английское хозяйство (апрель—июль 1921 г.); они требовали ни более ни менее как социализации рудников, согласно которой собственник должен был гарантировать выдачу заработной платы прежде, чем вообще предпринималась выплата прибылей и, главное, согласно которой вместо определения заработной платы по округам устанавливалась единая для всего государства оплата шахтеров. Для достижения этого предполагалось соединение прибылей всех рудников (говорилось про pool) и содержание менее доходных рудников за счет других, работающих с меньшими издержками. Ясно, что это означало бы полный отказ от принципа свободного соревнования. Рабочие надеялись избежать таким путем, с одной стороны, дифференциации заработной платы в хуже и лучше работающих предприятиях, а, с другой стороны, избежать увольнения рабочих и сокращения работ в зависимости от доходности разработок. На этом примере видно, как сильно борьба за заработную плату отражается теперь на коммерческой структуре отдельных отраслей промышленности. В этом заключается основное отличие от прежнего профессионального движения, в котором рабочий и предприниматель стояли со своими взаимными требованиями и соглашениями до известной степени вне частнохозяйственных, коммерческих рамок, и борьба происходила вокруг тех вопросов заработной платы или условий труда, которые одна из этих сторон могла провести или на какие она могла согласиться путем переговоров или забастовки. Теперь рабочие исходят в своих требованиях из хозяйственного положения предприятия или промышленной отрасли и, смотря по ее состоянию, требуют урегулирования заработной платы и труда уже не только в зависимости от соотношения сил профессионального союза, с одной стороны, но и союза работодателей—с другой.

Этот процесс, конечно, значительно усилился благодаря тяжелым условиям, которые явились наследием мировой войны и которые создали возможность рабочим осуществить свои требования. Прежде всего необходимо было урегулировать несоответствие между заработной платой и ценами на продовольствие. В начале 1921 г. „Labour Gazette“ (Рабочая Газета) устанавливала, что стоимость жизни (пища, наем квартиры, одежда, отопление, освещение) поднялась по статистическим сведениям с июля 1914 г. по январь 1921 г. на 181% в больших и на 175% в средних городах, но эти цифры были в своей совокупности еще далеко не верны, так как именно

отдельные очень важные для рабочего обихода товары поднялись в цене гораздо выше средних цифр, которые уравнивали в количественном отношении важные и не важные для рабочего предметы. Так, например, молоко подорожало на 202%, сало на 197%, яйца на 359%. Заработная плата, как это всегда бывает, не повышалась пропорционально увеличению стоимости жизни. Хотя абсолютный рост заработной платы был очень велик, положение рабочих все же заметно ухудшилось с дальнейшим вздорожанием в 1920 г. важнейших предметов потребления. „Labour Gazette“ сообщала: „фактически недельная заработная плата была во многих отраслях промышленности к концу 1920 г. значительно ниже, чем в начале года“. Пытались обращаться к аппарату заводских комитетов, поднять этот вопрос при помощи Уайтлевского Комитета и многократно переходили к установлению автоматической связи между заработной платой и стоимостью жизни при помощи так называемой скользящей или повышающейся скалы. Для этого устанавливаются особые индексы стоимости жизни (смотри вышеназванные процентные цифры) и заработная плата повышается и понижается в процентном отношении к определенному основному окладу (относительная система) или путем выдачи твердых прибавок к заработной плате, соответствующих изменению индекса на каждые 10 пунктов, или смотря по тарифному договору. В начале 1921 г., по сведениям министерства труда, уже 1½ мил. рабочих получали заработную плату по этой системе, при чем эта цифра включает не все случаи, но большинство их.

Но несмотря на эти нововведения и на то, что позднейший закон, так наз. Акт Промышленной Палаты 1919 г. (Industrial Court Act) существенно расширил деятельность третейского суда, Англия все же после длинного ряда лет снова пережила ожесточенную борьбу рабочих. Благодаря забастовкам в 1918 г. пропало 6,3 милл. рабочих дней, в следующем году это число равнялось уже 35 милл. и еще в 1920 г. 27 милл. Мировая война и ее окончание поставили на очередь чрезвычайно важные социальные проблемы как у победителей, так и побежденных. В Англии это произошло в тот момент, когда военная организация хозяйства распалась, при чем последствия происшедшего тогда полнейшего изменения условий — высокие цены продовольствия, развитие женского труда, следствия демобилизации и т. д.—не могли быть сразу упорядочены. В годы войны накопилось, однако, достаточно горючего материала, чтобы обострить единичные конфликты, возникавшие в связи с условиями отдельных производств, которые в совокупности привели к совершенно новому, решительному преобразованию рабочего вопроса. Несомненно, что с 1914 г. изменилось как положение организованных рабочих в производстве, так и цель рабочего движения Англии. Вмешательство в деловую сторону фабричных предприятий, влияние на чистую прибыль и контролирование цен, парламентаризация заводов, начало социализации горного дела при исключении свободной конкуренции и свободы действий предпринимателя—все эти явления, хотя может быть, еще единичные и отчасти еще не оформленные, отличаются от прежнего рабочего, чисто профессионального движения. Как далеки мы от нового социального движения в Англии, насколько оно со своей стороны может принять политический характер, которого до сих пор английский рабочий вопрос не имел, это покажут лишь ближайшие годы и события.

Глава XII.

Охрана труда и социальное призрение.

Литература из главы XI. Кроме того: **Eden**, State of the Poor. 1797.—Minority Report of the Poor Law Committee, 1909.—**Aschrott**, Das engliche Armenwesen, 1886.—**E. M. Leonard**. The History of English Poor Relief, 1900.—**W. Dibelius Ch. Dicheus**, 1916 (гл. III).

Англия была также первой страной, введшей учреждения и законы по охране труда, может быть потому, что после уничтожения старой принудительной организации труда ею был приобретен в рабочем вопросе при проведении системы Laissez-Faire ужасающий социальный опыт. Мы имеем многочисленные и потрясающие описания от 20-х и 30-х годов, восходящие уже, впрочем, к концу XVIII в., когда фабрики были перенесены в города из богатых водяной силой сельских долин, в которых были все же сносные условия жизни и труда. Детский и женский труд, вечерняя работа в шахтах и рудниках, полнейшее отсутствие санитарного надзора и охраны от увечий при несчастных случаях, казалось, подтачивали существование всей нации. Поэтому рано начало развиваться рабочее законодательство. Первым законом об охране труда в Англии является закон 1802 г., который был издан сначала как „закон для охраны здоровья и нравственности учеников на хлопчатобумажных фабриках“, а позднее был распространен на всю текстильную промышленность. В 1833 г. были назначены инспектора для точного проведения его. Он касался сначала лишь рабочей молодежи, затем с 1844 г.—и лиц женского пола старше 18-ти лет; с течением времени сфера его применения все расширялась (также и на ремесленные производства), пока в 1878 г. не была проведена кодификация законов, разбросанных по разнообразнейшим отраслям промышленности, в единый закон о фабриках и мастерских. К охране детей и женщин прибавились упомянутые уже в другой связи ограничения рабочего времени, определение максимального рабочего дня, далее постановления о воскресном труде, ночной работе и о перерывах для отдыха. К этому присоединяются постановления об охране личности рабочего, устанавливающие ответственность предпринимателя и соответствующую санкцию, как, напр., закон 1897 г.

Особенно важно было проведение этих законов в порядке надзора через фабричную инспекцию, которая также существовала в Англии, как указывалось, уже с 1834 г., но была введена повсеместно только после названного кодифицирующего закона 1878 г. Женщины-инспектора были, впрочем, введены сначала во Франции и только в 1893 г. в Англии (в Германии—впервые в Гессене в 1898 г.).

В общем можно сказать, что английские законы об охране труда, хотя и рано созданные, незначительно отличались и отличаются от законов других стран, как и вообще однородность этих законов вызвала в этой области раньше, чем в других, мысль о международном регулировании. Наоборот, английское социальное законодательство относилось долгое время отрицательно к другой группе мероприятий социальной охраны, именно к идее **государственного**

страхования и принуждения в страховании рабочих. Фактически обстоятельства первой половины XIX века неоспоримо доказали, что отдельный рабочий нуждался в особой государственной охране вследствие своей экономической слабости по сравнению с предпринимателем и вследствие особенной природы „труда“, как деятельности, неотделимой от тела того, кто его продает. Даже манчестерский либерализм должен был согласиться на изменение своих воззрений о том, что для „рабочего договора“ нужна только одна свобода. Все же старое либеральное, индивидуалистическое представление о личной ответственности каждого человека было сохранено для всех случаев, когда дело шло о будущей охране здоровья, предупреждении старости и инвалидности и прежде всего об уничтожении опасности безработицы. Там, где не было налицо никаких непосредственных опасностей, но речь шла только об устранении грядущих забот и страданий, думали, что возложение на государство или официальные органы обязанностей призрения ослабит чувство личной ответственности каждого отдельного лица, его бережливость и тем самым его экономическую полезность. Поэтому в Англии не нашел признания принцип принудительного страхования, установленный в Германии социально-политическим законодательством с начала 80-х годов. Поддержка больных, пострадавших от несчастных случаев, инвалидов и безработных совершалась преимущественно путем самопомощи, а именно широко организованным страхованием профессиональными союзами и основанием свободных рабочих касс взаимопомощи (Friendly Societies).

Только в начале нового столетия началось и здесь изменение взглядов и стали прокладываться пути к принудительному государственному страхованию. Впрочем, последнее и теперь еще во многом отличается от континентального образца. Из совокупности этих вопросов больше всего споров вызывало страхование от безработицы, впервые решительно урегулированное законом о безработных 1905 г. (Unemployed Workmen's Act); руководящее значение в этой области имеет ныне закон о страховании безработных 1920 г., Unemployed Insurance Act, согласно которому расходы по страхованию делятся между рабочим, работодателем и государством. Введение страхования от несчастных случаев и болезней последовало между 1911 и 1916 гг., страхование от инвалидности установлено двумя законами—1908 и 1911 гг.

Вместе с тем вопросом о страховании безработных затронута вся проблема труда, поскольку она не касается вдов, сирот, калек или вообще непригодных по состоянию здоровья. Эта проблема „пауперизма“ играла с самых ранних времен английского хозяйственного развития существенную роль в публичных обсуждениях. Кажется, что здесь дело касается социологического явления, специфически присущего английской жизни. Кто бродил перед войной по улицам Лондона или других английских больших городов, замечал с удивлением и содроганием попадающихся везде безработных,— ободранные, несчастные и изнуренные фигуры,—которые все же никак не производили впечатления будто они только недавно очутились в этом несомненно жалком положении, и про которых все говорили, что их трудно извлечь из него. Название—unemployable (не работающий) играет в Англии наряду с unemployed (безработный) важную роль, в то время как на континенте понятие не желающего работать

почти не известно. Достойно внимания, как исторически далеко восходит это понятие.

В течение всего XVII века жалуются на „vagrants“, бродяг и бездельников, и закон за законом издается против лиц, не желающих работать. Самые понятия „трудоспособного нищего“ (able-bodied pauper) и „трудящегося бедняка“ (labouring poor), встречающиеся в это время, говорят о таком сочетании „труда“ и „бедности“, которое не известно другим странам в качестве постоянной характеристики целого класса. Об „unemployables“ того времени **Дефое** пишет в одном сочинении: „Люди, не желающие работать, а не те, которые не могут работать, составляют большую часть наших бедных“. Законодательство королевы Елизаветы и ее преемников тоже отличало уже бедных, „способных к труду“, от неспособных и ввело целый ряд мероприятий и учреждений для того, чтобы снова привлечь к труду, способных к нему. Известный закон королевы Елизаветы о бедных 1601 г., содержащий, между прочим, и первые упоминания об образовании парцеллированных участков для безземельных сельскохозяйственных рабочих, создал широкое призрение трудоспособных бедных, не имевших занятий; тогда уже многократно настаивалось и на устройстве общественных работ для безработных. Центральным исполнительным органом для этих постановлений являлся „Высокий Совет“ (High Council), который все же образовывал особые местные комитеты (называвшиеся уже тогда Committees) для проведения своих постановлений и дополнительных распоряжений.

Согласно новейшим исследованиям **Леонарда**, при Карле I господствовало широкое и в разнообразных формах проводившееся призрение рабочих и бедных. Тогда был проведен весь закон Елизаветы о бедных. Целью его являлось денежное обеспечение неспособных и доставление работы способным к труду. Новейшие английские социально-политические деятели видят в государственном призрении, основанном Елизаветой и ее непосредственными преемниками с целью разрешения вопроса о безработных, и в испытанной тогда административной системе идеал, не достигнутый еще и теперь. „Во время правления Карла I,—пишет **Леонард**,—был не только действительно целиком проведен закон Елизаветы о бедных, но была проведена и более полная организация поддержки слабейших классов, чем в какой бы то ни было другой период английской истории“.

Патриархально-автократическая система экономической политики абсолютной монархии, так часто в истории необычайно рано проявляющая социальные черты, распалась в тот момент, когда власть перешла к Кромвеллю и при пуританах возобладали совершенно иначе сложившиеся воззрения на хозяйственную жизнь. Если при Карле I близкая к католицизму англиканская церковь оказывала значительное влияние на организацию призрения рабочих и бедных,—архиепископ Лоуд персонально участвовал даже в местном комитете в Линколншайре,—то пуританизм принципиально отрицал призрение бедных по образцу существовавших до тех пор законов. Как успешная и доходная деятельность была для настоящих кальвинистов явным знаком божественного избранничества, так бедность, как мы уже излагали выше, считалась клеймом отверженности, а безработица—следствием прегрешения. Мы уже раньше

цитировали слова Гартлиба, друга Мильтона, а Виллиам Петти несколько позднее прямо доказывал, что в высшей степени нецелесообразно давать что-либо нищим, „так как закон природы не дает никому погибнуть с голоду, если есть возможность пропитания“ (см. выше, гл. III).

На место благотворительности стало суровое и трезвое отношение к рабочему вопросу и бедным. Если даже было верно, что слишком широкая помощь поддерживала порой бродяжничество, то все же обобщение этого, как и вытекавшие отсюда асоциальные, часто даже антисоциальные взгляды и практика были ошибочны. Именно из этих пуританских взглядов проистекало в те времена раннего капитализма учение, что высокая заработная плата означает низкую производительность труда, и, наоборот, низкая заработная плата, так как она действует стимулирующе на труд,—высокую производительность; это учение оказалось в XIX веке в результате именно английского опыта априорным и неверным, но и оно являлось лишь выражением взгляда, который усматривал в труде воспитательное и дисциплинирующее средство, предназначенное для исправления лени и бесхозяйственности. При этих обстоятельствах понятно, что революция Кромвеля дала два нововведения: во-первых, ограничение подлинного попечения о бедных вдовами, сиротами, калеками и т. д., т.-е. „настоящими“ бедными, во-вторых же, наоборот, решительные мероприятия для уничтожения безработицы с устранением всех существовавших до тех пор мер поддержки в случаях, не вызванных собственной виной. На бедность смотрели, по сильному выражению историка **Кэннингэма** (Cunningham), как на „преступление“. Следствия этого взгляда сказались в явлениях материального характера. Прежде всего были устроены „**Рабочие дома**“— система призрения бедных, сохранившаяся в Англии еще до сих пор и своим названием указывающая на воспитание к труду.

Рабочие дома связаны с именем **Фирмина**, рекомендовавшего их в 1678 г. в одном сочинении; в 1723 г. они были введены особым законом и удержаны в известном законе о бедных 1834 г. В этой рабочей тюрьме безработный, которого считали виновным в его безработности, должен был силою угроз и жизни, полной лишений, приохотиться снова к труду и научиться предпочитать даже самые плохие условия вне рабочего дома пребыванию в нем. Под влиянием рабочих домов и суровости их надзирателей, суммы, которые выдавались на управление сборами в пользу бедных, упали (несмотря на сильный рост населения) с 819.000 ф. ст. в 1689 г. до 689.000 ф. в 1750 г. Затем, чтобы не превратить богатые общины в пристанище для бедных, и в целях удаления нежелательных безработных из промышленных округов, помощь была связана Актом о Переселении (Settlement Act) с сокращением срока жительства в них, в то время как закон королевы Елизаветы, направляемый гораздо более глубокой социально-политической мыслью, декретировал жительство по месту оказываемой помощи. Это привело к высылкам неимущих, к препятствиям по в'езду бедным и к переполнению бедными, имеющими право приписки, тех мест, где не было достаточно работы. Весь этот подход к проблеме бедности часто прямо соответствовал интересам капиталистического предпринимателя, для целей которого пуританские учения были вообще очень удобны. В Шотландии был, например, издан в 1663 г. закон, уполномачивавший предпринима-

телей при желании в течение 11 лет держать на работе бродяг без заработной платы, а только за содержание и одежду.

В течение XIX в., особенно же в последние десятилетия перед мировой войной, проблема безработных, прежних labouring poor, или бедных, способных к труду, все настойчивее требовала своего разрешения. Несмотря на это, чтобы сделать здесь возможным настоящее социальное призрение, нужно было прежде всего побороть понятие личной виновности. В ставшем очень популярным докладе меньшинства комиссии по закону о бедных (Poor Law Commission), изданном в 1909 г., составители его, **Сидней и Беатриса Вебб**, считали еще необходимым отметить эту основную точку зрения, говоря о „существовании приличных и уважаемых людей, которые во всякое время оказываются или могут оказаться безработными, потому ли, что они в течение уже продолжительного времени потеряли свою должность, или потому, что промежутки между случайными работами становятся слишком велики".

Требовались новые основания и новый аппарат для руководства помощью безработным. Через весь имевший очень большое влияние доклад меньшинства комиссии проходила мысль об отделении призрения безработных от помощи бедным, в особенности об уничтожении системы запугивания рабочими домами. Затем в той же связи делались широкие предложения об улучшении обучения рабочих, о предоставлении молодежи возможности дальнейшего технического образования, чтобы сделать ее в случае кризисов или застоев в работе пригодной для другой деятельности. Главным мероприятием был, впрочем, прежде всего закон о страховании, который мы уже упоминали выше. Следствия войны сказались, как надо было ожидать, в росте числа безработных. Если в 1913 г. из числа членов профессиональных союзов, дававших об этом сведения, только 2,1% были безработными, то в июне 1920 г. эта цифра увеличилась до 3,1%, а в декабре 1920 г. даже до 6,1% [1]). Здесь должно еще выясниться, насколько наряду с принудительным государственным страхованием безработных возможно разрешение этой проблемы путем сотрудничества профессиональных союзов и самих крупноиндустриальных предпринимателей. В этом отношении интересным и достойным внимания опытом является соглашение между большим красильным трестом и соответствующим профессиональным союзом, согласно которому предприниматели предоставляют безработным вознаграждение в том случае, когда рабочие лишаются средств существования вследствие применения машин, сберегающих труд. Тут может быть тоже начнется вмешательство рабочих организаций в деловое руководство фабрикой. Проблема безработицы не может долго рассматриваться только как вопрос касающийся, лишь самих безработных, так как она в любое время может стать актуальной для каждого еще занятого рабочего. Итак, с усилением организованных рабочих совершенно последовательным является отделение проблемы безработицы от попечения о бедных и соединение ее со всем комплексом рабочего вопроса.

---

[1]) Эта норма повысилась затем, в процессе развития послевоенного промышленного кризиса, до 23,1% в середине 1921 г. Снизившись она держится в конце 1923 и начале 1924 г. примерно 11%.

Прим. ред.

ОТДЕЛ VI.

Новая британская экономическая политика.

Глава XIII.

Внутренние политические перемены.

Литература. Большая часть литературы из гл. 7, 9, 10, 11 и 12 и кроме того: **Levy**, Soziologische Studien und Okonomischer Liberalismus см. гл. II.—**Kirkaldy**, **Webb**. Works Committees, см. гл. II.—**Lloyd George**, Better Times. 1910.—**Lord Rosebery**, The Budget. 1909.—**G. P. Gooch**. The Histery of Democratic Ideas. 1898.—**Lord Hugh Cecil**, Conservativism. 1912.—**Haldane**, Universities and National Life, 1911.—The Iearbook of Sosial Progress. 1912.—**W. Lyon Blease**. A short Hisfory History of English Liberalism. 1913.—**Brougham Villiers**. Britain after the Peace. Revolution or Reconstruction. 1918.

Если окинуть взглядом все явления новейшего экономического развития Англии, мероприятия и руководящие законы, то едва ли можно не признать, что тут дело идет не о более или менее быстром росте уже наличных тенденций, но о борьбе старых принципов с новыми. Все те политико-экономические законы и установления, которые были введены в течение XIX в., пробили себе отчасти путь в борьбе против манчестерского либерализма и так называемых основных принципов индивидуалистического хозяйственного строя, как, напр., свобода союзов, охрана труда, начало колонизации, направленной против прежних форм землевладения. Они могли основываться на том, что желанная личная свобода отдельного человека не может быть полностью обеспечена исключительно одними только правовыми постановлениями, что, напротив, имеются экономические препятствия, которые при всей правовой свободе, напр., при свободе индивидуального рабочего договора или правовой возможности для каждого приобрести землю, ставили пределы фактической свободе отдельной личности. Так, самые решительные постановления по охране труда или рабочему праву были в сущности не более как защитой отдельной личности от давящего господства экономически более сильных предпринимателей. Теперь, наоборот, английский хозяйственный аппарат находится в стадии развития, в которой он пытается выйти за пределы простого освобождения личной деятельности коллективными, товарищескими или государственными мероприятиями и стремится к решительному переформированию всего социального строя, вместо того, чтобы устранять, как было до сих пор, препятствия и преодолевать крайности.

Если присмотреться теперь к английскому „социальному" государству даже не с точки зрения индивидуалистических политиков XVIII в., но согласно взглядам социалреформаторских либеральных политических деятелей 80-х и 90-х годов истекшего столетия, то надо признать, что возникает новый социальный строй, идеологический фундамент которого принципиально отличается от прежних основных для английской хозяйственной жизни воззрений, точно так же как его социологическим носителем стал не средний, так долго доминировавший в Англии класс, но пролетариат.

Это новое развивающееся в Англии „социальное государство", кажется, начинает опять почти с того, на чем оно остановилось при падении власти Карла I и возникновении в Англии настоящего экономического либерализма. Каков бы ни был приговор в отношении методов управления первых Стюартов, если принять во внимание их жажду автократического единодержавия и их способы подкупа и вымогательства при получении денег внепарламентским путем, новейшие исследования все же достаточно выяснили, что у них была широкая административная политика,—вспомним, что мы говорили о призрении бедных. Она пыталась создать национальную хозяйственную организацию мероприятиями центролизованного исполнительного аппарата, с одной стороны, и децентрализованных местных инстанций — с другой. Это не случайность, что в новейший период английские экономико- и социально-политические деятели многократно обращались к той эпохе, привлекшей к себе небывалый раньше интерес. Смысл и основные черты новейшего хозяйственно-политического развития заключаются, очевидно, в новом расширении правительственного руководства хозяйством и в принципиальном изменении прежнего экономического строя, который удерживался только по необходимости.

Это проявляется прежде всего в тех многочисленных законах, которые привели в последнее время к вмешательству государства в недоступную до тех пор его влиянию сферу личной свободы. Сюда относится принудительное страхование,—непонятный сначала для старого английского либерала принцип, нарушающий личную ответственность отдельного человека. Сюда относятся мероприятия, декретирующие безусловную обязательность попыток к соглашению при спорах между предпринимателями и рабочими путем образования особых промышленных судов, установление при содействии государства минимальной заработной платы для целых отраслей промышленности, попечение о бедных на основе принудительного страхования и государственной помощи, государственные мероприятия для развития важных народно-хозяйственных сил, как его предусматривает закон о развитии, development, в вопросе о проложении дорог и разведении лесов, колонизационное законодательство, нарушающее прежнее право собственности на землю, предусматривающее и проводящее принудительное отчуждение и принудительную сдачу в аренду и т. д. Что здесь дело идет уже не о небольших реформах прежней индивидуалистически-либералистической структуры народного хозяйства, но о решительных переменах, ясно без дальнейших раз'яснений. Это и было руководящей мыслью сторонников указанных нововведений. „Замена современного индустриального анархизма организованным в товарищества общественным государством",—так называет **Сидней Вебб** тенденцию к национальной организации экономических отношений путем вмешательства государства.

Но эта организация не „делается" и не декретируется только сверху новыми законами, она органически развивается из всех изменений английской хозяйственной жизни. Профессиональное движение все больше и больше переходит, как мы видели, в движение, которое, образуя особые заводские комитеты или „советы", не удовлетворяется больше обсуждением старого вопроса о заработной плате, но стремится к вмешательству во весь строй, в экономический

и технический механизм предприятий и целых промышленных отраслей и домогается общего регулирования, которое сделало бы отдельного частного предпринимателя подчас лишь должностным лицом больших об'единений рабочих и работодателей. Уже появляется мысль об огосударствлении многих отраслей промышленности и средств сообщения,—мысль, считавшаяся так долго при господстве среднего городского класса экономически нелепой, и то тут, то там слышится слово „социализация". Параллельно с этим процессом идет, кажется, в английской крупной индустрии движение в сторону комбинации производств, концентрации предприятий, картелирования и трестирования, уничтожающее старое индивидуально-семейное дело и ставящее на его место новейшее крупное акционерное предприятие; оно заменяет отдельные предприятия концернами и вольно или невольно превращает предпринимателей в членов об'единений и лиц, уполномоченных соглашениями и договорами, чем они являются также не в меньшей степени и в отношении к рабочим. Этим тоже уничтожается старое конкурирующее хозяйство в тот момент, когда устанавливается „контролирование" цен, „районирование" продукции и совместное определение условий сбыта, если и не при посредстве государства, то в результате частнохозяйственной организации.

Этим тенденциям социальной жизни соответствует решительная перемена в управлении хозяйством. Всевозможные новые законы и распоряжения выдвигают новые бюрократические учреждения и не только увеличивают число наличных должностей, но создают совершенно новые, которые должны быть обеспечены особо обученными силами. Это относится ко всем ступеням от самых высших и до самых низших. Возникли новые министерства, как Министерство Труда, которое должно было быть выделено из Министерства Торговли, когда возросла потребность в рабочем законодательстве; создаются на продолжительное время новые чиновничьи должности, как, например, уполномоченные для мелких владений (Small Holdings Commissioners), уполномоченные по закону о бедных (Poor Law Commissioners) или уполномоченные по страхованию (Insurance Commissioners). То, что эти требования были особенно тяжелыми для страны, сознательно вышедшей из стадии бюрократического государства, ясно само собой. Особая комиссия, Комиссия Гражданской Службы (Civile Service Commission), была созвана во втором десятилетии нового века, чтобы обсудить способы увеличения численности и улучшения качества чиновничества.

Эта **бюрократизация хозяйства Англии** была, естественно, также нова, как появление опять во всех отраслях хозяйственной жизни государственных или смешанных комитетов. Правление Карла I называли правлением комитетов (Committees). Современное развитие английской хозяйственной администрации в точности походит на его систему управления. Едва ли можно найти какую-либо область хозяйства, в которой бы такие комитеты не играли руководящей роли. В сельском хозяйстве мы имеем Small Holding Committees графств и общин, в рабочем вопросе Work Committees, разветвляющиеся со своей стороны на многочисленные подкомиссии, стоящие также на ряду с ними, как, напр.: Shop Steward Committees (комитеты фабричных старшин), Trade Committees (торгово-промышленные комитеты), Welfare Committees (комитеты материального благополучия),

Women's Committees (женские комитеты) и множество других; мы имеем Insurance Committees (страховые комитеты), Local Pension Committees (местные пенсионные комитеты), созданные по закону о попечении об инвалидах, Poor Law Committees и бесчисленное множество других. Но в то время, как с одной стороны проявляется стремление разрешить острые вопросы отдельных отраслей хозяйства децентрализованной организацией, которая, впрочем, становится все более непохожа на прежнее местное независимое самоуправление—„self-government", с другой стороны возникает тенденция укрепления центральных органов по сравнению с местными, особенно там, где, как, напр., в сельском хозяйстве, последние благодаря своему составу относятся с большой пассивностью или противодействием к проектируемым административным мероприятиям.

Так, законом о мелких владениях последнего времени значительно укреплено положение раньше довольно мало влиятельного министерства земледелия (Board of Agriculture); этим об'ясняется стремление отнять у местных органов проведение законов о безработных и „передать их общегосударственному ведомству с новыми принципами и с заново организованным административным аппаратом"; таково же и образование министерства труда. Уже раздаются дальнейшие пожелания, как, напр., создание департамента национальных работ (National Works Department), который должен использовать все способы и меры для лучшего применения неиспользованных еще до сих пор или недостаточно использованных производительных сил.

Война и все, что связано с так называемыми вопросами восстановления, естественно, значительно расширили сферу государственного вмешательства в еще незатронутые им области хозяйственной жизни, но прежде всего она уменьшила присущее англичанину нерасположение к этому вмешательству и ослабила неизбежное до тех пор чувство, что всякая бюрократизация хозяйственной жизни означает величайшее зло и неминуемую катастрофу. Конечно, во время войны было создано много государственных учреждений, которые рассматривались только как необходимое зло, и никакое выступление заинтересованных лиц для устранения их не казалось преждевременным, как, напр., в судоходстве, которое ведь было взято целиком под правительственный контроль, в государственном управлении мельницами (по Flour Mills Order—постановлению о мукомольных мельницах 1917 г.) или в угольном контроле по окончании военных действий. Но именно на примере этих учреждений и трудностей, связанных с попытками их устранения, можно видеть, что одни группы делали эту систему щитом своих общественно-хозяйственных, бюрократически-организационных стремлений по крайней мере настолько же, насколько другие хотели приписать ее только временной нужде и негодовали на усиление „системы зеленого стола" (red tape). Но совершенно независимо от этих вызванных военной нуждой мероприятий и организаций имеются также учреждения правительственного или полуправительственного характера, которые сохранятся как длительные следствия военного опыта и потребностей мирного времени.

Сюда относится, например, основанная в 1917 г. British Trade Corporation **(Британская торгово-промышленная корпорация).** Здесь дело идет об учреждении, которое по своему уставу должно давать советы и оказывать финансовую помощь британским торговым и промыш-

ленным предприятиям и вообще поощрять развитие торговли, промышленности и всякой коммерческой деятельности. Эта организация была создана на частнохозяйственной основе с капиталом сначала в 10.000.000 ф. ст. Корпорация распространяет свою деятельность прежде всего на посредничество и финансирование заокеанских предприятий, не выступая сама в качестве конкурента. Крупнейшие английские банки приняли участие в ее финансировании. На ряду с чисто коммерческими функциями Британская Промышленная Корпорация должна развить также деятельность, которая раньше не была систематически организована в Англии. Она должна сообщать в самом широком захвате своим сочленам и деловому миру известия, открытия и всевозможные вновь возбуждаемые проекты. „До сих пор не существует",—гласил проспект корпорации в 1917 г.,—„ни одного британского финансового учреждения, имеющего отделение или вообще организацию, в которых бы могли изучаться или исследоваться новые идеи или открытия, особенно такие планы и теории, которые должны быть сначала испытаны в отношении их деловой пригодности и зрелости с точки зрения их общественной рентабельности. Корпорация хочет обратить эту деятельность в одну из своих особых задач и стать посредствующим звеном между британской промышленностью и британскими капиталистами. Она хочет взять на себя руководство при образовании синдикатов, поскольку они берут на себя многообещающие и важные предприятия, и связаться с другими банковскими и финансовыми предприятиями, поскольку последние хотят принять в них участие". В официальном сообщении, предшествовавшем основанию этого учреждения, дословно устанавливалось в качестве руководящей линии: „что это учреждение, не подлежа непосредственному контролю правительства, должно было бы пользоваться настолько полно правительственным признанием, насколько это только возможно".

Отсюда видно, что и в области деловой инициативы и коммерческого дерзания, считавшейся раньше в Англии особой сферой свободного решения и личных качеств предпринимателя, был введен организационный вспомогательный аппарат, который должен осуществить полуправительственным путем то, что раньше предоставлялось отдельной личности. Это явление, если не говорить об особом воздействии империалистических идей, принесенных мировой войной, есть следствие огромного роста у отдельного предприятия потребности в капиталах и необходимости совершать крупно-капиталистические сделки за океаном с немедленной затратой денежных средств, которые не могут быть выплачены отдельным лицом, банком или предприятием. Следовательно, и тут на место „деятельности" отдельного лица становится деятельность, организованная при помощи государства. Тут также концентрация и организация интересов на широком общем базисе заменили отдельное предприятие, в небольшом масштабе, но независимо работающее на собственный страх и риск. Благодаря этому изменился также облик английского „дела", что не в последней степени было вызвано развитием в Германии кредитной системы, направляемой крупными банками, которая часто приводилась в качестве примера в сообщениях о банковской или торговой корпорации.

Остановимся еще на одной области, чтобы показать, насколько государство с раздробленным благодаря конкуренции хозяйством

начинает вытесняться государством, хозяйство которого организовано систематически и планомерно. **Информация** была, конечно, до сих пор повсюду, а особенно в Англии, поскольку она касалась хозяйства, частным делом каждого предпринимателя, ревниво оберегаемым от взоров конкурентов. Информация, которая бы не носила характера „секретного", предназначенного только для отдельного лица сообщения о важных событиях делового мира, считалась бы совершенно излишней. Поскольку английский деловой человек не черпал свои сведения из очень многочисленных в Англии специальных изданий, считалось, что он не нуждается в других сведениях кроме тех, которые он находил у себя на письменном столе в запечатанном конверте, или которые передавались ему его доверенными агентами. Только недавно сказалась потребность в правительственном содействии делу информации. Особо созданное для этого ведомство, Board of Trade Department of Commercial Intelligence (Отдел Торгово-Промышленного Департамента для коммерческих справок), взяло на себя эту задачу. Здесь также особая организационная работа была передана уже в 1900 г. так называемому консультационному комитету этого органа, Advisory Committee, функции которого выходят теперь отчасти даже за пределы простого консультирования для министерства торговли. Самая передача сведений происходит через особых Trade Commissioners (торговых уполномоченных), торговых корреспондентов и консулов. Сведения касаются торговых возможностей для британских предпринимателей и купцов, таможенных тарифов, подрядов и поставок в других государствах или колониях и т. д. Регулярная передача сведений отличается от особо доверенных сообщений отдельным заинтересованным лицам. Так, напр., в 1913 г. в особом регистре было отмечено 1500 фирм, получивших такие сообщения, к 1915 г. их число возросло уже до 3000. В 1912 г. были даны ответы на 16488 письменных или личных запросов, в 1915 г. это число уже больше чем утроилось. Следовательно, нельзя отказать этому учреждению в существовании потребности в нем. Эта возникающая организация тоже показалась бы британскому деловому миру еще два десятилетия тому назад столь же бесцельной, даже нелепой, как и систематическое образование коммерсантов в высших торговых школах или иных хозяйственных академиях.

Если соединить все изображенные здесь тенденции хозяйственной „организации", основанной до сих пор исключительно на конкуренции всех и каждого, то считать ли ее государственной или профессиональной, или же видеть в ней лишь отдельные следствия образования картелей и трестов—все же получается картина по новому складывающегося английского народного хозяйства, заново формирующегося социального государства. Итак, английское государство все быстрее идет к бюрократизации и чиновничьему господству, оно пытается урегулировать большие общехозяйственные вопросы при помощи центральных административных органов, представители которых в бесчисленных комитетах и подкомиссиях со своей стороны проникают в самоуправлявшиеся раньше местные органы; рабочий вопрос разрешается в нем с помощью большого организационного аппарата комитетов и советов, постановления и решения которого все более ограничивают функции предпринимателя как руководителя фабрики; оно вводит принудительное страхование и попечение о безработных при помощи государственной приплаты

и определяет минимальную заработную плату; оно накладывает тяжелую руку на земельную собственность, декретирует отчуждение и принудительную сдачу в аренду и пытается покровительственно-поощрительным путем влиять на кредитную и торговую информацию через собственные официальные или полуофициальные органы; в нем беспрепятственно вырастают большие индустриальные монопольные организации, пытающиеся регулировать цены и размеры производства путем исключения принципа соревнования. Ясно, что такое государство далеко ушло от того, начало которого однажды заложил Кромвелль и для хозяйства которого, казалось, стал характерен экономический либерализм, имеющий больше чем двухвековую давность.

Естественно, что эти решительные перемены отражаются в изменении **хозяйственно-политических программ различных партий**, которые со своей стороны содействуют их развитию и ускорению. Влияние старого манчестерского либерализма закончилось. Место старых либералов в английском парламенте заняли радикалы (radicals), которые во главе с **Ллойд-Джорджем** выступали за переустройство хозяйственной жизни в социальном отношении, за бюрократическое государство, правительственный контроль хозяйственной жизни и т. д., и основные положения которых до мировой войны заключали лишь один принцип, взятый у старых партийных вождей, как, напр.,**Джона Брайта** или **Гладстона**,—свободу торговли. Теперь, наоборот, консерваторы (unionists) проповедуют либеральные идеи, с возникновением которых их предшественники боролись до 70-х и 80-х годов включительно. Они требуют сохранения системы конкуренции, свободной сферы для деятельности отдельной личности, отрицают вмешательство государства. Так, в столь важные для внутренней хозяйственной политики Англии бюджетные 1909/10 годы многие выдающиеся старые либералы перешли в лагерь консерваторов, потому что они считали, что там, несмотря, впрочем, на программу покровительственных пошлин!—лучше защищаются их старые принципы, чем в „социализме“ левых. „Этот бюджет“,—писал в 1909 г. лорд **Розбери** (Lord Rosebery),—„считается либеральным мероприятием. Если это так, то я могу только сказать, что это новый либерализм, а не тот, который я знал и которому следовал при лучших предвещаниях, при том, кто был не только величайшим либералом Англии, но и ее крупнейшим финансистом: я говорю о Гладстоне. Самым вредным является в нем, согласно моим взглядам, покушение на свободу. Мы, антисоциалисты, верим в создание государства индивидуумом“. Принципы консерваторов или Tory Free Trader'ов, как назывались также старые либералы, близкие к консерваторам, отличались от нового социал-либерализма как в общем, так и в частностях. Лорд **Хьюг Сесиль** (Hugh Cecil) боролся, например, в 1912 г. в своем сочинении „Консерватизм“ с новыми идеями попечения о бедных и безработных, как мы их выше изобразили. Может быть, и возможно и достойно сожаления, так заключает он, что люди „не по своей вине“ впадают в бедность и нужду, но отсюда не может быть выведено с точки зрения справедливости требование, чтобы государство заботилось о них. „Жестокое государство, предоставляющее кому-либо умирать с голоду, не причинило ему никакого зла. Государство никогда не обязывалось предохранять людей от голодной смерти“. Может быть, и верно с точки зрения того понимания государства, которое имеется в виду лордом **Хьюгом Сесилем**,

что социальное призрение может быть в действительности „только делом национальной благотворительности, благодарности или простого приличия“. Спрашивается именно о том, не изменилось ли основательно с течением времени само это понятие государства. Ведь как раз самое существенное заключается в том, что новые хозяйственно-политические противоречия в самом своем ядре связаны с совершенно иной постановкой государственно-политических и государственно-философских вопросов и с иным воззрением на них.

Эти же самые хозяйственно-политические перемены создали также и значительные **идейные течения. Диссентеры** почти совершенно отказались от старых индивидуалистических хозяйственных принципов. Лучшим введением к изучению современных нонконформистских идей является и в данном случае сочинение Ллойд-Джоржа „Лучшие времена“, которое как собрание речей по всем вопросам нового либерализма касается и церковного вопроса (Free Churchmen and the House of Lords—Свободное духовенство и палата лордов. Лондон, 1910). Диссентерство, основавшее некогда не только духовный, но и светский индепендентизм, во всяком случае является теперь борцом за новую социальную организацию. Но и в английской **государственной церкви** имеется сильное течение, энергично защищающее социальное государство. В этом отношении интересно все, что известный оксфордский епископ **д-р Гор** (Gore) сказал в свое время в докладах комиссии Кэнтерберийского собора,— докладах, которые касались „морального понимания церковью хозяйственных вопросов“. Там говорится, напр.: „навряд ли может кто-либо защищать возвращение к системе laissez faire, предшествовавшей фабричному законодательству. Отдельный христианин является в то же время и гражданином. Как гражданин он должен интересоваться вопросами народного хозяйства и стремиться к участию в общественной жизни. Поэтому он должен поддерживать существующие законы в их стремлении преодолеть применяемые ныне методы обогащения“. Тут, как и в дальнейших рассуждениях епископа, провозглашается с церковной кафедры социализм, разрушающий крепко засевшие идеи англичанина только о частно-хозяйственных (на ряду с чисто-благотворительными) задачах отдельной личности и требующий от нее общественной деятельности при явном стремлении к бюрократизации государства.

Однако, нельзя не признать, что внутри самой английской церкви возникают сомнения относительно этих воззрений. Так, архидиакон **Кэннингэм** (известный историк и профессор) говорил в одном протестующем письме, что в качестве верующего христианина можно очень различно относиться к социальной форме и „что вера в превосходство чиновничества перед частной собственностью под государственным контролем“ ни в коем случае не является частью христианской веры. Но и он подчеркивает, что великое индивидуалистическое движение пуританства приближается теперь к концу и что поэтому англиканская церковь снова получает возможность проявить свое влияние в тех областях, в которых его подточило пуританство. Характерно для социальных взглядов указанного кэнтерберийского доклада следующее заявление: „Мы слишком много слышали про право собственности“,—фраза, против которой в XVII и XVIII в. диссентеры обратили бы оружие духа и меча и которая несколько десятилетий тому назад вызвала бы удивление

и возмущение большинства английских политиков. Конечно, многое будет зависеть оттого, намерено ли духовенство государственной церкви провести на деле свой вновь обретенный социализм, или же ему придется считаться с особо близкими ему кругами высшего и поместного дворянства и вообще с провинциальным обществом, где оно, конечно, натолкнулось бы, в случае сближения с социально-экономическими идеями радикальных политических деятелей и государственного социализма, на сильное сопротивление.

В деле **воспитания**, кажется, начинает бледнеть идеал вполне свободной подготовки с возбуждением возможно полного индивидуального чувства личной ответственности и практического жизненного чутья. Если еще **Мэтью Арнольд** осуждал английскую систему практического обучения (на ряду с закостенело-гуманистическими учреждениями Итона, Кэмбриджа или Оксфорда) и называл ее „умственной гимнастикой", „которая потому считается такой ценной, что не учит ничему определенному", то теперь в Англии все больше и больше укрепляется убеждение, что самым желательным является систематический, основательно разработанный метод учения и преподавания, не признающий именно образования „ad hoc", которое направляет ученика к определенным практическим жизненным целям, и стремящийся к расширению общего образования. Пришлось признать, что купца нужно обучать не только одной торговой технике и торговому обороту и что самую существенную часть своей дельности он приобретает не индивидуально-эмпирической практикой, но в образовательных учреждениях, как высшие торговые школы, дающие общий запас знаний и сведений, который позднее может при всяких условиях облегчить положение именно самого дельного коммерсанта. Так возникло множество таких институтов в больших английских городах (Лондон, Манчестер, Лидс, Ливерпуль, Бирмингам). Было понято, какие преимущества высшая техническая школа имеет перед чисто экспериментальным обучением в технических производствах или второстепенных учебных заведениях, признали влияние научного исследования в Германии на развитие целых отраслей промышленности, как, например, химической и электрической промышленности. Было бы близорукостью считать потребность в систематическом академическом образовании чем-то специфически „немецким", а принцип экспериментального обучения чем-то специально английским. Напротив, придется признать, что развитие современного капитализма, имевшее в начале лишь тенденции простого расширения, нашло наилучшую опору в индивидуалистически обученных британских предпринимателях и в эмпирическом изобретательском духе и что только с конца XIX в., когда уже были заложены основы нового хозяйства и задачей его стало развитие и распространение наличных сил, когда до известной степени начался век крупно-капиталистической „организации", стало нехватать методичности и систематичности административного искусства и научного духа, которыми Германия была благодаря прежним традициям вооружена в достаточной степени. С изменением предпосылок хозяйственного развития должны были измениться также потребности в образовании и дальнейшем усовершенствовании деятелей хозяйства; несомненно, что большая часть пионерской деятельности за океаном не могла бы развиться без отважного характера индивидуалистически воспитанного предпринимателя или колониста, по-

добно тому, как позднее организованное использование многих представляющихся случаев и завоевание рынков, где существовала конкуренция, было легче немцу, чем британцу, благодаря его приобретенной обучением ловкости и лингвистическим знаниям.

Церковные круги Англии также поддерживали попытки внести в дело образования новые социальные цели. „Было время,—пишет тот же **Кеннингэм**,—когда индивидуализм был модой и все слепо верили в соревнование. Тогда целью всякого воспитания было такое обучение юношей и девушек, чтобы они были в состоянии двигаться вперед и оставлять позади себя своих конкурентов. При новой реакции против индивидуализма и конкуренции выступило другое воззрение. Утверждали, что ребенок должен воспитываться не только для того, чтобы итти своим собственным путем, но что не менее того в нем нужно пробуждать чувство долга". В деле воспитания принцип „фаустовской борьбы" тоже отступает перед принципом усовершенствования в духе общественно-социальных задач.

Если таким образом тенденции вновь возникающего „социального государства" привели к партийно-политическим изменениям и к новым хозяйственно- и культурно-идеологическим направлениям, то остается еще открытым большой вопрос, какое влияние они окажут на социологическую структуру островного государства. Социологическим выражением политического и экономического либерализма был „средний класс". Это он создал в XVII в. либерализм, все более расширявший в течение столетий его базис. Еще теперь применимо к среднему классу то, что однажды так удачно сказал **Мэтью Арнольд**: „Наш средний класс, великий представитель торговли и диссентерства, с его правилами: каждый сам по себе в торговле, каждый сам по себе в религии,—ненавидит сильную власть, которая могла бы вступить в конфликт с этими максимами".

Так как рабочая масса была до сих пор более или менее аполитична, избирала либералов и вела большую борьбу, постоянно подчеркивая ее чисто-экономический характер, то среднему классу после падения землевладельческого господства вследствие билля о реформе 1832 г. и уничтожения хлебных пошлин 1846 г. не грозил никакой действительно опасный политический класс. Лишь новые социалистические тенденции, глубоко задевающие интересы как раз среднего сословия—и именно столько же как плательщика налогов, сколько и с точки зрения его хозяйственно-политических принципов—создают острое противоречие между средним и рабочим классом и в политическом отношении. Должно еще выясниться, насколько это новое рабочее движение заводских комитетов влечет за собой и новую политическую ориентацию английского рабочего и переводит рабочий вопрос из чисто экономической и профессиональной сферы в гораздо более беспокойное течение политической жизни. Если в таком случае возникнет новое социальное государство, основывающееся, с одной стороны, на бюрократии и правительственном вмешательстве, а с другой стороны, на политически-влиятельном, даже руководящем рабочем классе, то политическое положение среднего класса окажется тогда столь же потрясенным, как и экономическая система, которую он защищал и которой он обязан своим двухвековым могуществом. Может быть, часть его сумеет примкнуть к движению, идущему „снизу", так как взгляды диссен-

теров ведь существенно изменились со времен **Мэтью Арнольда**, другая же часть будет, может быть, стремиться к сближению с тори-либералами, и таким образом средний класс как политическое целое распадется. Здесь все находится еще только в стадии возникновения.

Глава XIV.

Возрождение идеи протекционизма и английская свободная торговля 1906 г.

Литература. Прежде всего: v. **Schulze-Gaevernitz**, Britischer Imperialismus.—**Hermann Levy**, Die treibenden Kräfte der englischen Schutzzollbewegung, 1911. — **Meyer**, **Hettner** см. гл. 1. Report of the Dominions Royal Commission, 1918.—Final Report on Commercial and Industrial Policy after the War 1918,—Kirkaldy см. гл. 11. **Hermann Levy**, Die neue Kontinentalsperre, 1915, и Der Sinn des U-Bootkrieges nach einem Jahr der Seesperre, 1918—Отчеты Tariff Commission 1906.—Report on the Supply of Food and Raw Material in Time of War, 1906. — **Brougham Villiers** см. гл. 13.—и различные номера Labour Gazette за 1920—21.

Мы не уделили до сих пор внимания очень важной стороне общей картины новых британских хозяйственных тенденций, так как она нуждается в особо детальном изображении. Это—вновь возникающая мысль о покровительственных пошлинах.

Конечно, не случайность, что при общей хозяйственной политике, так сознательно отказывающейся в разнообразнейших областях от системы конкуренции и свободного руководства отдельной личности и очищающей место систематической организации, государственному вмешательству и правительственному попечению, торговая политика тоже изменяется, снова удаляясь от идеи свободной торговли и приближаясь к старо-меркантилистическим целям и методам на современной основе. Однако не следует думать, что эта мысль играет или играла какую бы то ни было положительную роль в английском таможенно-покровительственном движении, что разрыв со свободной торговлей вызывался требованием новой государственной организации хозяйства. Наоборот, сторонники нового социального государства, напр., Ллойд-Джордж, остались прежде всего величайшими приверженцами свободной торговли, между тем как именно консерваторы питали мысль о покровительственных пошлинах. Но можно сказать, что ново-меркантилистическая пропаганда в пользу возрождения государственной торговой политики, глубоко захватывающей все хозяйственные области, должна была бы заранее рассчитывать на гораздо меньший успех, если бы она происходила не в период пересмотра в столь разнообразных областях манчестерских идей и реорганизации свободного хозяйства в правительственно-организованное, а равно и переработки либеральных хозяйственных программ, совершавшейся, правда, в других сферах.

Если рассматривать, таким образом, возрождение в Англии идеи покровительственных пошлин, как оно намечалось приблизительно за два десятилетия до мировой войны, с точки зрения происходивших в ту эпоху изменений хозяйственного строя, то его можно, конечно, вместить в общую картину новой британской хозяйствен-

ной политики. Практические соображения и мотивы этого движения были, впрочем, так разнообразны и изменчивы, что при изображении его это общее значение покровительственных пошлин должно совершенно отпасть. Дело идет тут о направлениях, не имеющих ничего общего с принципиальной реорганизацией английского хозяйственного строя, но связанных с отдельными его областями и их особыми задачами. Надо отличать **три таких области**, смотря по тому, появилась ли мысль о покровительственных пошлинах в результате новых колониально-политических и империалистических стремлений, или в форме агитации в пользу специфически английских протекционистских интересов тарифа, или, наконец, как средство предосторожности на случай войны.

а) Колониально-политическое и империалистическое значение покровительственных пошлин.

Колониально-политические мотивы возрождения в Англии идеи покровительственных пошлин, т.-е. требования установления британского таможенного союза или такой торгово-политической системы, которая ставила бы в благоприятное положение колонии на английском рынке, Англию на колониальном рынке, тесно связаны с тем, что Англия превратилась в последнюю треть XIX в. из господствующего фактора мирового рынка лишь в один из господствующих факторов. Многим влиятельнейшим и умнейшим политическим деятелям Англии, как фактическому основателю нового покровительственного движения **Джозефу Чемберлэну**, позднее таким лицам, как **Артур Бальфур** и **Бонар Лоу**, казалось, что самым верным средством укрепления великобританского влияния на мировом рынке в противовес новым конкурентам, Германии, Америке и Японии, является более тесное об'единение метрополии с колониями. Этим открывается, согласно данному мнению, неизмеримый простор для британского экономического господства. Какую роль эти создаваемые цифрами соблазны играют еще и теперь в этом вопросе, показывает тот факт, что недавно появившийся заключительный доклад заседавшей под председательством лорда **Д'Альбернона** (Lord D'Albernon) Комиссии, так называемой Royal Dominions Commission (Комиссии королевских доминионов), сравнивает размеры об'единенной великобританской хозяйственной территории с древне-римской державой и устанавливает, что новая британская мировая держава по своей территории в пять раз превосходит Рим.

До начала эры свободной торговли в 1846 г. между Англией и ее колониями существовала торгово-политическая связь. Свободная торговля означала естественно уничтожение существовавшего раньше в Англии таможенного благоприятствования для колоний, в то время как последним была предоставлена в качестве компенсации полнейшая торгово-политическая автономия. Ею колонии воспользовались для того, чтобы защитить покровительственными пошлинами свою молодую промышленность от конкуренции старых промышленных стран. Но по мере того, как британский рынок расширялся, именно во второй половине XIX в., колонии стали выражать желание пользоваться на английском рынке благоприятствующим им тарифом,—мысль, впервые высказанная на первой британской колониальной конференции в 1887 г. известным афри-

канцем **Гофмайером,** предлагавшим общеимперскую надбавку к пошлинам в размере 2% ценности всех товаров. Но подобные предложения не могли вообще обсуждаться при английской системе свободной торговли и ее таможенной технике, поскольку такая вообще существовала, если не имелось в виду решительно покончить с системой свободной торговли, о чем тогда еще не могло быть речи. Поэтому, когда Чемберлэн предложил в одной известной речи в Канадском клубе (Canada Club) в 1906 году идею британского таможенного союза, в смысле свободной торговли внутри об'единенного государства и общей таможенной политики во-вне, то это показалось блестящим выходом из положения. Этим была поставлена на обсуждение идея британского экономического империализма, Имперской Федерации (Imperial Federation), уже не исчезавшая больше из торгово-политической дискуссии ближайших двадцати лет.

Колонии, однако, воспротивились этой мысли, потому что им было важно сохранение их пошлин для защиты от сильнейшего конкурента в области промышленности, и настаивали на создании системы таможенного благоприятствования в отношениях между метрополией и колониями. Свою идею колонии осуществили. Уже в 1897 году Канада создала таможенный тариф, благоприятствовавший британским товарам. Другие колонии последовали этому примеру, в том числе Барбадос, Новая Зеландия, Австралия и Южная Африка. При оценке этих благоприятствующих тарифов, считавшихся колониями знаком особого патриотизма, надо принять во внимание, что, отличая иностранные государства от метрополии, колонии часто абсолютно сильно повышали пошлины (особенно в Австралии) или что благоприятствование являлось шахматным ходом торговой политики против других стран, как это было, например, с канадским благоприятствующим тарифом 1897 г., направленным против Соединенных Штатов. Все же **дифференцированная тарифная система колоний** содействовала идее британского великодержавия. Наоборот, по поводу таможенного союза, который означал бы свободную торговлю внутри Британской империи, возникали в колониях серьезные сомнения.

Конечно, таможенное благоприятствование было бы очень полезно колониям, поскольку они вывозят продовольствие и сырье, поставляемое метрополии и другими заокеанскими странами, напр., канадская пшеница, австралийская шерсть и мясные продукты, индийский, австралийский и южно-американский хлопок, но этот вывоз представляет собой только одну сторону торгового развития колоний. Они противостоят метрополии также в качестве производителей фабрикатов, производство которых они стремятся поощрять при помощи воспитательных и покровительственных пошлин. Если бы эти таможенные препятствия пали, они были бы предоставлены в большинстве случаев гораздо более сильной конкуренции, чем при системе, хотя и дифференцированного, но все же абсолютно высокого покровительственного тарифа. Уже **Шульце-Геверниц** выяснил это положение в чрезвычайно подробном и интересном очерке в своей книге об „Английской свободной торговле и британском империализме". Особенно обращается против метрополии заинтересованность Канады и Австралии в покровительственных пошлинах. **Индия** же, не обладающая еще торговой автономией и

являющаяся одной из величайших в мире областей свободной торговли, уже давно стремится к развитию своей хлопчатобумажной промышленности и именно путем установления покровительственных пошлин, которые естественно, будут ли они дифференцированы или нет, обратятся против величайшего в мире текстильного конкурента, против страны Манчестера, Бирмингама и Лидса. Уже в 1912 году Индия стояла со своими 6,3 мил. хлопчатобумажных веретен на 6-м месте среди мировых производителей; во время войны положение индийской текстильной промышленности еще больше укрепилось благодаря тому, что английскому текстильному вывозу сильно препятствовал недостаток тоннажа и вызванные войной необходимые изменения продукции (в то время как на Британскую Индию приходилось в 1913 году около 36% всего вывоза английских хлопчатобумажных товаров), что действовало на текстильную отрасль индийской промышленности как покровительственный таможенный тариф. Действительно, число веретен поднялось к 1916 году еще на 300.000, а индийское производство пряжи поднялось за эти 4 года с 625.000 ф. в 1912 году до 722.000 ф. Следовательно, Индия нисколько не была заинтересована в свободном торговом общении с метрополией, но стремилась, наоборот, к таможенному соглашению для защиты своей молодой промышленности.

Страной, для которой этот момент защиты собственной промышленности отпадает, является **Южная Африка**. Здесь почти не существует еще собственной промышленности. С другой стороны, Южная Африка не может ждать никаких существенных выгод и от благоприятствования в метрополии, так как она вывозит в первую очередь золото и бриллианты, не нуждающиеся для своего сбыта в особом благоприятствовании. Если бы в ближайшее время началась разработка чрезвычайно высоко оцениваемых угольных залежей Капа и Наталя (говорят об общем количестве в 56 миллиардов тонн угля), то также не будет и речи о благоприятствовании ввозу в Англию, которая ведь сама является угольным экспортером большого масштаба и долго им останется.

В **Австралии**, наоборот, промышленность заинтересована живейшим образом в борьбе с британской конкуренцией, хотя там и стараются придать высоким покровительственным пошлинам патриотический характер путем введения благоприятствующих тарифов. **Шульце-Геверниц** цитирует следующий комментарий к покровительственным пошлинам в одной руководящей австралийской газете: „Договор о благоприятствовании между Великобританией и колониями означает увеличение покровительственных пошлин в Австралии. Сторонники покровительственных тарифов согласятся с увеличением пошлин, но никогда не с понижением их. Существующий тариф фактически обращен против британского производителя, и сторонники покровительственных пошлин прилагают все усилия, чтобы еще повысить его“.

Повидимому, про империалистические стремления, поскольку они касаются экономических вопросов, можно сказать, что „мысли близки друг к другу“, но „дела жестоко сталкиваются“. Поэтому и надо отметить, что большие колониальные конференции, собиравшиеся в Лондоне в последние годы перед войной, протекали так, что хотя в известных постулатах идейного характера и сказывалось стремление к большему об'единению и т. д. метрополии

с колониями и к ясно выраженному согласию, однако практическое разрешение не сходило с мертвой точки. Заключительный доклад уже упомянутого „Комитета о торговой и промышленной политике после войны“ тоже весьма осторожно обходит более основательное обследование проблемы Имперской Федерации (Imperial Federation), особенно там, где задевается вопрос об английской торговой политике. Напротив, он особенно настаивает в отдельном параграфе на „имперском благоприятствовании иными средствами, чем дифференциальным таможенным тарифом“, и предлагает, главным образом, чтобы Англия в течение ряда лет скупала по гарантированной минимальной цене отдельные важные колониальные товары (как это было, например, с различными австралийскими металлами), или чтобы она оказывала развитию колониальных сил, как, например, канадской добыче никеля, особую финансовую поддержку. Опубликованный в 1918 году заключительный доклад Dominions Royal Commission также не касается собственно проблемы таможенного союза, но занимается предложениями об усовершенствовании научных исследований в сферах, представляющих интерес для колоний, затем вопросом об эмиграции, об облегчении сообщения, особенно об усовершенствовании портов, о расширении телеграфной связи и т. д., наконец, проблемой торговых методов, информационной службы и созданием имперского органа содействия развитию хозяйства (Imperial Development Board).

При всех этих попытках поощрить, чтобы не сказать форсировать, торговлю между метрополией и колониями, нельзя, однако, забывать того, что эта торговля и без особого таможенного союза представляет вполне отрадную для Англии картину, особенно если не оперировать столь обманчивыми и часто затемняющими действительное положение цифрами процентных отношений, но иметь в виду абсолютные числа. Ясно само собой, что столь самостоятельно развившиеся торговые страны, как британские владения, должны были быть заинтересованы и как покупатели, и как продавцы в сношениях с вырастающими рядом с Англией более молодыми промышленными и торговыми государствами европейского и американского материка. Ясно также, что если, например, торговля с какой-либо отраслью хозяйства этих стран возросла, скажем, со 100 до 300, торговля же с соответствующей английской отраслью, примерно, с 600 до 650, то было бы совершенно неправильно заключать, что этот 200%-ный рост угрожает теперь английской колониальной торговле! Такие доводы могут позволять себе газетные фельетонисты и тенденциозные пропагандисты, но они противоречат правильной оценке положения, если не считать всякое увеличение не британской торговли на свете, безразлично, как она складывается, фактором ослабления Англии [1]).

Оговорив это, укажем, что английский **ввоз** поднялся в последние десять лет перед мировой войной, т.-е. с 1904 года по 1913 г.,

[1]) Сохраняя в неприкосновенности эти рассуждения автора, мы не можем не отметить, что они крайне слабо обоснованы. Если говорить не об абсолютных возможностях сбыта английской промышленности сегодняшнего дня, а об относительном положении ее, как торговой державы, то разобранный в тексте пример, конечно, говорит о неблагоприятном для Англии сдвиге. Это станет особенно ясно, если заглянуть в грядущее и продолжить намечающиеся таким образом линии развития.

Примеч. ред.

в целом с 551 милл. ф. ст. до 786 милл. ф. В первой сумме ценность ввоза из британских владений составляла 120,7 милл., во второй—191,5 милл. ф. Следовательно, можно сказать, что британские владения участвовали, приблизительно, в размере одной четверти в общем вывозе Великобритании. Цифры всего **вывоза** из Соединенного Королевства составляли в 1904 г. и 1913 г.—300 милл. ф. и 525 милл. ф. В первой сумме британские владения участвовали 112 миллионами ф., в последней—195 милл. ф. Следовательно, если в 1904 г. колониальное участие в общей ценности вывоза Англии равнялось немногим больше трети его, то в 1913 г. оно приближалось к 40%[2]. Из названных цифр явствует, что как вообще, так и в последнее время колониальный рынок сбыта имел для Англии, а рынок метрополии для британских колоний и протекторатов исключительно большое значение.

Такую же картину мы имеем и в отношении колоний. Согласно официальным данным указанного доклада Royal Dominions Commission вывоз в метрополию так называемых selfgoverning-dominions (самоуправляющихся доминионов), т.-е. Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южно-африканского союза и Ньюфаундленда, составлял в 1913 г. 58,9% всего вывоза, кроме того, в другие части Британской империи было вывезено 3,3%, так что вывоз в небританские области составлял в общем вывозе указанных стран всего 33,7%. И, наоборот, названные колонии получали 37,6% ценности своего ввоза из метрополии, 46,5%—из всей империи и 53,5%—из небританских стран. Следовательно, с какой стороны статистически ни рассматривать проблему, можно только сказать, что развитие и характер торговых отношений между Англией и ее колониями не могли давать никаких оснований для британского пессимизма. Может быть на эти основные факты и натолкнулось осуществление империалистической экономической идеи, поскольку тут имелись в виду действительно экономические соображения.

Тем более тем, которые защищали по политическим и великодержавным основаниям идею Greater Britain (большей Британии), представлялось, что все их усилия надо направить туда, где сначала всего больше чувствовалось сопротивление, именно в самую Англию. Ведь в конечном итоге английская система свободной торговли делала невозможной желанную для колоний форму нового хозяйственного об'единения в виде благоприятствующих пошлин. Если бы удалось принципиально или хотя бы введением сначала очень низких таможенных ставок устранить эту систему, то преимущества для колоний последовали бы сами собой. Так, империалистические политики начали превращать в прямое покровительственное движение сначала чисто политическое колониальное требование, для которого английские пошлины были только средством к цели, до известной степени—необходимой жертвой колониальной идее.

[2]) Эти цифры процентов неверны. Простой арифметический подсчет на основании приведенных здесь же абсолютных цифр показывает, что доля участия колоний в английском вывозе составляла в 1904 г. 37,3%, а в 1913 г. 37,1%. Таким образом, не может быть и речи о повышении роли колоний в экспорте Англии: их доля остается в общем стабильной, с некоторой тенденцией снижения.

Примеч. ред.

в) Внутренние экономические основания для покровительственных пошлин.

К общим цифрам английского торгового баланса в последнее десятилетие перед войной также применимо сказанное выше о цифрах колониальной торговли. Здесь тоже виден, как раз'ясняют наши прежние цифровые данные, безусловный, в последние годы перед 1914 даже очень ясно выраженный под'ем, если смотреть на абсолютные цифры; наоборот, если сравнивать процентные цифры роста английского экспорта с соответствующими цифрами более молодых промышленных стран или с процентным увеличением их в Англии за прежние десятилетия, то можно сделать выводы, звучащие менее благоприятно для движения английской внешней торговли. Это и делалось очень часто реформаторами английского тарифа. Несмотря на это обстоятельство, несмотря на сильнейшую агитацию, развитую в основанной ими Лиге Тарифной Реформы (Tariff Reform League), и на то, что особая, руководимая ими Тарифная Комиссия, которая должна была доказать необходимость пошлин, опубликовала в 1905/6 г. свои материалы, не могло быть и речи о каком-либо положительном „успехе“ нового английского покровительственного движения перед войной.

Причина этого, очевидно, коренилась в том, что большие, господствующие отрасли промышленности Англии проявляли безразличное или даже враждебное отношение к введению пошлин. Сюда относится прежде всего каменноугольная промышленность, которая, как крупнейший экспортер, нисколько не заинтересована в покровительственных пошлинах, тем более, что шахтовладельцы в большинстве своем не настроены против свободной торговли, как в других странах, где разработки комбинируются с перерабатывающими отраслями с возникающей иногда в этих последних потребностью в покровительственных пошлинах. Интересы же железной и стальной промышленности разделяются. В то время как упоминавшийся выше импорт полуфабрикатов, брусков, болванок, листового железа и т. д., мог быть неприятен некоторым производителям и настраивал их в пользу покровительственных пошлин, он приносил значительную, постоянно признаваемую пользу другим заинтересованным представителям данной отрасли, перерабатывавшим эти материалы. Тут также дело касается отрасли промышленности, которая гораздо большие ценности вывозит в течение года, чем ввозит. Поэтому Чемберлэновская комиссия проявила большую робость, когда приходилось вносить положительные предложения. „О точных тарифных ставках, которые должны быть введены, и способе их установления большинство отвечающих нам фирм не хотят высказать определенного мнения“, говорилось в докладе. Известно, однако, что в общем там, где существует ясное стремление к покровительству, заинтересованная сторона бывает обычно в состоянии довольно точно формулировать свои желания. Судостроительство было до сих пор в Англии определенно заинтересовано во ввозе дешевого заграничного материала. „Как продавцы и потребители дешевых судов, судостроители естественно не склонны накладывать пошлину без различия на дешевый и хороший заграничный материал“, писал в 1905 г. **Поллок** (Pollock) в своей книге „The Shipbuilding Industry“ (Судостроительная промышленность). Текстильная промышленность,

как важнейшая вывозящая готовые фабрикаты промышленная отрасль Англии, не была в большей своей части заинтересована в пошлинах. **Арчибальд Коатс** (Mr. Archibald Coats), главный директор и один из основателей упоминавшегося выше ниточного треста, часто высказывал, как и некоторые его коллеги, сочувствие свободной торговле. Официальный доклад 1918 года о торговой политике после войны также считал, что „имеются большие отрасли производства, ясный пример чему представляют главные ветви хлопчатобумажной промышленности, в которых не возникает требования каких-либо протекционистских мероприятий“.

На ряду с этими большими группами стоят затем отрасли промышленности второй и третьей величины, которые частью требуют покровительственных пошлин, частью безусловно держатся за систему свободной торговли. К последним принадлежали, например, производства, перерабатывающие сахар, как шоколадная и мармеладная промышленность, боровшиеся с пошлиной, направленной против дэмпинга, и с брюссельской сахарной конвенцией, к первым—ковровые фабрики, часть стекольной промышленности, шелковая промышленность, часть бумажной промышленности и еще другие. Понятно, что сторонники реформы тарифа особенно усердно занимались этими отдельными меньшими отраслями и выставляли их в речах и брошюрах, с эпитетами „разрушенной английской промышленности“ и т. п., примером опасных следствий иностранной конкуренции. Они должны были тем более ограничиться обработкой настроения этих кругов, что не только главные отрасли крупной индустрии, но прежде всего и сельское хозяйство отказывались в значительной своей части следовать за ними.

На сельское хозяйство, как на почву, питающую таможенно-покровительственные стремления, сильно рассчитывали юнионистские вожди протекционистского движения. Несомненно, как у крупных земледельцев консерваторов, так и у крупных арендаторов возникло бы живейшее стремление снова поднять хлебными пошлинами падающую рентабельность земледелия; однако, тут было заранее известно, что повышения пошлин, которые можно бы было провести несмотря на сильнейшее противодействие потребителей—сначала от 1 до 2-х шилл. на квартер, т.-е. около 5—10 марок на тонну,—были слишком незначительны, чтобы оказать продолжительное воздействие для сохранения или увеличения площади посева зерновых хлебов. Было бы опасной политической игрой снова стать из-за столь низких пошлин во вражду к городским и промышленным потребительским интересам и доставить антиконсервативным партиям популярнейший агитационный материал. У скотоводов, боявшихся вздорожания корма, и у мелких сельских хозяев, не заинтересованных в хлебопашестве, но продававших большей частью продукты, которым иностранная конкуренция могла мало повредить, часто даже докупавших хлеб, совершенно отпадал интерес к покровительственным пошлинам. Поэтому и тут доклад Чемберлэновской тарифной комиссии едва решился говорить о настоящих хлебных пошлинах, которые он называл „непрактичными и нежелательными для Соединенного Королевства“, и ограничился защитой низкой пошлины для других стран исключительно в целях поощрения ввоза из колоний.

Следовательно, широкие массы английского народа не высказывали к новому движению никакой особой симпатии, но проявляли

даже сильное нерасположение; их чувства настраивались различными либеральными организациями, как, например, Кобденовским клубом, в пользу свободной торговли также деятельно, как Чемберлэн, Бальфур и их сторонники агитировали в пользу покровительственного тарифа; между тем сплоченных рядов и единения вождей не было даже на стороне тех, которым новая торговая политика должна была принести самую непосредственную выгоду. Таким образом, само движение все более и более отрывалось от реально-экономического базиса; продолжалась борьба, руководимая политикой настроений и возбуждавшая вопросы, имевшие сами по себе мало общего с торговлей.

Таким определяющим настроение моментом оставался колониально-империалистический. К нему присоединялись финансово-политические вопросы. Прославлялись полезные свойства покровительственных пошлин, которые являлись будто бы средством облегчить финансовое напряжение и именно тем, что при них гораздо меньше приходится обращаться к „социалистическим" средствам прямого обложения дохода и земельной собственности, чем при сохранении свободной торговли. „Тарифная реформа или социализм?" стало лозунгом, при помощи которого надеялись обратить широкие круги особенно среди имущих от свободной торговли к покровительственным пошлинам. Этот лозунг прямо господствовал во время январских выборов 1910 года. Находившийся тогда еще в начале своей политической деятельности Бонар-Лоу сумел довольно ловко с точки зрения партийной политики выдвинуть „социал-реформаторское" значение покровительственных пошлин, доказывая, что средства для социальных реформ должны быть добыты расширением налогового базиса. Поэтому тарифная реформа есть лучшая и величайшая социальная реформа. Все же попытки доказать такими построениями английскому рабочему, что таможенно-тарифное обременение его предлагаемыми пошлинами на продовольствие является социал-реформаторской необходимостью оставались безуспешным предприятием так же, как его английский ум не позволял убедить себя в том, что британское благополучие требует этой жертвы колониям. Что касалось далее утверждения сторонников покровительственных пошлин, что рост защищенных ими отраслей промышленности внутри страны приблизит к разрешению вопрос о безработице, то сторонники свободной торговли могли указать, что от введения пошлин на полуфабрикаты (на удорожание сырья не посягали даже защитники покровительственного тарифа) может пострадать способность Англии конкурировать на мировом рынке. Доклад 1918 года, заключающий новую программу покровительственных пошлин теперешнего английского правительства, также писал: „Безусловно следует уделить внимание очень важному пункту о сохранении британской способности к соревнованию на нейтральных рынках. Конкуренция на этих рынках, особенно на дальнем востоке, будет после войны несомненно очень сильна. Представители этой сферы торговли высказали, впрочем, тот взгляд, что по устранении теперешних ограничений британская торговля сохранит за собой свое положение, при предположении, что издержки производства не увеличатся у нас несоразмерно с их ростом в конкурирующих странах; они придавали серьезное значение пожеланию, чтобы покуда только возможно не были увеличиваемы какими-либо мероприятиями правительства вывозные цены английских продуктов".

И если теперь, несмотря на все препятствия, встреченные новым английским таможенно-покровительственным движением в его более чем 20-тилетней, сначала слабой, затем черезвычайно расточительной пропаганде, решение оказывается благоприятным для него,—какими эпитетами и пояснительными обозначениями ни называть пошлины или систему их,—то этот процесс должен быть безусловно отнесен на счет обстоятельств, созданных прямо или косвенно военными событиями, и на счет влияния последних на торгово-политическую мысль. Неожиданное положение, в которое английское хозяйство попало во время войны, способствовало склонности к изменению политики свободной торговли и к восстановлению системы покровительственных пошлин больше, чем колониально-империалистический аргумент, сильнее и энергичнее, чем обработка общественного мнения, направляемая известными, бедствующими отраслями промышленности, стремительнее, чем клич к обороне от социалистических финансовых мероприятий при помощи тарифной реформы.

с) Военные аргументы.

Тот аргумент, что на случай войны и опасности быть блокированной Англия не должна сокращать еще больше прежнего своего самоснабжения, играл, само собой понятно, значительную роль в дебатах о покровительственных пошлинах уже до 1914 г. Вследствие возбуждения вопроса с этой точки зрения и была создана парламентская комиссия, результаты исследования которой были изданы в 1906 г. под заглавием: „Доклад о снабжении продовольствием и сырьем“. Этот доклад мало заинтересовал общественное мнение Англии, хотя было опрошено большое число экспертов по торговле, судоходству, международному праву и военному флоту. Общий итог высказанных мнений был тот, что введение покровительственных пошлин в целях самоснабжения имело мало надежд на успех.

Доклад становился в целом на ту точку зрения, что в случае морской войны островное государство окажется хозяйственно неприкосновенным. Для этого приводились три довода: **во-первых**, военный, а именно, что большой боевой флот Англии один способен защитить самые острова от нападения и поддержать правильное снабжение. В конце всего исследования говорилось: „Во всем сказанном выше мы принимали, что не утрачено наше господство на море, что развитие событий еще не достигло того пункта, при котором наш флот был бы, скажем, не в состоянии отбить организованное нападение на нашу торговлю. Потому что, если бы это наступило, тогда нельзя было бы дальше считать, что мы можем сохранить без значительного сокращения наш подвоз, и тогда бы действительно наступила опасность голода“.

Второй мотив для успокоения искали в положениях международного права. При помощи многочисленных мнений и доводов, заимствованных из опыта последних войн, доклад пытается доказать, что постановлениями и определениями межународнего права запрещено отрезывать страну от источников пропитания. Особенно подчеркивалось при этом положение, занятое в этом вопросе Англией при военных осложнениях Франции с Китаем в 1885 г. и во

время русско-японской войны 1904 г. **Наконец**, сильнейшую опору страны в случае войны видели в особенностях ее мирового снабжения, в его многосторонности и регулярности. Было, однако, установлено, что Великобритания потребляет ежегодно одной пшеницы около 28 милл. квартеров, из коих только 6—7 милл. она производит сама, что наличные запасы пшеницы хватают обычно в лучшем случае на 17 недель, но часто только на $6^1/_2$ недель, что далее Англия получает из-за границы значительную часть потребляемого ею фуража, мяса, масла, яиц, фруктов и т. д., что большая часть ее переработки железной руды покоится на ввозе и многое другое. Но этим доводам противопоставлялось то (об общей блокаде подвоза тогда никто не дерзал думать!), что в снабжении участвует большое число стран, почему неучастие одной какой-либо страны не создаст никаких особых трудностей.

Это особенно утверждалось относительно столь важного снабжения хлебом. Тут ясно указывалось на то, что Англия ввозит свою пшеницу из большого числа стран, дословно говорилось, что она идет непрерывной рекой—„uninterrupted stream"—в зависимости от сроков урожая в разных странах, именно из Соединенных Штатов, Канады, Австралии, России, Аргентины и т. д. Не хотели признавать, что военные осложнения могли принять такой об'ем, чтобы вызвать в этой области прекращение подвоза. Предаваясь, таким образом, ясно выраженному оптимизму, вполне отчетливо сознавали в то же время, что иное положение имело бы тяжелые последствия для втянутой в войну Англии. Названный доклад предостерегал от предположения, что английский народ сумеет долго выдержать рост цен, подобный тому, какой был в наполеоновские времена, так как, „хотя рабочий класс был в то время в общем менее зажиточен, чем теперь, но все же он мог скорее одолеть высокие цены на продовольствие, чем теперь. Относительно большая часть населения была занята в сельском хозяйстве, значительная часть заработной платы выдавалась им натурой, другие рабочие также жили и питались у своих работодателей; кроме того, поскольку дело касается остального рабочего населения, кажется, что расходы на квартиру очень увеличились с начала нового столетия. Во всяком случае едва ли можно думать, что рабочие слои могли бы, так сказать, автоматически вернуться к уровню жизни того времени или даже к условиям, какие господствовали во время крымской войны". Затем в заключение доклада говорится: если бы во время войны произошло сокращение подвоза из-за границы, и оно имело бы место в такое время года, когда запасы отечественной пшеницы (собственного урожая) уже потреблены, то „следствием этого был бы не только опасный рост цен, происходящий от недостатка предложения и способный с своей стороны вызвать серьезную панику, но к этому присоединилась бы столь сильная нужда внутри страны, что последняя не могла бы продолжать войну". Однако эти заключительные выводы носили скорее теоретический характер, так как центр тяжести общих положений сообщения лежал в описанном нами „иммунитете" английского народного хозяйства в случае войны.

Впрочем, события развивались после 1914 г. совершенно иначе. С начала войны, особенно с возникновения немецкой подводной войны в ее различных формах, могущество английского морского флота оказалось не настолько большим, чтобы, как считало сооб-

щение, действительно отразить все без исключения посягательства, сначала небольшие, затем более сильные и общие, на снабжение Англии продовольствием и сырьем. Принципы международного права, на которые рассчитывала Англия (кто здесь прав и кто неправ — остается за пределами нашего рассмотрения), не оказали никакого влияния. Воюющие стороны, будь то в форме обходов или применения особых интерпретаций, будь то в качестве меры возмездия, просто лишали их силы или в корне изменяли их. К этому прибавилось еще то, что экономические отношения во время мировой войны или совсем не были учтены или были учтены совершенно неправильно.

В самой важной области снабжения, во ввозе пшеницы, это сказалось очень скоро после начала войны. Из многих снабжающих стран выпадала одна страна за другой, сначала вследствие блокады Дарданелл выпала Россия, так же, как и Придунайские страны; позднее, когда благодаря подводной войне стал ощущаться недостаток тоннажа, пришлось поневоле ограничить подвоз ближайшими странами, так что пшеница из Австралии и Индии, зерновые хлеба и маис из Аргентины привлекались к снабжению только в малом количестве, и Англия попадала в более или менее полную зависимость от урожаев в Северной Америке. В течение войны происходило такое повышение цен, что подобного им постоянного уровня цен надо было искать уже не в крымскую войну, но во времена континентальной блокады Наполеона. Они составляли для важнейших товаров 100—300%. Вместо предполагавшегося перед войной возможного повышения фрахта в два или три раза, произошло увеличение фрахтов часто на 1000—2000%: напр., фрахт на рис Бирма-Англия в июле 1914 г. составлял 16—20 шилл.; конец июня 1917 г.—480 шилл. Здесь не место описывать, в каких отдельных отраслях продовольственного и сырьевого снабжения, в какой мере и каким темпом давали себя чувствовать недостаток снабжения, оскудение и рост цен. Можно только сказать, что Англия переживала во время войны нужду во всех областях своего снабжения, преодоление которой считалось бы в более спокойные мирные времена совершенно невозможным. Обширные мероприятия для устранения этой нужды, как ограничения потребления продовольствия, отчасти проведенная выдача его по пайкам, систематическое распределение отдельных видов сырья или реквизиция их (хлопок, джут, шерсть, металлы, масла, лес и т. д.), мероприятия в целях экономии наличных запасов (например, предписания мельницам и пекарням о помоле и смесях), государственное вмешательство в использование тоннажа и многие другие постановления и законы дают картину такой военно-хозяйственной нужды, какой никогда не опасались в Англии, и абсолютная оценка которой не может быть смягчена указанием хотя бы на еще худшие военные обстоятельства в других странах.

Последствия этого можно отчасти иллюстрировать цифрами. Необходимость бережливейшего использования скудного тоннажа явствовала из государственного ограничения ввоза, в то время как вывоз также подвергся значительному сокращению, вследствие общих условий военного времени, как и благодаря тому же недостатку тоннажа, который привел в конце концов к почти полному прекращению сообщения на дальние расстояния (Дальний Восток). Пришлось дойти до ограничения тоннажа предоставленного еще для

гражданских потребностей подвозом важнейших товаров, как, прежде всего, хлеб, мясо и жиры, железные руды (из Испании) и крепежный лес (из Скандинавии и Западной Франции). При этих условиях торговый баланс настолько ухудшился, что в конце концов его пассивность достигала в отдельные месяцы высоты, которая в годовом масштабе в 5—6 раз превосходила пассивность торгового баланса мирного времени. Она равнялась временами 10—12 миллиардам марок. Но может быть эта в первую очередь финансовая проблема была менее тревожна для богатейшей страны мира, чем фактическое оскудение и вздорожание, приводившее к тревожным движениям среди рабочих, называвшимся промышленным беспокойством (industrial unrest), между тем как заработная плата не могла достаточно быстро приспособиться к растущим ценам. Законы о максимальных ценах часто оказывались неприменимыми, или обещанные пайки не могли быть предоставлены.

К этим следствиям так называемой „экономической войны" присоединились такие, которые перед лицом более серьезных угроз вызывали меньше общего внимания, но которые все же приобрели, особенно в послевоенное время, величайшее значение для английского народного хозяйства. Сюда относится то, что недостаток тоннажа и ограничение государством английского вывоза значительно укрепили заокеанских конкурентов Англии, не затронутых последствиями войны. Мы уже познакомились с примерами такого рода, когда говорили о развитии индийской текстильной промышленности и о под'еме японской промышленности во время войны. Следствием военных обстоятельств было также то, что Соединенные Штаты сделали свой торговый флот одним из первых в мире и этим нарушили преобладание Англии в транспортном деле и судоходстве.

Все эти обстоятельства были достаточно существенны, чтобы показать Англии зависимость хозяйственной жизни от военных осложнений в совершенно ином свете, чем перед 1914 годом, или хотя бы ко времени составления парламентского сообщения 1905 г. Теперь уже известны случайности и непредусматриваемые возможности войны, переходящей на хозяйственную жизнь,—опыт, отсутствовавший в течение всего XIX века; пришлось признать, что последствия войны в хозяйственной жизни Англии должны быть теперь несколько иными, чем в наполеоновские времена, независимо от того обстоятельства, приводят ли трудности снабжения к военной и политической катастрофе, или же она может быть предотвращена, как было в мировой войне. Внедрение Англии в систему мирового хозяйства, связь каждой отрасли ее хозяйственной деятельности с иностранными рынками и местами производства превращают каждый перерыв или затруднение в снабжении в обстоятельство чрезвычайной важности не только для отдельной непосредственно задетой отрасли хозяйства, но и для целой сети других, связанных с этой отраслью хозяйственных комплексов. Это чисто экономическое соображение сохраняет силу, хотя Англия и сумела выиграть войну против Германии благодаря необычайной способности к приспособлению и готовности к жертвам ее граждан, непоколебимой энергии и стойкости ее торгового флота и твердости ее политических вождей в отношении раз поставленных в их политике целей.

Но нужно упомянуть еще об одном испытании, очень важном и чреватом последствиями для будущей хозяйственной политики

9*

Англии. До 1914 года в Англии предусматривали угрозы снабжению большей частью в областях, казавшихся столь жизненно необходимыми, что хотя бы только частичное препятствие ему могло иметь катастрофические последствия, как прежде всего подвоз хлеба, керосина и железной руды. Во время же войны очень скоро выяснилось, что зависимость в подвозе товаров менее существенных в мирное время, особенно если эта зависимость ограничивается одной или несколькими странами, может стать во время войны очень опасной. Если в мирное время такого рода зависимость рассматривалась самое большее с точки зрения вопроса о ценах, то теперь, во время войны, пришлось признать, насколько последний отступал перед вопросами о снабжении. Ущерб доставке или производству таких товаров, особенно же товаров важных для специальных военных целей, мог относиться к отдельным родам сырья, как и к некоторым фабрикатам определенной иностранной промышленности, большею частью защищенным изобретательскими патентами. Все попытки растянуть или сократить потребление должны были оказаться бессильными, когда проявлялся недостаток запасов, безусловно необходимых для военно-технических целей. В этой связи часто уже упоминавшийся нами доклад 1918 г. называл различнейшие ввозные товары, и прежде всего: красящие вещества, цинк, вольфрам, оптические и химические инструменты, азотно-ториевую соль, магнето и т. д. Эти и другие товары, „производство которых хоть и не имеет особенно больших размеров, но которые, однако, безусловно важны для национальной безопасности, доставлялись перед войной почти исключительно из враждебных стран и подвластных им теперь областей“; с точки зрения снабжения ими во время войны не существует другой возможности, как производить их или в самой Англии или по крайней мере в пределах Британской Империи. При этом надо постоянно иметь в виду, что безусловную гарантию снабжения может дать только производство в самой Англии, в то время как производство в колониях или контроль там над ним всегда означает лишь ручательство, что в случае войны запрещения или затруднения вывоза не смогут помешать удовлетворению английской потребности в этих товарах; но они не представляют гарантий беспрепятственной доставки их.

Во всяком случае понятно без дальнейших раз‘яснений, что эта совершенно новая для Англии сторона снабжения и удовлетворения потребностей привела к мероприятиям и соображениям, возбуждавшим перед войной лишь чисто платонический интерес. Раз обеспеченность ее снабжения в войне считается под вопросом, то для Англии это означало и означает теперь необходимость ввести в хозяйство начало самоснабжения путем различных косвенных и прямых мероприятий. О некоторых исходных точках зрения в этом направлении мы уже упоминали. Сюда относится прежде всего стремление к самоснабжению внутри британского государства, возможности которого были детально изложены в докладе Dominions Royal Commission. Тут также надо различать две точки зрения: во-первых, стремление при помощи особых мероприятий самим поставить необходимые производства внутри Британской Империи, будь то путем специального поощрения и развития местных производств, будь то таможенными мероприятиями. В качестве примера назовем: поощрение добычи керосина, как его уже начали перед

войной в Тринидаде и Новой Зеландии, чтобы сделать снабжение, главным образом, английского флота независимым от Америки и Румынии; замена доставки леса из скандинавских стран доставкой из британских колониальных мест разработки, или выработка калийных солей—впрочем без добычи из естественных залежей, так как для этого еще не сломлено монопольное положение залежей средней Германии и Эльзаса,—различными заводскими способами (отчасти при помощи старой техники). Во-вторых, со времени войны существует стремление наложить руку на имеющиеся производства, чтобы помешать их использованию в чьих-либо иных интересах, кроме британских. Здесь имелось в виду снабжение цинком и вольфрамом. Перед войной главные залежи этого сырья находились в британских областях, но добывавшийся в Австралии цинк (приблизительно в 500.000 тонн в год) переплавлялся в Германии и Бельгии, добыча Британской Колумбии переплавлялась в Соединенных Штатах. Вольфрамовые руды Австралии и Новой Зеландии также покупались почти целиком Германией и экспортировались в переработанном виде в Англию. В обоих случаях британское правительство приступило частью во время войны, частью при помощи договоров, имеющих силу и для послевоенного времени, к закупке всей продукции или частей ее за счет государства и к гарантии производителям соответствующих минимальных цен. Одновременно с этим в Канаде на основе особого закона 1916 г. (Dominion Zinc Bounties Act) о премиях на цинк в доминионах стали развиваться предприятия по раффинированию этих металлов.

Но эти меры еще не заключали самой главной. Все трудности снабжения Англии во время войны, зависимость многих производств от заграницы в вспомогательных материалах и средствах, желание производить все необходимые для войны товары внутри страны и в ее заокеанских владениях требуют сами по себе **покровительственных пошлин.** Их можно называть мерами военно-хозяйственными или мерами экономической предусмотрительности—но во всяком случае побудительные причины были на сей раз сильнее, чем все прежние агитационные аргументы, о которых мы говорили выше. К этому присоединилось то, что по окончании войны увеличилась опасность дэмпинга германских и австрийских товаров, благодаря дезорганизации валюты, низкому курсу марки и кроны, так что стремление к покровительственным пошлинам поддерживалось и с этой стороны. Таким образом, торгово-политические мероприятия Англии, уклоняющиеся от прежней политики свободной торговли, распадаются теперь на две группы: пошлины против дэмпинга и пошлины, которые можно назвать „предохранительными“, и причины появления которых мы только что об‘яснили. Согласно закону, принятому в первом чтении 10-го мая 1921 г. значительным большинством, но прошедшему сравнительно мало замеченным, правительству была поручена разработка пошлин в $33^1/_3\%$ для защиты так называемых „отмыкающих индустрий“ (key или pivotal industries).

Очень характерна для всей оценки и трактовки вопроса программа, выставленная докладом 1918 г. (в IX главе под параграфом 213), на которую руководящие правительственные органы будут постоянно ссылаться. Выводы и требования этой тщательно разработанной записки были следующие: 1) английские производители в праве требовать защиты от дэмпинга, как и пошлин против

ввоза так называемых sweated goods (потогонных товаров), т.-е. товаров, произведенных при такой заработной плате, которая не соответствует уровню платы, установленному с согласия профессиональных союзов данной страны. Предлагалось последовать в Англии образцу канадской системы добавочных пошлин, направленных против дэмпинга. 2) При всяких обстоятельствах и хотя бы с самыми большими издержками должны быть сохранены и защищены пошлинами „отмыкающие“ или „стержневые“ индустрии (key или pivotal industries). Сюда принадлежат между прочим судостроение, электрическая, химическая промышленность и т. д., на ряду с только что названными другими, особенно важными для военных целей отраслями и отдельными производствами. 3) В остальных производствах надо тщательно различать, действительно ли они имеют значение для национальной безопасности или нет. 4) В случае введения пошлин надо давать привилегии британским колониям. 5) При установлении пошлин рекомендуется заключать особые тарифные соглашения с союзниками Англии и нейтральными странами.

Нужно отметить, что указанный доклад сознавал как трудности, так, может быть, и неизбежные экономические опасности выдвигаемой им новой торговой политики и откровенно говорил о них. Уже раньше мы цитировали вытекавшие из заслушанных мнений экспертов соображения о возможном вздорожании сырья и полуфабрикатов, угрожающем успеху английской конкуренции на мировом рынке. Доклад предостерегал также от защиты покровительственными пошлинами производства предметов роскоши. Тут был бы достаточен чисто фискальный таможенный тариф. Затем в другом месте говорится опять: „Между отраслями промышленности, требующими покровительственных пошлин, существуют такие, в которых проявляется, как доказано, недостаток технических знаний и имеются дефекты в области снабжения, управления и организации. В таких случаях существует опасность, что желанные таможенные пошлины приведут к сохранению в хозяйстве неправильных методов“. Затем указывалось также на трудность различать между товарами, принадлежащими к составу „бросового экспорта“ и не относящимися сюда. В этом вопросе доклад также становился на вполне об‘ективную точку зрения. Часто повторявшееся утверждение, что Германия обязана своим быстрым сравнительно с Англией расцветом бросовому экспорту, будь то в самую Англию, будь то на мировой рынок, не нашло в докладе никакой поддержки.

В особом отделе (ср. главу I, параграфы 95—97) рассматривались причины хозяйственного под‘ема Германии на мировом рынке. Здесь между прочим говорится: „Успех иностранной конкуренции об‘ясняется целым рядом причин: в одних случаях известными природными преимуществами в отношении сырья, в других случаях дешевизной труда, особенно для продуктов кустарной промышленности, или малыми издержками производства на единицу товара, что опять-таки является следствием проведения в широком масштабе специализации и стандартизации, или он покоился на изобретательном созидании новых потребностей на потребляющих рынках“. По поводу заокеанской торговли особенно подчеркивается то, „что иностранные купцы и фабриканты применяли методы организации и распределения, отличавшиеся от британских, и бывшие во многих случаях значительно более успешными“. Затем, следует интересное

об'яснение, указывающее на то, что Германия могла с 70-х годов заново построить свою промышленность и вооружить ее всеми новейшими достижениями, что именно в целях конкуренции с Англией она постоянно заботилась о всевозможных нововведениях и изобретениях, между тем как в самой Англии настолько привыкли к традиционному успеху, что „уделяли мало внимания необходимости постоянной бдительности и способности приспособления к изменяющимся потребностям рынков". Далее указывается на раннее признание в Германии необходимости научной постановки хозяйства и техники, „между тем как британские фабриканты, за исключением отдельных выдающихся случаев, не признавали этого". Затем упоминаются знание язык немцами и их организационные способности. На все эти условия указывается в первую очередь, вопрос же о дэмпинге в этой связи не упоминается совсем, а относительно „деловых методов" немцев, часто характеризуемых, как „хозяйственно нездоровые и морально предосудительные", замечается только, что здесь, правда, возможна критика, но что, с другой стороны, „эти методы во многих отношениях имели явный успех".

Следовательно, можно сказать, что на этот официальный доклад не повлияли заявления агитаторов и газет, выставлявших немецкую конкуренцию результатом искусственного понижения цен, бросового экспорта и пронырливых приемов. Если проследить цитированные здесь мнения, то едва ли можно предположить, что лица, подписавшие этот доклад, были столь слепыми сторонниками новой торговой политики, что преувеличивали значение ее возможных результатов. В конце концов ведь ни природные преимущества, ни умение приспособляться к изменяющимся потребностям мирового рынка, ни желание изучать иностранные языки, ни талант планомерной организации, изобретений и новых методов не могут быть сообщены стране покровительственными пошлинами; даже достигнутые уже этим путем мировые успехи не могут быть на долгое время закреплены покровительственными пошлинами без того, чтобы не вызвать этим регресс во всем мире, а следовательно, также и в собственной стране. С этими основными взглядами был, очевидно, связан весь ход мыслей авторов столь знаменательного доклада, иначе бы они не употребили при обсуждении впроса о покровительственных пошлинах столь достойную признания осторожность и беспристрастность и не указывали бы то и дело предостерегающе на то, „что в конкуренции после войны, на ряду с вопросом организации, кредитной помощи и деятельного руководства предприятиями, главным фактором будет способность к экспорту и особенно его дешевизна". В заключение рассмотрения предлагаемых фискальных мероприятий говорилось еще раз: „По всем этим причинам мы составили себе определенное мнение о том, что ни одно из наших предположений не может каким бы то ни было способом помешать или повредить росту исключительно важной для нашей страны экспортной торговли".

* * *

С падением свободной торговли исчезают и остатки „старой" Англии, какой она была при **Кобдене, Брайте** или **Гладстоне**, а также еще при **Дизраэли, Пальмерстоне** и **Сальсбюри**. В новое социальное государство врастает неомеркантилистическое торговое государство,

основанное на покровительственных пошлинах (хотя бы их и называли предохранительными или как-нибудь иначе), на quasi—монополистических отношениях к колониям, называемых политикой благоприятствования, и выражающихся, кроме того, в регулировании сбыта сырья, на государственных мероприятиях для развития производительных сил во владениях, с премированием, покровительством при помощи правительственных заказов и т. д. В конечном итоге это означает: возвращение к принципам, против которых боролся Адам Смит, изменившимся в форме и в об'еме соответственно современным условиям мирового хозяйства, но во всяком случае оставшимся теми же в своих основных контурах.

Мировая война заметно ускорила превращение Англии в социальное и неомеркантилистическое государство с сильным правительственным отпечатком и империалистической окраской. С другой стороны, мировая война оставила после себя всемирно-хозяйственный хаос, существующий еще и теперь, почти через три года после заключения мира и исключающий возможность суждения о том, как эти новшества английской хозяйственной жизни должны влиять на нормальное развитие английского национального богатства. Нужно ли рассматривать этот ускоренный войной процесс, как возможное развитие в сторону созданного **Шульце-Гевернитцем** понятия „государства—рантье“ и „усыпления капитализма“? Указывает ли усиление рабочего движения с его фискированным „минимумом заработной платы“, организацией заводских советов и „правом на труд“, на тенденцию увеличения издержек производства, не считающуюся со способностью к международной конкуренции? Означает ли сильное колониально-империалистическое движение вынужденный выход для делающегося более слабым и менее продуктивным английского внутреннего хозяйства? Или в связи с политически успешным исходом войны для Англии, увеличением ее территории, числа подданных, областей, производящих сырье, и престижа можно сделать из этих тенденций тот вывод, что на место прежней внутренней и всемирно-хозяйственной организации Англии стала более здоровая и более ценная с народно-хозяйственной точки зрения структура? Все это вопросы неизмеримого значения, на которые, однако, современная история не дает ответа и не может дать его, пока будет длиться полнейшая дезорганизация прежнего мирового хозяйства. Потому что ясно одно: по сравнению с условиями 1914 года современное хозяйственное положение Англии не особенно благоприятно, что не может быть опровергнуто указаниями на положение других стран, как и всеми утешениями сравнительного характера.

Часто упоминавшийся нами доклад 1918 года постоянно указывает на необходимость оживления английского вывоза; но именно про Англию, зависящую больше какой бы то ни было другой страны от вывоза, можно сказать, исходя из ее довоенного положения, что виды на увеличение экспорта довольно неутешительны. Как раз из осведомленных банковских кругов раздавались весной 1921 года предостерегающие голоса. В ходе нашего изложения мы часто ссылались на развитие собственных производств в заокеанских небританских или британских колониальных странах—во всяком случае с ущербом для английской промышленности,—и в особенности на образование индустриального хозяйства в Соединенных Штатах и дальневосточных странах. Сюда присоединяется сокращение евро-

пейского рынка вследствие обнищания Австро-Венгрии, разрыва торговых сношений с Россией и ее тяжелого хозяйственного положения и экономических затруднений в Германии. Именно возобновившееся обесценение марки составляет препятствие для британского ввоза в Германию. Крупные, даже крупнейшие покупатели Англии,—ибо Германия и Россия были главными потребителями ее европейского экспорта,—в значительной степени выбыли из строя. Франция, Бельгия и Италия не могут вполне заменить их. Таким образом, по всем этим причинам, как и вследствие неумения приспособиться к иностранным потребностям, положение английского сбыта не благоприятно. Сюда присоединяются издержки, связанные с удовлетворением того спроса, на который еще работает английский экспорт. Фрахты, хотя они уже значительно упали, все еще выше, чем до войны и увеличивают стоимость морского транспорта. Издержки производства внутри страны велики, во-первых, благодаря все еще высоким ценам на продовольствие (вспомним, что цена пшеницы в $2\frac{1}{2}$ раза превосходит довоенную) [1], во-вторых, благодаря приспособлению заработной платы к стоимости жизни, с которой она или сравнялась или по крайней мере вследствие регулировки приблизилась к ней, в-третьих, благодаря дороговизне сырья, об'ясняющейся отчасти опять-таки высокими фрахтами, которые благоприятствуют собственной переработке заокеанскими странами своего сырья. Может ли с этой точки зрения рассматриваться как облегчение экспортных трудностей обременение народного хозяйства расходами, связанными с обязательствами, которые взяло на себя современное английское социальное государство, или желательная для рабочих нивеллировка индивидуальной работы в интересах всего рабочего класса, не говоря уже о приносимых в начале новым порядком в результате острой борьбы массовых движениях и большом уроне в работе? Может ли считаться таким облегчением вывоза система покровительственных пошлин, которая, как ни мотивировать ее политически, должна повести к вздорожанию готовых фабрикатов, несмотря на возможность получения дешевого сырья, и этим опять замедляет общее понижение цен? Ведь как ни убедительны кажутся империалистические принципы, все же осуществляемая во имя их покровительственная система принуждена отказаться от более дешевого снабжения, вследствие предпочтения колониального сырья и продуктов.

Если ответить на поставленные вопросы отрицательно, то будущее английского благосостояния выступит в неблагоприятном свете. Все эти осложнения отступают теперь, в переходной период и при все еще продолжающемся мировом экономическом хаосе, на задний план; действие их не так чувствительно, потому что весы, отмечавшие раньше всякое незначительное бремя, показывают теперь только большие тяжести; при восстановлении же нормальных условий снова автоматически начнется точное функционирование мирового хозяйства, вопросы цен и издержек, способность конкуренции отдельной, желающей экспортировать страны снова выступят на передний план, а вопросы о припасах и мерах безопасности отсту-

---

[1]) Написано в 1921 году. Ныне общий уровень цен в Англии (как и в Америке), примерно, на 60% выше довоенного, хлебные же цены—лишь на 40%. *Прим. ред.*

пят на задний, и в этой вновь возобновившейся мирной экономической борьбе придется высчитывать и считаться с каждой копейкой.

Тогда решающий вопрос будет ждать в Англии своего разрешения. Старые английские сторонники свободной торговли не напрасно и не вследствие случайного расположения духа считали систему беспошлинного товарообмена связанной с проблемой общего мира. Не напрасно имеет Кобденовский клуб еще теперь девизом: „Free Trade, Peace, Goodwill among Nations". (Свободная торговля, мир, благожелательность между народами). За этим „пацифистическим" направлением скрывается не только чувствительность космополитического характера, не только одна мысль о том, что разгораживание отдельных народных хозяйств должно способствовать торговой вражде и стимулировать, таким образом, войны между народами; в этом своеобразном хозяйственно-политическом сочетании мыслей скрывалась еще одна более глубокая идея. Свободная торговля несомненно показала Англии, что она обезоруживает страну в случае военных осложнений. Мировая война раз навсегда вскрыла эту национальную опасность (что бы ни думать о масштабе такой угрозы), и современное движение в пользу покровительственных пошлин было следствием этого факта. Свободная торговля должна была создать эту опасность, потому что она выдвигала принцип, что каждая страна должна без каких-либо предосторожнестей покупать все товары, но главным образом продовольствие и сырье там, где они всего дешевле. Опасность, проистекающая от этого, не угрожает до тех пор, пока нет войн. Поэтому свободная торговля предполагает в своей основе безусловно миролюбивую политику. Если этой основы не имеется, то каждая страна будет вынуждена пожертвовать экономическими интересами ради политических и обеспечить свою „national safety" (национальную безопасность) ценой больших, даже величайших издержек. Англия, кажется, готова принести эту жертву. Эти мотивы чрезвычайно способствовали увеличению всех перечисленных нами тягот, возложенных на английское народное хозяйство, как искусственная поддержка покровительственными пошлинами отраслей промышленности, работающих дороже, чем иностранные, благоприятствование колониальным продуктам, поскольку они оказываются неспособными к сбыту на английском рынке без такового, государственные расходы для развития в империи сначала сравнительно дорогих собственных производств, и закупка на государственный счет некоторых основных колониальных продуктов. Таким образом, подготовленность к войне обходится дорого. Она остается тем, чем была всегда: обузой для свободного развития народного благосостояния. Чем больше Англия в прежние времена основывала свое хозяйство на свободной торговле, чем зависимее оно должно было по необходимости стать от иностранного ввоза, тем болезненнее должна была быть перемена, тем больше финансовая жертва. В то время, как страна, подобная, например, Германии, может „запасти" резерв на случай войны, откладывая хлеб в количестве $^1/_{10}$ части своего потребления, Англия нуждается для этого в резерве, равном $^4/_5$ ее годового потребления; и так во многих других вопросах. Окажутся ли возможны в таком размере экономически нецелесообразные издержки, сохранение дорогих собственных производств и благоприятствование отчасти собственным, отчасти заокеанским колониальным производствам, без того, чтобы разрушить

английское хозяйство, которое ведь в конце-концов тоже является составной частью национального организма, или без того, чтобы принудить значительную часть его прежних работников к эмиграции? Не должно ли было быть стремление к миру всего ближе современной Англии именно после опыта этой войны, и во избежание или для облегчения экономических тягот, возлагаемых на национальное богатство? С той эпохи, когда возникающий капитализм вел первую большую борьбу с политической властью своего времени, хозяйственность, с одной стороны, и великодержавная политика, с другой, ни разу не требовали более трудного и значительного решения, чем это, и от него в первую очередь будет зависеть дальнейшее развитие народного хозяйства.